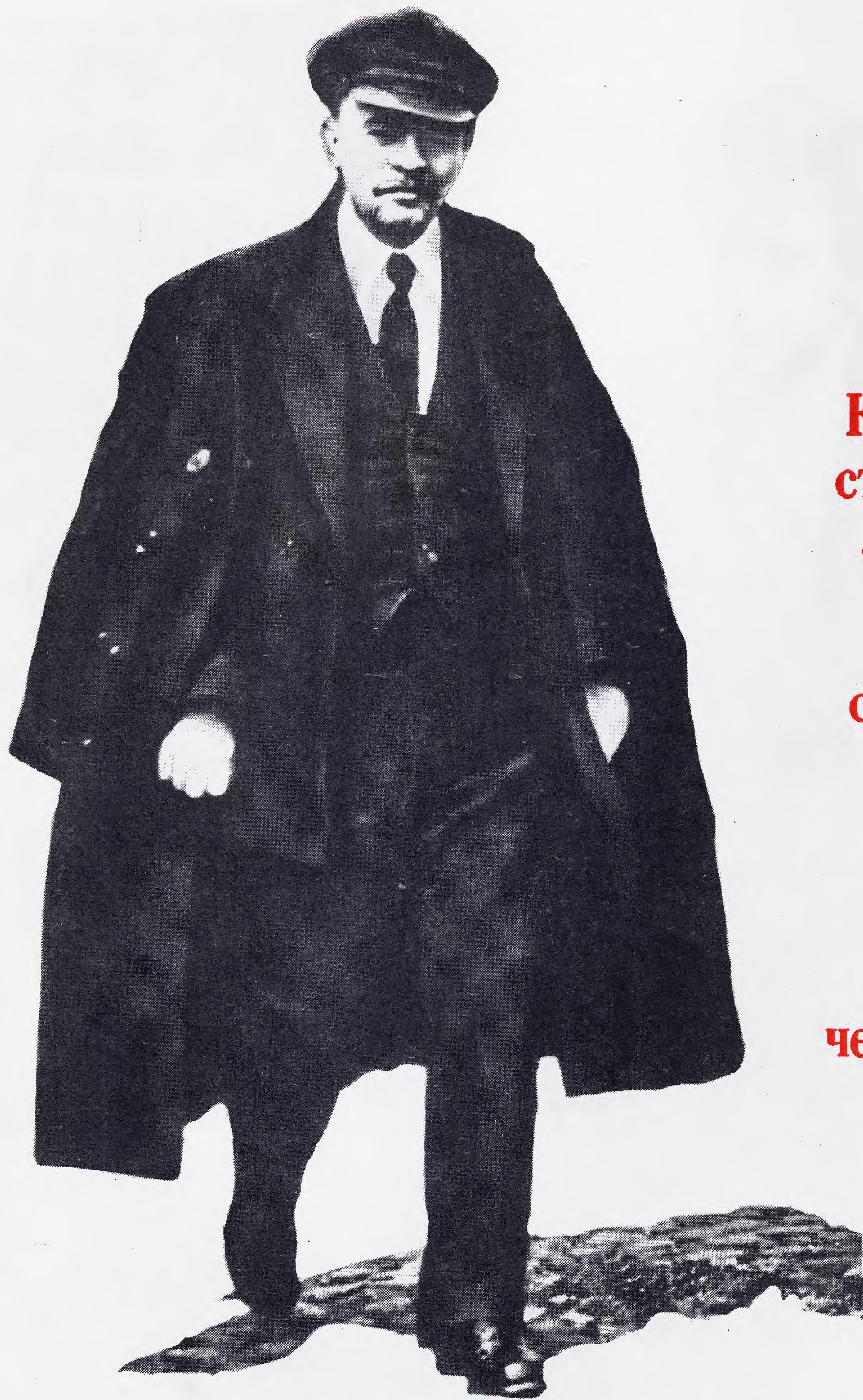

ПИОНЕР 9

СЕНТЯБРЬ ● 1979 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПИОНЕРЫ ВСЕЙ СТРАНЫ

В 1980 году
110-я годовщина
со дня рождения
В. И. Ленина

Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество.

В. И. ЛЕНИН

Вот и прошло звонкое пионерское лето. Опущены флаги на лагерных мачтах. Прозвучал в роще прощальный сигнал горна и догорели угли в последнем костре дружбы... Прощай, пионерское лето! И здравствуй, первый школьный урок!

Но прежде, чем сесть за парту, открыть учебник, прежде, чем пройдет первая школьная неделя, давайте вместе вернемся к событиям прошедшего пионерского лета. А его события были важные и интересные: к ним вы будете обращаться, когда снова ваши отряды, уже не в лагере, а в школе, продолжат выполнять задания Всесоюзного марша «Пионеры всей страны делу Ленина верны!».

...Ульяновск и Казань, Горький и Кострома, Москва, Череповец, Ленинград — вот маршрут пионерского рейса на теплоходе «А. С. Попов». Радостно и сердечно повсюду встречали посланцев Страны пионерии — лучших из лучших на пионерском марше. Во время рейса ребята обменивались опытом работы, встречались с прославленными героями войны и труда, проводили конкурсы и викторины, были участниками Всесоюзной пионерской плавки. В своем письме ко всем пионерам страны участники рейса писали:

«Все, что мы узнали, чему научились, мы возьмем с собой в новый учебный год и еще активнее начнем готовиться к 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Наша цель — добиться, чтобы каждый отряд дружил с романтикой, жил интересно, активно участвовал в работе пионерской организации.

Впереди у нас много больших и важных дел. Тверже шаг на марше! Будем ценить отеческую заботу нашей Родины, народа, родной Коммунистической партии о нас, будем всегда помнить наказ большого друга советской детворы товарища Леонида Ильича Брежнева — расти активными строителями коммунизма».

Вчитайтесь еще раз в эти слова — они обращены и к вам.

...В городе-герое Туле, красной кузнице страны, прошел VIII Всесоюзный финал пионерской военно-спортивной игры «Зарница». 90 лучших отрядов — две тысячи победителей — соревновались в стрельбе и плавании, бегали и подтягивались на перекладине, выпускали «боевые листки», показывали, как они знают правила уличного движения, участвовали в смотре агитбригад, в главном «бою» под кодовым названием «Тульский рубеж».

Участники финала проявили волю и настойчивость, показали отличные знания по юнармейским специальностям, а главное, еще раз прикоснулись всем сердцем к подвигу тех, кто грудью встал на защиту столицы и не пустил врага к Москве.

В своем Обращении к пионерам страны зарничники писали:

«Зарница» — игра сильных, ловких и смелых. Она учит любить Родину, крепить дружбу с воинами Советской Армии, закалять волю и характер. Мы призываем юных ленинцев активно участвовать в «Зарнице». Пусть каждый из нас пройдет ее школу — школу дружбы, товарищества, верности Красному пионерскому знамени, красному пионерскому галстуку.

Зарничник постоянно готовится стать надежным и верным защитником Родины.

Зарничник — первый в учебе, труде, спорте, во всех пионерских делах.

Зарничник всегда дисциплинирован, прилежен, правдив и честен».

Эти слова обращены и к вам, вместе подумайте о том, как еще активнее участвовать в вашей любимой игре «Зарница».

...Черкассы, Канев, Леплява. Здесь состоялся II Всесоюзный слет тимуровцев. На него съехались 500 активистов по работе на маршруте «Тимуровец» и сто ваших старших друзей — верных и надежных помощников в тимуровской работе. Навсегда у делегатов слета останется в памяти минута молчания на могиле писателя-воина — Аркадия Петровича Гайдара. Никогда не забудут ребята встреч у тимуровских костров с теми, кто рядом воевал с Гайдаром, кто в прифронтовом Киеве входил в тимуровские команды. Вот с чем обратились тимуровцы ко всем пионерам страны:

«На слете в честь 35-летия Победы над фа-

ДЕЛУ ЛЕНИНА ВЕРНЫ!

ПИОНЕР
Выходит с 15 марта 1924 г.
Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина
СЕНТЯБРЬ 9
Москва 1979 г.
Издательство «Правда»

шистской Германией мы объявили Всесоюзную операцию «Ветеран живет рядом». Окружим ветеранов ратного и трудового подвига заботой и вниманием. Проведем нашу операцию в каждой дружине, отряде, команде. Штабы Тимура — организаторы новой тимуровской операции.

Тимуровцы!

Дадим решительный бой тем, кто нарушает дисциплину, обижает малышей, портит народное добро. Каждый тимуровец дисциплинирован, честен, подтянут.

Возьмем шефство над детскими яслями, садами, площадками, детскими домами, сделаем каждую улицу местом интересного и полезного отдыха. Каждый тимуровец — организатор работы по месту жительства».

Эти слова обращены и к вам, дорогие ребята.

Наказ слета — призыв к действию. И надо действовать так, чтобы взрослые сказали вам: «Молодцы, тимуровцы!»

Пионерское лето — сколько в нем уместилось событий и встреч: праздник в «Артеке», посвященный Международному году ребенка, слет ребят России — защитников природы в Волгограде, международные соревнования юных пожарных в «Орленке», встреча делегатов I Всесоюзного слета в Москве... И каждое из этих событий имеет отношение к будущей работе вашего отряда.

Подготовка к 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина — вот то главное, чем будет заниматься двадцатимиллионная пионерская дружина нашей страны, а значит, и ваш пионерский отряд.

Вы не раз слышали о том, что каждый пионер должен выполнять заветы В. И. Ленина. А что значит сегодня, в школе, выполнять заветы вождя Революции? Это значит постоянно учиться, приобретать новые знания. «Опять об уроках, опять о зубрежке»,— скажете вы. Нет, не об этом мы говорим с тобой, а о том, чтобы каждый из вас глубоко понял: нельзя строить коммунизм без прочных знаний. Ваше учение — ваш патриотический долг перед страной, которая постоянно заботится о вас, а порой, как писал Гайдар, и балует вас. В век атома и космических путешествий, в век гигантской стройки на советской земле стране нужны люди творческие, хорошо знающие свое дело. Вот об этом и поговорите на сборе политической информации, классном часе. И пусть каждый честно и прямо даст ответ на то, как он выполняет ленинский завет — учиться, готовить себя к жизни, трудом своим помогать старшим.

Сейчас в школах открыты ленинские музеи, комнаты, уголки. В музеях и комнатах проходят сборы, встречи с участниками революции, героями пятилетки. Подумайте вместе о том, как сделать работу ленинских музеев и комнат еще интереснее и полезнее, какими новыми документами, экспонатами пополнить их в канун юбилея вождя Октября. Многие такие музеи Ленинграда, Алтая, Украины носят названия народных.

Чтобы помочь всем пионерским активистам, журнал «Пионер» объявляет заочную перекличку, заочный смотр ленинских музеев и комнат. О лучших из них мы расскажем на страницах журнала. Напишите нам об истории создания ваших музеев и комнат, о самых интересных находках и документах, о вашей переписке с теми, кто создавал и защищал Советскую власть, о дружбе с другими школьными музеями нашей страны и зарубежных стран. Проведите новые поиски — составьте историю улиц, площадей, носящих имя В. И. Ленина, встретьтесь с людьми, которые награждены орденом Ленина, и запишите их рассказы, побывайте на предприятиях, в колхозах и совхозах, носящих имя Ильича и удостоенных высшей награды Родины — ордена Ленина. Рассказ об этих коллективах обогатит ваш ленинский музей.

ЗАОЧНАЯ ПЕРЕКЛИЧКА-СМОТР ЛЕНИНСКИХ МУЗЕЕВ И КОМНАТ ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ОТКРЫТОЙ!

«ПИОНЕР» ЖДЕТ ВАШИХ СООБЩЕНИЙ!

И снова звучит школьный звонок. Он зовет в класс. Зовет к новым открытиям, к новым знаниям. Успехов вам, ребята, в новом учебном году!

Медали семьи Ульяновых

Памятник Илье Николаевичу Ульянову, отцу В. И. Ленина, в Ульяновске.

«В том, что Ленин избрал такую дорогу в жизни, значительную роль сыграла семья Ульяновых. Не случайно все шестеро детей Ильи Николаевича и Марии Александровны стали революционерами».

Л. И. Брежнев

В Ульяновске, неподалеку от реки Свияги, на невысоком постаменте установлен бюст Ильи Николаевича Ульянова. Чуть ниже — фигура крестьянского мальчика с раскрытой книгой в руке. Илья Николаевич был учителем.

Сыну бедного портного нелегко досталось образование. Мария Ильинична Ульянова писала: «Отцу рано пришлось изведать материальные лишения, он рано стал самостоятельным, сам пробивал себе дорогу в жизни, и это закалило его характер, выработало большую трудоспособность, строгое отношение к выполнению своего долга».

Пятилетним мальчиком он остался без отца, жил в бедности. Нередко ему приходилось ходить в гимназию босиком. Учился он в Астрахани, и учился так, что никто из его сверстников — а это были дети дворян, купцов, чиновников — не мог с ним сравниться. Его сочинения по русской словесности признавались лучшими и в Астрахани и во всем учебном округе.

Сохранилась характеристика, которую дирекция гимназии дала Илье Ульянову.

«Ученик Ульянов... с самого начала поступления своего в гимназию... в каждом классе... обучался постоянно при хороших способностях с весьма хорошими успехами, при отличном поведении и ежегодно был переводим в высшие классы с похвалою; и теперь оканчивает курс гимназического учения с весьма хорошими познаниями всех предметов». И далее: «Он совершенно беден и круглый сирота».

В 1850 году состоялся очередной выпуск астраханской мужской гимназии. Только один человек был удостоен медали — Илья Ульянов.

Такова история первой медали семьи Ульяновых.

После гимназии Илья Николаевич блестяще окончил Казанский университет. Работал учителем в Пензе, Нижнем Новгороде. В 1869 году он становится инспектором народных училищ симбирской губернии, а вскоре — директором этих училищ. Он всячески помогал детям бедноты получить образование, заботился о том, чтобы дать знания «инородцам»: так при царе называли чувашей, мордву, татар и другие народы.

Отец Владимира Ильича работал, не щадя своих сил. Он стал одним из лучших учителей страны. «Известен всей России», — говорили о нем.

Мать Владимира Ильича Мария Александровна имела звание учительницы начальных школ, знала русскую литературу, историю, владела немецким, французским и английским языками, любила музыку, сама хорошо играла на рояле. Она была человеком высокой культуры, мужественным, благородным, с твердым, сильным характером.

Золотая медаль гимназиста Володи Ульянова.

Сохранилась фотография десятилетней Ани. Взгляд — сосредоточенный, серьезный, в руках — книга. Чтение было любимым занятием всех детей.

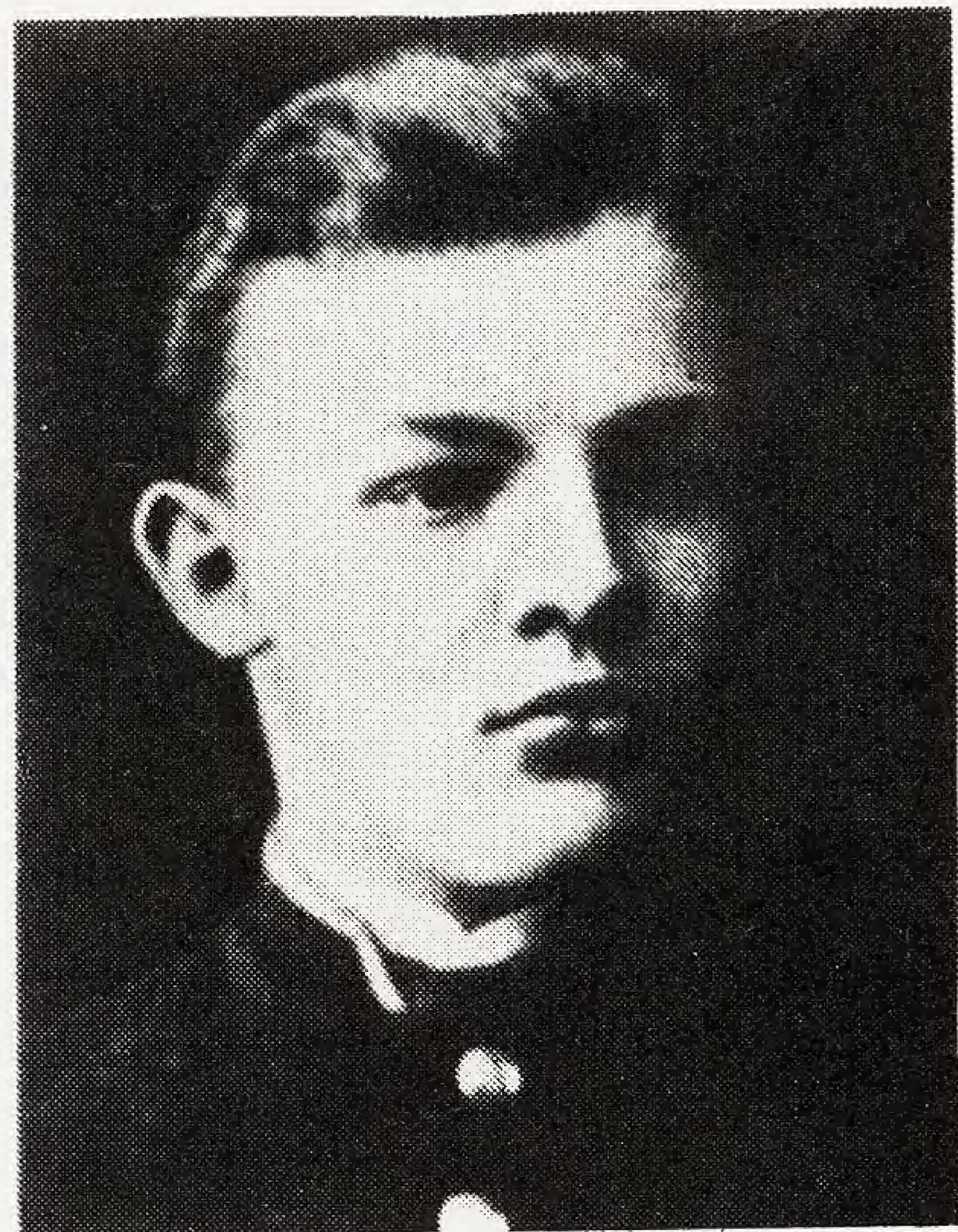
В тринадцать лет Аня читала «Войну и мир» Льва Толстого. В средних классах гимназии успела прочитать почти всех русских классиков, увлекалась творчеством критика Дмитрия Писарева. Писарев утверждал, что, читая меньше пятидесяти (или ста) страниц в день, никогда не

Анна

Александр

Владимир

станешь начитанным человеком. И гимназистка Аня старается помногу читать каждый день.

Аня окончила гимназию в 1880 году с большой серебряной медалью. Из всех выпускников медаль заслужила лишь она одна.

Еще в детстве она мечтала работать, как тогда говорили, на ниве народного просвещения. «Слыша постоянно о большой горячей работе в области народных школ, встречая многих лучших представителей учительства в нашем доме, я рано стала мечтать о том, чтобы стать народной учительницей», — вспоминает Анна Ильинична.

Окончив гимназию, она два года преподает в симбирском училище. Потом учится в Петербурге, на Высших женских курсах. Пишет стихи, рассказы, переводит.

Анна Ильинична была пламенной революционеркой, другом и соратником Владимира Ильича. Ей посчастливилось много раз выполнять его поручения.

В первые годы после Октябрьской революции она заведует отделом по охране детства Народного комиссариата просвещения, заботится о том, чтобы все дети были накормлены, тепло одеты, помогает ребятам, потерявшим родных в империалистическую и гражданскую войны.

После смерти Владимира Ильича Ленина Анна Ильинична написала воспоминания о нем. Ее книга «Детские и школьные годы Ильича» хорошо известна ребятам нашей страны и многим их зарубежным сверстникам. Если кто-нибудь из вас не читал ее, обязательно достаньте и прочтите.

«Для полезной деятельности человеку нужны: 1) честность; 2) любовь к труду; 3) твердость характера; 4) ум и 5) знание... Человек должен приучить себя к труду, полюбить его, и труд должен сделаться в его глазах необходимой потребностью его жизни». Это строки из сочинения гимназиста Александра Ульянова.

Он был младше всех в классе, но учился лучше всех и получал награды. Все задания выполнял старательно, добросовестно. Утром приходил в гимназию пораньше, чтобы помочь товарищам.

Любимыми его занятиями были химия и другие естественные науки.

«С той цельностью и жаром, с которыми он отдавался всем своим увлечениям, он старался использовать для любимого предмета каждую свободную минутку... Начал налаживать себе кустарным способом маленькую лабораторию, выпаивал разного рода стеклянные трубочки на спиртовой лампе, собирал всякие банки, пузырьки, огарки, которые служили ему для гальванопластики... Исчерпав скудный запас реторт и колбочек, которые он мог найти в Симбирске, Саша стал выписывать простейшие химические приборы из Казани», — писала в своих мемуарах Анна Ильинична.

По окончании гимназии Александр был награжден золотой медалью.

Ольга

Дмитрий

Мария

Студент Петербургского университета Александр Ульянов удивлял профессоров своим талантом, редким трудолюбием. Анна Ильинична вспоминала: «Помню, как поразило и смутило меня, когда он к весне... первого года своей студенческой жизни заявил мне тоном глубокого сожаления: «Больше шестнадцати часов в сутки я работать не могу!».

Когда Александр писал научную работу по зоологии, то, по словам его друга Чеботарева, он усиленно занимался в лаборатории и дома ночью и днем. Однажды он не спал три ночи подряд. В одной из рецензий на это исследование говорилось, что студент Александр Ульянов сделал вклад в науку.

В письме матери Александр сообщает:

«Дорогая мамочка! За мою зоологическую работу о кольчатых червях (я еще летом начал работать) получил золотую медаль».

Анна Ильинична так вспоминает об этом письме брата: «Он представил в феврале 1886 года свою работу... награжденную на университетском акте большой золотой медалью «преуспевшему». Помню, как кратко и просто гласило об этом его письмо к матери... и как горько плакала мать, что отец, умерший месяц назад, не может порадоваться этому известию».

На Александра обратили внимание ученые, которых знал весь мир, — Бутлеров, Менделеев. На торжественной церемонии награждения золотой медалью ректор назвал Александра гордостью университета. Брат Ленина, бесспорно, прославился бы как знаменитый ученый. Но он стал героем-революционером!..

Александр вошел в нелегальный революционный кружок. И когда члены кружка приняли решение убить царя, Александр, хорошо знавший химию, взялся с одним из своих друзей приготовить динамит и бомбы. Но сделать этого не успел: его и других студентов, готовивших покушение, арестовали.

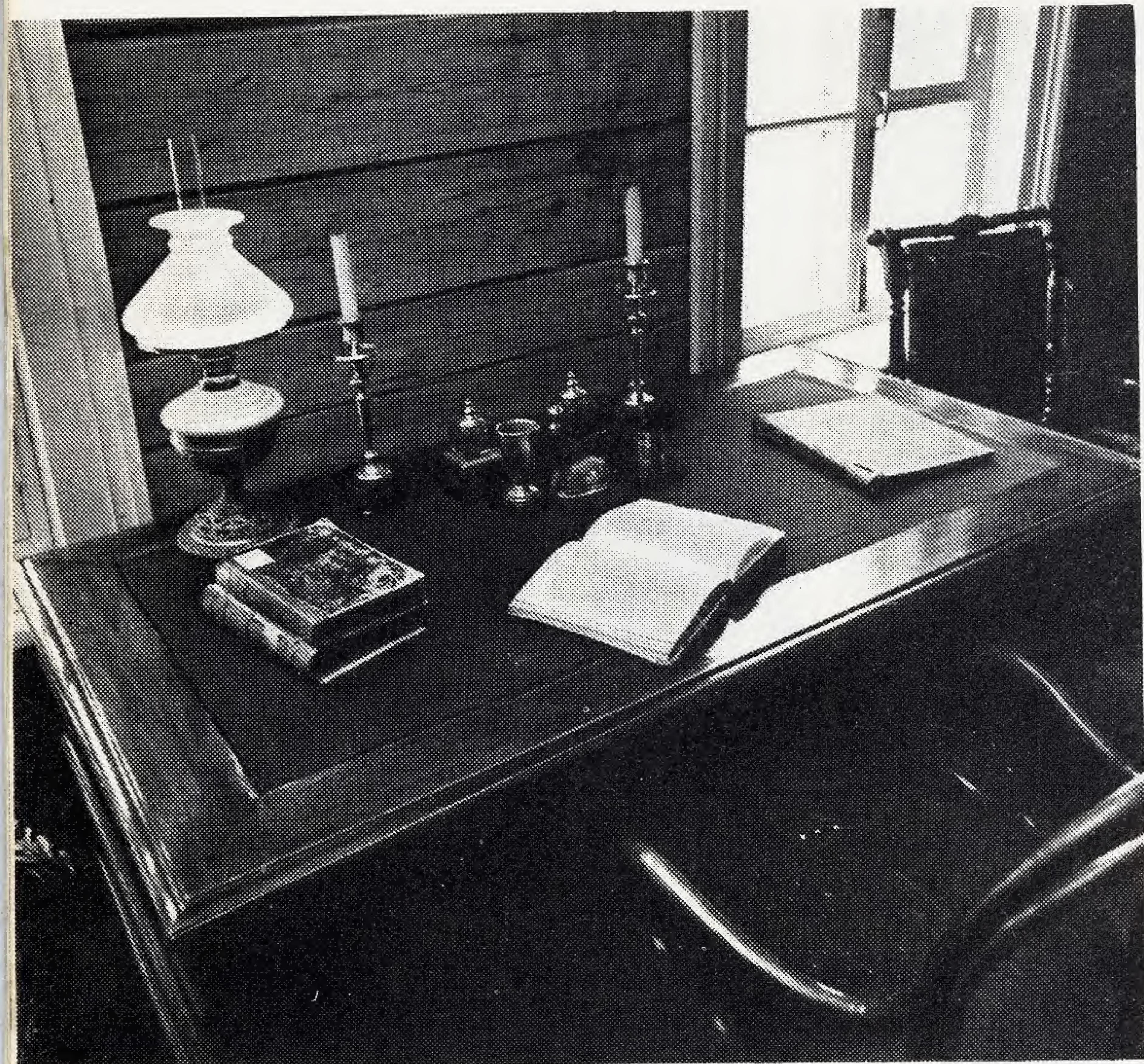
В своем прошении на имя царя о помиловании сына Мария Александровна писала о нем: «Он был увлечен наукой до такой степени, что ради кабинетных занятий пренебрегал всякими развлечениями. В университете он был на лучшем счету. Золотая медаль открывала ему дорогу на профессорскую кафедру... Он усиленно работал в зоологическом кабинете университета, подготовляя магистерскую диссертацию, чтобы скорее выйти на самостоятельный путь и быть опорой семьи... И вот, когда оставалось всего лишь месяца два до окончания... полного курса учения, у меня вдруг не стало старшего сына...»

Сын, зная, что его ждет, во время свидания старался успокоить мать. «Он напоминал ей, — вспоминала Анна Ильинична, — о меньших детях, о том, что следующие за ним брат и сестра кончают с золотыми медалями и будут утешением ей». Речь шла о Владимире и Ольге, учившихся в гимназиях.

...Царский суд приговорил революционера к смертной казни через повешение.

Здание 1-й Симбирской гимназии, где учился В. И. Ленин.

Рабочий стол в кабинете И. Н. Ульянова.

Александр Ильич Ульянов прожил двадцать один год.

О том, как учился Владимир Ульянов, пожалуй, лучше всего рассказано в книге Анны Ильиничны «Детские и школьные годы Ильича». Старшая сестра вспоминает, как брат возвращался из гимназии, на ходу сообщая о полученных пятерках:

«Я сижу в кабинете отца и ловлю довольную улыбку, которой обмениваются отец с матерью, следя глазами за коренастой фигуркой в гимназической шинели, с торчащими из-под форменной фуражки рыжеватыми волосами, проворно мелькающей мимо двери. Предметы, конечно, менялись: иногда звучало: «Из латыни пять, из алгебры пять»,— но суть была одна: получалась обычно одна отметка — пять».

У Володи была необыкновенная память: стоило ему раз прочесть текст, и он знал его почти наизусть. Илья Николаевич боялся, что у сына не выработается работоспособность,— слишком легко все ему дается. Но опасения эти оказались совершенно напрасными.

Анна Ильинична вспоминает, как однажды, слушая бесконечные упражнения на рояле сестры Оли, Володя сказал: «Вот чьей работоспособности можно позавидовать». В этих словах Володи не только восхищение сестрой, но и раздумье: «А я смог бы? Смог бы вот так?» «И он стал развивать в себе ту работоспособность, которая вызывала общее удивление в позднейшие годы»,— продолжает Анна Ильинична.

Не было случая, чтобы Володя Ульянов пришел на занятия с невыученными уроками. Однажды двоюродный брат Коля Веретенников спросил у него: «Неужели с тобой никогда не бывало, чтобы ты урока не приготовил?»

«Никогда не бывало и не будет!» — твердо ответил Володя.

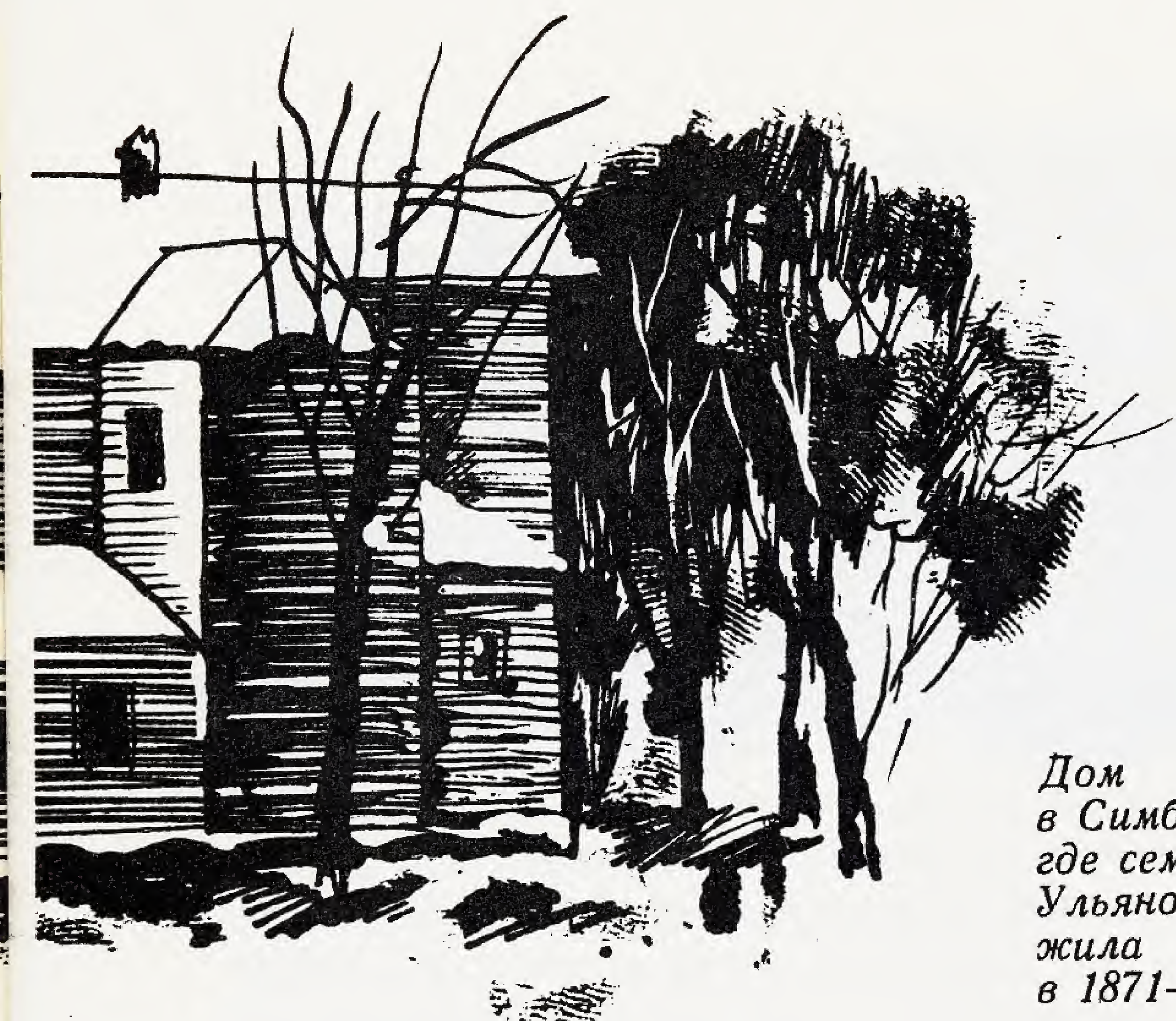
Он любил разные игры, хорошо плавал, катался на коньках, но главным для него были уроки. Так же, как Саша, которого Володя горячо любил, он приходил в гимназию пораньше, чтобы помочь товарищам: объяснить трудные задачи, помочь сделать перевод.

В последних классах гимназии Владимир Ульянов особенно много читал. Он готовился к революционной работе, которая стала целью его жизни.

Владимир сдавал экзамены на аттестат зрелости, когда в Симбирск пришла страшная весть о гибели Александра Ульянова.

Детская.

Дом в Симбирске, где семья Ульяновых жила в 1871—1875 годах.

Смерть горячо любимого брата была страшным горем для Владимира. Но он упорно продолжал сдавать экзамены. Отвечал на вопросы без единой запинки. Он понимал: малейшая неточность — и экзаменатор снизит ему оценку.

Владимир Ульянов показал такие глубокие, прочные знания, что при всем желании не к чему было придраться. Уже здесь сказались большая выдержка, стойкость, умение владеть собой.

В характеристике, выданной Владимиру Ульянову, говорилось: «Весьма талантливый, постоянно усердный и аккуратный... Награжден золотой медалью, как самый достойнейший по успехам, развитию и поведению». Имена лучших выпускников гимназии наносились на мраморную доску, но имени Владимира Ульянова — брата революционера — там не было...

...После гибели Александра Владимир Ульянов сказал: «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти». Это известно из воспоминаний Марии Ильиничны Ульяновой. «И вот с тех пор он стал подготовлять себя к тому пути, который он считал единственно правильным для освобождения России от ига царя и капитала», — заключает она.

Дмитрий Ильич вспоминает, что Оля и Володя были очень дружны и близки друг другу. Несмотря на то, что Оля была младше, она не отставала по развитию. В четыре года девочка научилась грамоте. Много читала, обладала хорошим слухом, занималась музыкой. Мария Ильинична писала об Ольге: «Без преувеличения можно сказать, что она не работала только тогда, когда спала».

Оля-гимназистка отлично училась, переходила из класса в класс с наградой «За благонравие и успехи». При окончании заслужила медаль. «Достойнейшим из окончивших курс в женских гимназиях» — было выведено на оборотной стороне такой медали.

Еще в гимназии Ольга твердо решила, что ее призвание — школа. Она говорила, что учительство — «одно из самых полезных и высоких занятий».

Гостиная.

В 1889 году семья Ульяновых переезжает в Самару. Ольга, окончив гимназию с золотой медалью, имела право работать учительницей, и она подала прошение в Самарскую городскую думу, но получила отказ.

Ольга едет в Петербург, поступает на Высшие женские курсы. Изучает труды основоположников научного коммунизма, конспектирует первый том «Капитала» Карла Маркса.

В апреле 1891 года Ольга заболела тифом. Владимир, поступивший в это время в Петербургский университет, трогательно заботился о ней, часто навещал в больнице. Когда же сестре стало совсем плохо, вызвал телеграммой мать. Ольга умерла, когда ей было девятнадцать.

«Из нее вышла бы, несомненно, выдающаяся и преданная революционерка», — сказала об этой замечательной девушке Анна Ильинична.

Из шести медалей Ульяновых сохранилась одна — золотая медаль гимназиста Владимира. На лицевой стороне медали надпись по окружности: «Преуспевающему». Ниже — изображение Минервы, богини мудрости древних римлян, с лавровым венком.

В 1921 году, во время голода в Поволжье, Председатель Совета Народных Комиссаров Владимир Ильич Ленин отдал свою золотую медаль Комитету помощи голодающим. Но коммунисты, работавшие в Комитете, сохранили ее для истории, для будущих поколений.

И вот уже много лет эта медаль хранится в Центральном музее Владимира Ильича Ленина в Москве.

Ю. ПЕСИКОВ

Юрий **КАЧАЕВ**

Рисунки **В. ДУДКИНА.**

Ветер с Енисея

РАССКАЗ

В это утро Кеша Сорогин собрался по грибы. За ним увязалась соседская девчонка Саня.

Деревня Мариновка вытянулась в одну большую улицу вдоль берега реки. Река была горная, светлая и называлась Кан. Кешина бабушка говорила, что «кан» по-татарски означает «кровь». А появилось это название в стародавние времена, когда сюда пришли далекие Кешины предки — уральские казаки. Они не поделили с местными жителями покосы, и на берегу Кана завязалась жестокая сеча. Она длилась несколько дней, и вода в реке будто бы покраснела тогда от пролитой крови.

Теперь же в Мариновке жили не воинственные казаки, а вполне мирные люди. Зимой они добывали пушного зверя, валили лес, а летом сплавляли плоты в великую сибирскую реку Енисей...

Тайга начиналась тут же, за околицей. Все деревенские звуки скоро заглохли, лишь бегал по верхушкам деревьев осторожный ветер.

Кеша, не сходя с тропы, тут же нашел два подосиновика, а Саня — три. Они были даже больше Кешиных, только все оказались червивыми. Зато потом ей повезло. Под маленькой колючей елкой она увидела целый выводок молоденьких маслят — все крепенькие, с влажными шапочками, а к шапочкам прилипли еловые иголки.

Тропа петляла вдоль берега Кана и вела, наверное, к самым верховьям реки. Где-то там сбивали сейчас плоты мариновские сплавщики. В деревне их возвращения ждали со дня на день. Бригадиром у сплавщиков был отец Сани дядя Иван, а его помощником — Кешин батя. В деревне шутили, что их и кановой водой не разольешь, а ведь вода в Кане почти круглый год ледяная. Даже в самый разгар лета проплывешь метров сто и вылезаешь весь в гусиной коже. Зато потом до чего же славно валяться на горячем от солнца галечнике! Как на русской печке с мороза...

Через какой-то час корзинки у ребят наполнились грибами доверху. Пора было и домой, но Кеша напоследок решил завернуть к старице — старому, пересохшему руслу реки. Пересохло оно давно, и в нем уцелели лишь отдельные озерки, берега их затянуло камышом и осокой, они все больше мелели. Но в их стоялой воде развелось столько щук — хоть руками лови. Кеша и ловил их, можно сказать, руками, безо всякой наживки.

— Вот учись, пока я жив, — сказал он Сане и достал из кармана штанов складной нож и капроновую леску.

Вырезав тальниковый прут, привязал к нему леску, а на конце лески смастерил подвижную петлю. Потом проверил, хорошо ли захлестывает петля, и тихонько пошел к ближнему озерцу. Вода у берега была теплая, как парное молоко. Здесь-то, на камышовой отмели, и любили нежиться щуки.

В прозрачной стеклянной воде Кеша заметил первую щуку. Вернее, вначале он увидел ее длинную тень, а после — чуть в стороне зеленовато-пятнистое тело рыбы.

Кеша медленно занес удочку, опустил леску в воду и стал подводить петлю к голове щуки. Когда бесцветная петля оказалась у самых жабер, Кеша резко потянул удилище на себя и волоком вытащил щуку на берег. Она разевала зубастую крокодилью пасть и молотила хвостом по земле.

Таким же способом Кеша добыл еще три щуки.

— Ну, на уху нам с тобой хватит, — сказал он.

И тут он увидел, что Саня машет ему рукой — зовет к себе. Он подошел и все понял. На прибрежном иле отпечатались следы когтистых лап, размером почти в Кешину ладонь. Следы были свежие.

— Не бойся, — сказал Кеша. — Это, наверно, наш Найден.

Года полтора назад, когда Кеша еще ходил в третий класс, а Саня — во второй, Кешин отец Григорий Степанович принес из тайги крохотного медвежонка. Случилось это в апреле, когда медведица выходит из берлог с новым потомством. Медвежата рождаются в феврале, значит, найденышу было не больше двух месяцев. Трудно сказать, сам ли он потерялся или с его матерью стряслась какая беда. Словом, медвежонок остался жить у Сорогиных. Назвали его Найденом.

Поселили Найдена в стайке, рядом с коровой и поросенком, правда, в отдельном закутке. Корову поначалу сильно пугал звериный запах, она и доиться было бросила, но потом попривыкла.

Ел Найден все подряд, как и полагается медведю. Но особенно любил сладкое. Мариновская ребятня частенько прибегала побаловаться с ним. И когда шутки ради кто-нибудь говорил «А конфет-то нету!», Найден обижался и отказывался играть. Слово «конфеты» он знал не хуже собственной клички.

К концу лета медвежонок стал крупнее охотничьей лайки. Ударили первые заморозки, и Найден забеспокоился. Позади стайки он вырыл просторную яму и стал таскать к ней всякий хлам: сучья, ветки, корье и ботву, — готовил себе берлогу.

— Это называется инстинкт, — объяснил Кеше отец. — Но Найдену залегать в спячку не обязательно: еда у него будет.

Так медвежонок и перезимовал в копешке сена, просыпаясь лишь для того, чтобы поесть. От сытой жизни он раздобрел, даже шерсть залоснилась.

Потом опять нагрянула весна, а там и лето приспело. Найден совсем повзрослел и сделался сущим разбойником. Собаки, с которыми он раньше дружил, теперь обходили его стороной — боялись. Чуть что Найден свирепел, его маленькие глазки загорались кровавыми огоньками.

Однажды к нему в корыто по привычке сунулся за объедками поросенок. Найден притворился, будто ничего не видит. Но в следующий миг он одним прыжком очутился возле кормушки, и бедный поросенок с разорванным боком шмякнулся о стену.

Узнав про этот случай, Григорий Степанович призадумался.

— Звереет Найден. Скоро, того гляди, и на людей кидаться начнет. Куда вот его девать, ума не приложу. Пристрелить жалко. А зоопарков у нас поблизости нету.

— Давай отпустим его в тайгу, — сказал Кеша.

— Пропадет, боюсь. Он же привык жить нахлебником. Ну да ладно, попробовать можно. Худо станет — назад прибежит.

И Кеша с отцом на пароме отвезли Найдена за реку. В тайге медведь сперва насторожился, ко всему принюхивался, потом осмелел. Его спустили с собачьей сворки, и он исчез в багровых зарослях кипрея.

Дня три Сорогины да и все соседи жили в ожидании: а вдруг Найден вернется? Но он так и не явился.

И вот теперь Кеша с Саней наткнулись на его следы.

«А его ли?» — с тревогой подумал Кеша и тут же успокоил себя: другой медведь, совсем дикий, вряд ли решился бы подойти так близко к деревне.

— Ладно, айда домой. — И Кеша зашагал к Кану.

В ближней заводи нашлось два подходящих бревна. Гибкими тальниковыми прутьями Кеша связал их вместе — получился небольшой плотик — салик. Ни один сибиряк никогда не пойдет пешком, если рядом река и течет она в нужную сторону. Будь Кеша без Сани, ему бы хватило и одного толстого бревна. Мариновские мальчишки, даже самая мелкота, катались на таких бревнах, как на лодках.

Вместо весла Кеша подобрал обломок жерди, усадил на салик свою спутницу и отчалил. Речная стремнина подхватила их и понесла, лишь прибрежные кусты замелькали.

Кан часто поворачивал, течение било то в один берег, то в другой, и Кеше приходилось держать ухо востро. Греб он стоя, глядел только вперед, и поэтому мариновских сплавщиков Саня увидела первой.

— Сзади вроде бы наши плывут, — негромко сказала она.

Кеша оглянулся. И верно, из-за кривуна, крутого поворота реки, плавно изгибаясь, выбирался длинный плот. Он был еще довольно далеко — людей не разглядеть, но Кеша по избе понял: в самом деле свои. Такие добротные избы для житья на плотах рубили только мариновские сплавщики.

Прибившись к Мариновке, плот растянулся на полдеревни. Сплавщики надежно закрепили его канатами (для этого вдоль реки были врыты в землю смоляные столбы). Вытащили на берег и моторную лодку, на которой добирались отсюда до лесосеки.

К плоту уже бежали женщины и ребятишки — встречать родных. Кеша и Саня насилу дождались, пока освободятся их отцы. Саня кинулась к своему со всех ног, повисла у него на шее. Дядя Иван целовал ее и смеялся. У Кеши дело обошлось без телячьих нежностей: как-никак они с батей мужчины. Отец лишь потрепал Кешу по волосам и спросил:

— Ну, Рыжик-пыжик, как вы тут без меня?

— В порядке, — ответил Кеша. — Мама на-

ладилась было тоже встречать, да я велел ей баню топить. Чего попусту бегать?

— Серьезный ты мужик растешь, — с улыбкой сказал отец.

Дома баня уже топилась, а мать собирала на стол. Она обняла отца и, вся светясь от радости, укорила:

— Ты зачем бородищей-то оброс?

— Комарье меньше кусает, — отшутился отец. — Но я ее сегодня же ликвидирую. Честное пионерское.

После бани отец сидел за столом, распаренный и чисто выбритый.

— Мне ухи не наливай, — сказал он матери. — Надоела за месяц. А вот сметаны и творогу — с удовольствием. И малосольных огурчиков добавь.

— Долго пробудете?

— Завтра в дорогу. Мы же фабрике отборный лес везем. Молевой [1], сама знаешь, побитым доходит, качество не то.

Кеша включил телевизор, работавший от батарей. Перед ним, как всегда, уселся кот Филя и с умным видом стал пялиться на экран. Изредка он вставал и трогал изображение лапой. Больше всего Филя любил смотреть «В мире животных»: там часто показывали птиц. Сейчас как раз шла эта передача.

— Убери звук, Иннокентий, — велел вдруг отец. — У меня к вам разговор будет.

Он закурил и сквозь сизый слоистый дым вприщур поглядел на Кешу.

— Штука, брат, вот какая. Хочу нынче взять тебя с собой, к делу приспособить.

Кеша ушам своим не поверил. Неужели и вправду ему привалило такое счастье? Ведь он дальше своей Мариновки нигде еще не бывал. С надеждой и мольбой он смотрел на мать.

Но она сердито поджала губы и нахмурилась.

— Другого ничего не придумал? Он же малец еще, а с рекой игрушки плохие. Не пущу — и все тут.

— Пустишь, — спокойно сказал отец. — Парню уж скоро одиннадцать, не век же ему за твою юбку держаться. В конце концов я за него отвечаю.

— Ага, отвечаешь. — Голос у матери задрожал.

— Да не бойся ты, глупенькая. — Отец погладил ее по плечу. — Иван вон тоже свою Санньку берет, девчонку.

Мать заколебалась.

— Обратно мы через Красноярск поедем, — продолжал отец. — Пускай ребятишки хоть город-то посмотрят. А то живут, как в джунглях. Одна отдушина — телевизор. Только он настоящей жизни никак не заменит. Ну, а теперь запиши, что по хозяйству купить надо. У меня на это память дырявая.

Всхлипнув, мать ушла в горницу, а отец подмигнул Кеше.

— Кажется, наша взяла. Так что давай-ка на боковую, утром спозаранку разбужу.

Однако Кеша поднялся сам, едва взошло солнце. Отец с матерью еще спали, и он не стал их будить, стал собираться в дорогу. Стараясь не шуметь, Кеша оделся, достал из сундука две пары шерстяных носков, теплое белье и портянки, в сенях отыскал свои резиновые сапоги.

Во дворе стояла пузатая кадка с водой. Эту кадку Кеша наполнял каждое утро. За день вода нагревалась, и мать поливала ею огородные грядки. От холодной воды овощи растут худосочные.

Кеша надел на обе руки по сапогу и опустил в кадку по самое голенище. Все в порядке: сапоги не протекали.

— А ты ранняя пташка, — услышал Кеша голос отца.

Тот стоял на крыльце в майке и сладко потягивался. Мышцы на его руках так и перекатывались тугими мячами.

Через полчаса одетые по-походному отец и сын уже были на берегу.

Сплавщиков никто не провожал: проводов в Мариновке не любили и считали почему-то дурной приметой.

Отвязанный плот снялся со стоянки и нехотя двинулся на середину реки. На концах плота были двойные греби — большие рулевые весла. Их вытесывали обыкновенно из ели. Еловая древесина легкая и смолистая — намокает не скоро.

На носу плота работали в паре Кешин отец с дядей Иваном, а на кормовых гребях — старик Воронин и недавно пришедший из армии Митя Зайцев, по прозвищу «Говорун». Говоруном его окрестили деревенские шутники, потому что

Речная стремнина подхватила плот и понесла — лишь прибрежные кусты замелькали.

[1] Молевой лес сплавляют отдельными бревнами, россыпью, иначе молем.

каждое слово из Мити приходилось тянуть чуть ли не клещами. Зато дед Воронин был далеко не молчальник. Покалякать он любил в любое время, а Митя слушал не перебивая.

Бригада состояла из четырех человек. Теперь к ней прибавились еще Кеша и Саня. Их назначили кашеварами. Должность эта только с виду невелика. На самом же деле всякий знает: при тяжелом физическом труде человек должен быть сытым, иначе какой из него работник.

Когда плот выбрался на быстрину, Кеша с Саней вошли в избу. Внутри бревна были ошкурены и тускло светились натеками смолы. В единственное окно, затянутое марлей от гнуса, косо падали солнечные лучи. Посреди избы стоял самодельный стол с двумя лавками, к стенам были приколочены нары. Спать на щелястом полу, конечно, никому и в голову не придет — сыро от воды и холодно.

— Продымили все своим табачищем, — поморщилась Саня. — Вон даже марля почернела. Сними занавеску, я постираю. А стол-то, батюшки-светы, будто по нему в сапогах ходили. Ступай воды согрей.

Кеша вытащил из стены кнопки, которыми была пришпилена занавеска, и отправился разводить огонь.

У кормы, подальше от избы, на широком листе кровельного железа стоял таган — круглый железный обруч на трех ногах. Рядом аккуратно были сложены сухие дрова и береста для растопки.

Раскладывая костер, Кеша поражался самому себе. На берегу Санька и пикнуть не смела, всегда глядела ему в рот. А тут на тебе — раскомандовалась. И что удивительно — он, Кеша, ее слушается. Это же курам на смех. Однако, если пораскинуть мозгами, в женских-то делах она, пожалуй, смыслит получше. Тут и спорить нечего.

Костер занялся с первой спички. Кеша поставил на таган котел с водой и пошел на корму.

Там старик Воронин о чем-то беседовал с Митей. То есть говорил дед, и Митя лишь привычно кивал кудрявой головой.

— Вот как ты думаешь, сколько мне лет? — спрашивал Воронин. Митя в ответ пожал плечами. — Ага, не знаешь. А я, голуба-душа, еще в гражданскую войну бородатым мужиком был. Выходит, годов мне немало накапало. Только помирать я все одно не собираюсь. Неохота. Другой-то жизни не будет, правильно? А жизнь — штука ох какая занятная! Каждый день она для меня новая, будто вчера на свет народился. Мне все кругом любопытно, оттого я и шустрый такой. Верно, Иннокентий?

Что верно, то верно. Старик для своего возраста и впрямь был непоседой. Дома никогда его без дела не застанешь: то по хозяйству суетится, то грабли или вилы для соседей мастерит. Или в тайге неделями пропадает — собирает всякие травы. Ими он лечил от ушибов и порезов, от простуды и желудочных болезней. Но если человеку не легчало, Воронин сам заставлял его ехать к врачу...

Между тем от котла уже повалил густой пар, и Кеша отправился за Саней. Она ковшиком начерпала в деревянное корыто кипятку, разбавила его речной водой и снова взялась распоряжаться:

— Принеси картошки, она под нарами. Там же мясо и капуста. Мясо надо сварить, а то протухнет.

— Слушаюсь. — Кеша насмешливо козырнул и не двинулся с места. — Я что, на побегушках у тебя? Атаманша какая выискалась!

— Дурачок ты, — беря мыло, вздохнула Саня. — Я бы и одна управилась, да ведь людям скоро обедать пора, а в избе не прибрано. Потому и прошу помочь.

И опять Кеше пришлось уступить. Вот если бы Санька повысила на него голос, он бы и пальцем не шевельнул. Но она хитрая, знает с какого боку к нему подойти. Ишь ты: «Прошу помочь». Ну, раз просишь, дело другое.

Он порубил на колоде мясо, прополоскал его и бросил в котел. Потом взялся чистить картошку.

Вскоре вернулась Саня. Она ничего не сказала, только глянула на Кешу своими зелеными глазами, будто погладила.

— Что еще-то надо? — почему-то смутившись, спросил Кеша.

— А ничего. Остальное я сама.

Кеша потоптался рядом и пошел в избу. Войдя, он присвистнул от удивления: стол был выскоблен до белизны, пол чисто вымыт — хоть разувайся, — а занавеска обрела свой природный цвет.

Плыли весь день, не останавливаясь. Левый берег был по-прежнему скалист и обрывист. По правую руку пестрело луговое разнотравье. Местами река расширялась, и тогда от поворота до поворота распахивались плесы. Здесь течение слабело и можно было пристать к берегу.

Впереди над тайгой громоздились тучи. Они все густели, наливались чернотой. Потом по ним полоснула молния, и до слуха Кеши донесся раскат грома.

— Надо бы дрова брезентом накрыть, — сказал Кеша деду Воронину. — Гроза будет.

Старик покачал плешивой головой.

— Будет, да не наша. Вот гляди: как молонья полыхнет, ты сразу начинай считать до первого грома. Ежели успеешь до десяти, значит, гроза дальняя и нас не заденет.

Кеша не очень поверил Воронину — уж больно близко надвинулись тучи, вот-вот окажутся над самой головой. И все же он стал считать, едва небо раскроила новая молния. Разрыв между вспышкой и ударом грома получился в одиннадцать.

Подошел отец.

— Темно делается, — заметил он. — Пора приставать.

— Пора, — согласился Воронин. — А то под навес угодим.

«Навесом» у сплавщиков назывались подмытые и низко нависающие над водой деревья. Они в один миг могут смахнуть людей с плота.

Причалили у спокойного привольного плеса. Кормовые бревна заскрипели о донную гальку, плот дернулся и остановился. Его тут же захлестнули канатами за прибрежные деревья.

И сразу навалился гнус: мошка, комарье и свирепый сибирский овод паут. Но это было полбеды. Куда страшнее мокрец — от него не спасают самые плотные накомарники из конского волоса. Этот почти невидимый глазу кровосос проникает в любую щелку, заползает в сапоги, вгрызается в тело. Он разъедает глаза, уши и ноздри, и нет от него пощады ни человеку, ни животным.

Пока Саня готовила на стол, Кеша успел нарвать дикого чесноку. Чеснок этот в здешних местах растет повсюду, его косят косой, как траву, и солят на зиму в бочках.

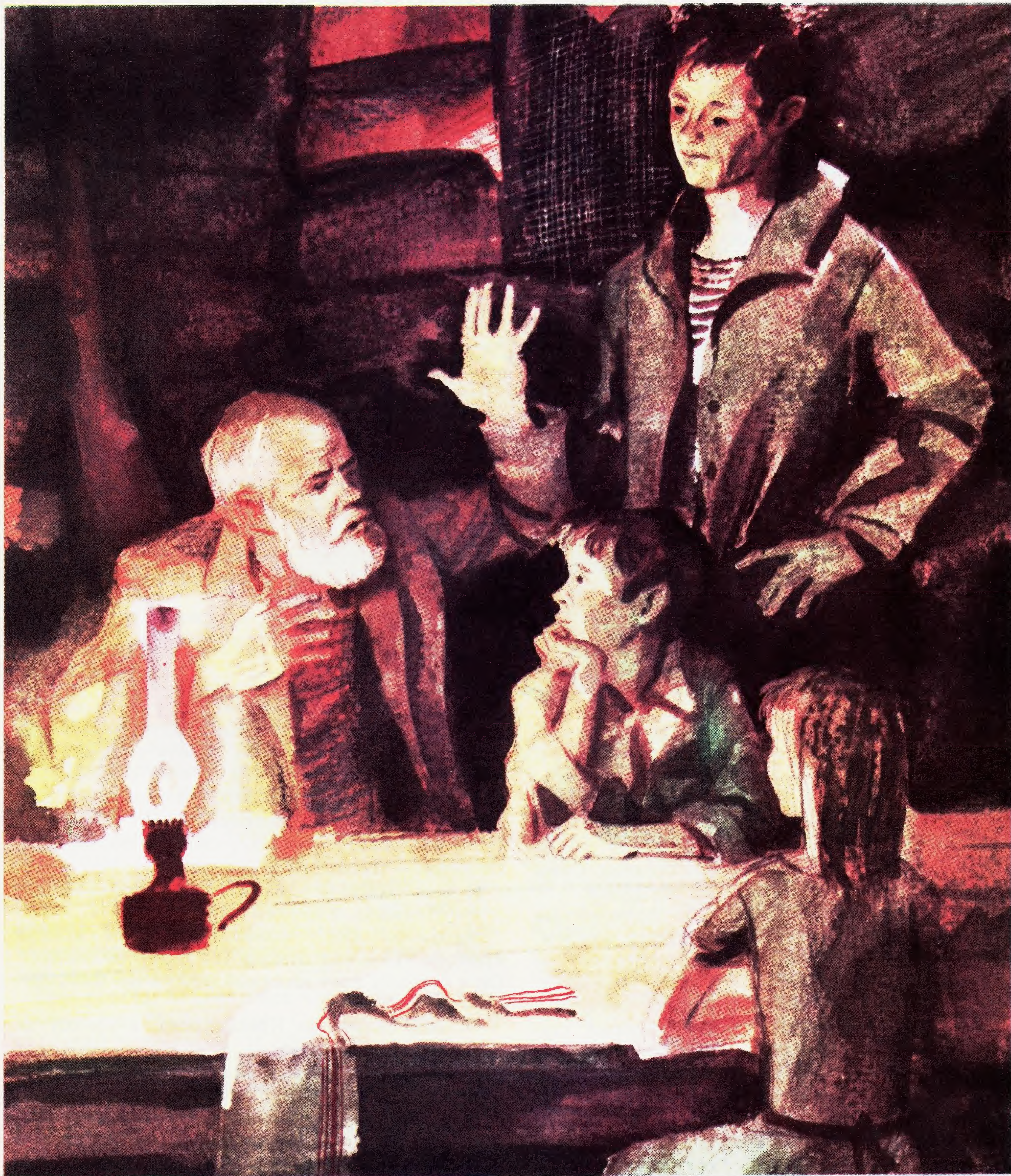
Ужинали уже при свете керосиновой лампы. К ее стеклу неизвестно откуда — дверь была закрыта — слетелись белесые мотыльки. Опалив крылья, они шлепались на столешницу. Кеша собирал их в папиросную коробку: авось завтра пригодятся. Крупный окунь, например, иной раз насилу вытащишь, берет на них по-собачьи жадно.

Когда все поели, Саня собрала грязную посуду и нерешительно замялась в дверях, поглядывая на Кешу.

«Ага, трусишь в темноту выходить», — про себя усмехнулся он и поднялся из-за стола.

Ночь снаружи стояла вовсе не темная, как думал Кеша. Она опрокинула в реку россыпи звезд. На ближнем перекате звезды прыгали, будто золотистые зерна на горячей сковороде. С берега тянуло запахами поздних ночных цветов. Вода под плотом мелодично позванивала, и где-то в лугах немазаным тележным колесом скрипел коростель.

Саня вымыла посуду и выпрямилась, сгибом руки отбросив со лба прядку волос.

— Мы зверя всегда шаром да ножом брали,— рассказывал дед Воронин.

— Спасибо тебе,— тихо сказала она.— Я бы одна забоялась…

Не зная, что ответить, Кеша достал из кармана кусок серы — перетопленной на огне лиственичной смолы.

— На-ка вот пожуй,— буркнул он.— Лучше всякой зубной пасты.

Когда они вернулись в избу, сплавщики вели разговор о предстоящей охоте. В беседу, конечно, вклинился дед Воронин.

— Помню, как мы с твоим покойным дедом на медведя хаживали,— начал он, обращаясь к Кеше.— Он, Степан-то Егорыч, ружья в таком деле не признавал. Удалой был парень, пухом ему земля. Мы зверя всегда шаром да ножом брали.

— Каким шаром? — не понял Кеша.

— Деревянным. А в шар-то со всех сторон гвозди понабиты, и концы у них заточены. Острые, как шилья. Ну, стало быть, заприметим мы берлогу еще с осени и по первому снегу — туда.

Я на бечевке шар несу, а у Степана в руках жердина, это чтобы мишку из постели выгнать. Хозяин-то как выскочит из берлоги, как встанет на дыбы, — тут я ему и бросаю шар прямо в морду. Он его лапами сгребает и ну мять да тискать! Больно дурачине, ревет благим матом и от злобы вроде бы слепнет. Ему ж не до нас, ему бы только с шаром расправиться. А Степан-то подскочит к зверюге — и ножиком в сердце! Ох, лихой был охотник, даром что молодой. Кабы не та война проклятущая, жить бы ему да жить...

Воронин украдкой смахнул стариковскую слезу и уже буднично сказал:

— Давай спать, мужики. Я сейчас лампу задую, чего зря керосин жечь...

— Можно, деда, я с тобой? — спросил Кеша.

— Можно, милок, можно.

Лежа на нарах рядом с Ворониным, Кеша глядел во тьму, перебирал в памяти долгий минувший день и слушал, как над головой ноет одинокий комар. Уснул он, совсем не помня себя, и снились ему танцующие на перекате колючие августовские звезды.

Кеша всегда спал чутко и проснулся от еле слышного скрипа половиц.

Он приподнялся на нарах и увидел Воронина, уже одетого.

— Ты куда, деда?

— Чш-ш! По бережку хочу пробежаться, травки пособирать, — шепотом ответил старик. — Ежели не лень, пошли вместе.

Из избы они выбрались на цыпочках. Над рекой еще свивались туманы, было зябко и сыро.

— Ты голенища-то у сапог разверни, — сказал Воронин. — Роса об эту пору богатая. Сами промокнем, так хоть ноги сухие останутся.

Роса и впрямь была обливная. Полновесные капли так и сыпались с веток холодным дождем. Правда, Кеше попадало за шиворот меньше: он все время норовил ступать в след Воронину.

— Меня вот на деревне знахарем кличут, — изредка поворачиваясь к Кеше, говорил старик. — Может, я и есть знахарь, потому что все лесные травы наперечет знаю. Матушка тайга — великий лекарь, и нет в ней ни единой былинки, бесполезной для человека. Ну возьми хоть эту крапиву. Уж на что вроде бы никудышный сорняк. А добавь ее, сухую крапиву-то, в сено — и скот не захворает, и молоко у коровы будет, как сливки. Или крапивное семя с отрубями перемешать да кур подкармливать, они всю зиму нестись не перестанут. И сок свежий тоже в дело идет: от ревматизма крепко помогает... То-то, брат. Или вот, гляди, волчье лыко. — Воронин приостановился и стал обирать в лукошко ягоды, похожие на смородину, только сизо-красного цвета.

— Они же ядовитые, — усомнился Кеша.

— Правильно. Это когда много съешь. А по три ягодки принимать — кашель как рукой снимет. Не-ет, голуба-душа, я тебе верное слово говорю: на земле человеку все живое служит. Надо только это живое понять, заглянуть в самую его сердцевину и, главное, не губить.

Разговаривая, старик срывал и кидал в лукошко то синие мохнатые цветы борца, то лазоревые, в светлых прожилках кукушкины слезки.

На плот они вернулись почти к самому отплытию. У воды дотлевали дымокуры, отгоняющие гнус.

Сплавщики отвязали плот и, поддевая кормовые бревна баграми, столкнули на глубину.

И снова заработали греби, замелькали береговые утесы, обдутые всеми ветрами, источенные стужей и ливнями в причудливые крепостные башни, в подобие звериных и человечьих личин.

Наконец плот вышел на прямое русло, берега раздвинулись, и течение сделалось более плавным.

— Ты пока постой у греби один, — сказал Воронин Мите Говоруну, — а то у меня чего-то поясница гудит. Да мы с Иннокентием еще и не ели. А пустое-то брюхо к работе глухо.

Старик подмигнул Кеше, и они отправились завтракать. Перекусив, Воронин разулся и прилег на брезент возле кострища.

— Ты тоже сапоги-то сыми, — посоветовал он Кеше. — Пускай ноги подышат.

К ним подошла Саня и присела рядом.

— Дедушка, а Енисей скоро?

— Скоро. Вот только последний кривун пройдем. Там нас буксирный катер поджидает. Он и оттащит плот до самой мебельной фабрики.

— А мы?

— Мы сперва до Красноярска, а уж оттуда и домой...

...Последний кривун они прошли за полдень. Кан все набирал силу, все смелее раздвигал берега, будто чуя близость встречи со своим могучим старшим братом. И миг этот настал.

Дохнул в лицо плотогонам тугой просторный ветер, и открылась взгляду зелено-голубая, в солнечной насечке неохватная ширь Енисея.

ЮЖНЫЕ МОРСКИЕ ВОРОТА

Когда-то наш морской флот был чуть не на последнем месте в списке флотов морских держав. А нынче мы на одном из первых мест в мире. Вырос грузооборот, тоннаж флота увеличился. Другие стали грузы. В былые годы сказать бы, что мы свои машины повезем морем, никто бы не поверил. А сегодня целые заводы вывозим. В Индию, например, перевезли оборудование и целый металлургический комбинат построили в Бхилаи.

Еще совсем недавно все черноморские грузы шли в основном через Одессу. И рейд там хороший и причалы. И оборудован порт как надо...

Только выросли мы из него, как ребята вырастают из прошлогоднего костюма. Мал стал Одесский порт, мало стало одних южных ворот в страну. Решили открыть еще одни в двадцати шести километрах от Одессы.

В 1957 году стали строить новый, просторный, современный порт, который назвали Ильичевск. Расчистили лиман (он назывался Сухим — значит, не очень глубоким был). Углубили дно. Гарантированная глубина теперь около десяти метров. Построили волноломы, больше четырех километров причальной стенки, поставили краны, маяки, склады, судоремонтный завод, специальные мастерские, вдоль стенки железную дорогу провели и автомобильные трассы.

5 августа 1958 года в Ильичевск пришел первый корабль. А сейчас этот порт принимает сотни кораблей, миллионы тонн грузов.

Перед вами уголок Ильичевского порта. Группа кранов, причалы, пути и, конечно, корабли. Тут есть и то, чего в старых портах не увидишь: большие клумбы. Чтобы не только кораблям, пришедшим в порт, было удобно, но и морякам было приятно.

А уж об удобствах и говорить нечего. Тут и пресная вода есть для кораблей, и топливо, и энергия... Есть терминал — специальный причал для контейнерных грузов.

На берегах Сухого лимана у порта вырос целый город. В нем живут судоремонтники, строители, докеры.

Слово «докер» из Англии пришло. Там приливы высокие, и корабли не у причалов обрабатывают, а в доках. С приливом заведут корабль в док — большой ящик без крышки,— запрут там и разгружают, а потом новые грузы грузят: приливы не мешают.

У нас на Черном море приливы совсем незаметные. Доки там не нужны, но портовые рабочие тоже называются докерами. Ильичевские докеры прославились на весь мир. Раньше так бывало: приходит на корабль бригада. Один к лебедкам становится, другой — в трюм, третий — вирамайнальщиком. Пока одни работают, другие ждут. А докеры-ильичевцы по-другому работают: каждый в бригаде и шофер, и такелажник, и сварщик... Теперь капитаны знают: в Ильичевском порту и погрузят и разгрузят быстро.

А. НЕКРАСОВ

Сегодня «Боевой листок» посвящен ветеранам — заслуженным и уважаемым людям с интересной судьбой.

Наши постоянные корреспонденты, тимуровцы, в своих письмах рассказывают о том, как помогают ветеранам, присылают записи их рассказов.

Глава из книги

Наши ребята очень дружны с Иваном Васильевичем Рукосуевым.

Сейчас Иван Васильевич в военном госпитале. Мы уже второй год навещаем его, помогаем семье Ивана Васильевича. Госпиталь, в котором находится Иван Васильевич, для инвалидов Отечественной войны. Мы ко всем праздникам готовим для них подарки, концерты, поздравления с днем рождения. Особенно готовимся к Дню Советской Армии, к Дню Победы.

Когда Ивану Васильевичу было восемнадцать лет, он ушел на фронт. Самый жестокий бой, в котором он участвовал, длился сорок восемь дней. Воины обороняли остров и были отрезаны от своих. Очень голодали.

В том бою Рукосуеву дали очень важное задание — взорвать вражеский пулемет. Иван Васильевич подкрался к нему и бросил две гранаты. Пулемет замолчал.

За выполнение этого задания Иван Васильевич был награжден орденом Красного Знамени. В 1945 году, 5 мая, вражеская пуля ранила его в ногу.

Об этом рассказал нам Иван Васильевич. Мы уже третий год записываем рассказы ветеранов. У нас получается целая книга.

Тимуровцы,
школа № 17,
г. Красноярск.

Если город молодой...

Мы живем в городе очень молодом, ему исполнилось всего двадцать лет. И все же нам удалось разыскать ветеранов.

Дмитрий Иванович Лебедев — ветеран войны и труда. Он тяжело болен, совсем не встает с постели. Его жена три года как ослепла. Мы приходим к ним через день. Убираем, ходим в магазин, читаем книги. Узнали, что день рождения у Дмитрия Ивановича 9 мая, а у его жены — 9 декабря. В эти дни мы поздравляем их.

Пенсионеров в нашем городе почти нет. Но рядом, километра два-три от города, есть село Посуньки. Это село старое. После войны много посуньчан не вернулось домой.

Мы написали письмо в сельсовет с просьбой помочь найти такие семьи, которым нужна помощь. Ответа ждали недолго. И сразу взялись за дело.

Ходим в село все вместе раз в неделю. Работаем в саду и на огороде.

Есть в этом селе могила неизвестного солдата. Мы взяли над ней шефство и хотим узнать фамилию бойца. Пока не узнали.

Тимуровцы,
г. Вольногорск,
Днепропетровская обл.

ПРИКАЗ

ВСЕСОЮЗНОГО ШТАБА ТИМУРА

Всем тимуровским командам, отрядам, штабам!

В честь 35-летия Победы над фашистской Германией объявить операцию «ВЕТЕРАН ЖИВЕТ РЯДОМ».

В ходе операции:

— установить связь с районными, городскими, областными военкоматами, отделами социального обеспечения, знать всех ветеранов ратного и трудового подвига, живущих рядом — в вашем доме, на вашей улице, в школе, где вы учитесь, на заводе или в колхозе, с которыми вы дружите;

— зажечь красные тимуровские звезды на домах ветеранов и окружить их повседневной заботой и вниманием;

— 23 февраля — в День Советской Армии, 9 мая — в День Победы организовать почетные караулы у памятников и обелисков, уход за братскими могилами, провести торжественные линейки и сборы;

— в знаменательные для советского народа дни дарить ветеранам цветы и подарки, провести конкурс «Мой подарок ветерану»;

— организовать в отряде поисковые группы, узнавать имена неизвестных героев, помогать семьям погибших, помогать встречаться фронтовым друзьям;

— провести в отрядах сборы, посвященные ветеранам, записать их воспоминания и прислать во Всесоюзный штаб Тимура;

— в работе руководствоваться словами Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Леонида Ильича Брежнева: «Уважение к ветеранам исторических битв, забота о них — моральный закон нашей жизни».

Донесения о выполнении ПРИКАЗА присылать в адрес штаба Тимура не позднее 23 февраля 1980 года.

ВСЕСОЮЗНЫЙ ШТАБ ТИМУРА
г. Москва.

Рисунки Д. БАРАБАШ.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ!

Сообщаем итоги филателистической викторины «Счастливы дети, если мир на планете».

ГЛАВНЫЕ НАГРАДЫ И ГРАМОТЫ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР» ПРИСУЖДЕНЫ:

Кириллу МИЛЕЙШЕВУ (г. Москва), Жене СМИРНОВУ (г. Ульяновск), Жене ПОПОВУ (г. Вологда), Санре СИЛКАЛНЕ (г. Валмиера, Латвия), Оле ВЛАСОВОЙ (г. Вологда), Диме САВОСТИНУ (пос. Новогорный Челябинской обл.), Лене МИЛЬКОВОЙ (г. Шумерля Чувашской АССР), Наташе МАРКИНОЙ (г. Москва), СВЕТЕ БАРАНОВОЙ (г. Казань), Сергею ФЕДОРОВУ (г. Усть-Каменогорск Восточно-Казахстанская обл.).

СПЕЦИАЛЬНЫМИ ПРИЗАМИ ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ФИЛАТЕЛИСТОВ НАГРАЖДЕНЫ КОЛЛЕКТИВНЫЕ РАБОТЫ КРУЖКОВ ЮНЫХ ФИЛАТЕЛИСТОВ:

вологодской детской библиотеки № 6; Дома пионеров и школьников имени Я. Юдина в Казани; пионерского отряда 4 «а» класса первой средней школы в Селидово Донецкой области; средней школы № 2 села Родино Алтайского края; Дворца пионеров и школьников имени В. Волошиной в Кемерово; младшей группы Дворца пионеров и школьников имени Н. К. Крупской в Новокузнецке; средней школы № 1 поселка Жолымбет Целиноградской области; Дома пионеров и школьников имени Саши Ковалева в Североморске Мурманской области; кюф «Сувенир» средней школы в Мазсалаца, Латвия; средней школы № 49 в Запорожье.

ПООЩРИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗЫ И ДИПЛОМЫ ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ФИЛАТЕЛИСТОВ ПОЛУЧАЮТ:

кружок юных филателистов Дома пионеров и школьников Даугавпилса Латвийской ССР; Дома пионеров и школьников Кировского района Курска; Дворца пионеров и школьников Орла.

ЖЮРИ ВИКТОРИНЫ ОТМЕТИЛО ЛУЧШИЕ ОТВЕТЫ НА ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Жени ПАНОВА из Томска, Андрея ТРУНОВА из Москвы, Виталия МАРЧЕНКО из Запорожья, Арика БЕЛОЦЕРКОВСКОГО из Хабаровска, Олега СЕСТРЕНСКОГО из поселка Татищево, Саратовской обл., Виталия СЮНДЮКОВА из Селидово, Донецкой обл., Николая СУДОРГИНА из Камышина, Волгоградской обл., Сергея ПАРШУТИНА из Калуги, Кости ВОРОНИНА из Магнитогорска, Александра КУДРЯШОВА из Рязани, Светланы ЖЕРЕБЦОВОЙ из села Засопка, Читинской обл., Сергея ПОРХАЧЕВА, Андрея САВЦОВА, Оли БАЛАКИРЕВОЙ, Светы ШИБАНОВОЙ из Выксы Горьковской области.

Жюри благодарит всех участников конкурса и высылает им на память сувенир: буклет с почтовой маркой СССР, посвященной Международному году ребенка, и со специальным гашением и автографами председателя жюри конкурса, летчика-космонавта СССР, Героя Советского Союза Л. С. ДЕМИНА, председателя Правления Всесоюзного общества филателистов и заместителя председателя жюри главного редактора журнала «Пионер» С. А. ФУРИНА, члена Бюро Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

Сердечно поздравляем победителей и всех участников конкурса!

ЖЮРИ КОНКУРСА

Пятёрки Энели Тико

32-я таллинская школа мне запомнилась очень. И своим автодромом. И своим тиром. И буеристами. И артистами. Чистотой, уютом и порядком во всем.

А еще я очень запомнил шестиклассников Энели Тико, Янууса Маделина и Пирета Крамвельта из отряда имени Зои Космодемьянской. С ними меня познакомили старшая вожатая Лайне Саарметс и председатель совета дружины Рет Кольяк.

Мы попросили этих ребят принести в пионерскую комнату... свои учебники.

Сидим — листаем. Учебники выглядят совсем новыми, а ведь некоторым из них по три-четыре года. Книги перешли к ребятам от прежних владельцев. На последней странице каждого учебника их имена и отметки, которые получили хозяева за... отношение к своей книге.

Листаем «Русский язык» Энели Тико.

«Виве Тигане — 5

Леа Штрундт — 5».

Это значит, что прежние владельцы обращались с учебником очень почтительно.

Яанус протягивает «Историю средних веков»:

«Альберт Аас, шестой класс «А» — 4

Меелис Мыйс, шестой класс «Е», — 5

Яанус Маделин, шестой класс «А», —

Третьей отметки еще нет: будет в конце учебного года.

У Пирета беру «Математику». Прежние хозяева книги Р. Малве, А. Сиккенберг и М. Салм относились к книге «отлично». Выглядит книжка на славу. А ей уже четвертый год. Согласитесь, что для учебника, тем более математики — предмета ежедневного, — срок в общемто солидный.

Ребята рассказывают, как им удалось сберечь свои книги. Никаких секретов нет. Вовремя меняют обложки. Не делают на страницах пометок даже карандашом.

Я вспомнил учебники, которые мне пришлось видеть в других школах, в другом городе. Глянешь на учебник и не поймешь: то ли это книга, то ли черновик для решения задач. Все поля исписаны. Неужели ребята не знают «секретов», известных таллинским школьникам?

Сколько стоит учебник? Давайте посмотрим. «Русский язык» для 2-го класса — 26 копеек. «Родная речь» для 3-го класса — 35 копеек. «География» 6-го класса — 58 копеек. «Родная литература» 7-го класса — 41 копейка, «Физика» восьмиклассника — 35 копеек.

Выпускается учебников ежегодно великое множество. Лишь к 1978/79 учебному году издательство «Просвещение» выпустило 219 учебников общим тиражом 186 715 000 экземпляров. Представляете, какие огромные средства затратило государство на учебники! А сейчас уже многие школьники получают учебники от нашего Советского государства бесплатно.

В 32-й, да и в других таллинских школах бережному обращению с учебником уделяют внимание все. И учителя, и родители, и пионерские звенья, отряды, и комсомольская организация. Имена ребят, которые бережно обращаются со своими учебниками, известны всей школе.

Как у вас в отряде, в звене заботятся об учебнике?

Есть ли у вас, как у ребят из 32-й школы, выставка самых опрятных учебников?

Рассказываете ли вы своим подшефным октябрятам о том, как важно беречь свой учебник?

Есть ли у вас в звене переплетная мастерская? Если нет, то пора приниматься за дело.

Сегодня на страницах «Пионера» открыта ПЕРЕПЛЕТНАЯ МАСТЕРСКАЯ. Но прежде чем взяться самому за починку учебника, запомни несколько советов.

Чтобы твоему учебнику никогда не понадобился ремонт и он всегда выглядел новым, нужно:

обложку обернуть плотной бумагой,

листать страницы только чистыми руками.

Нельзя:

перегибать учебник,

делать надписи на страницах,

загибать уголки,

вместо закладки пользоваться ручкой или линейкой.

ИДЕТ ОПЕРАЦИЯ «ЖИВИ, КНИГА!» ИДЕТ ОПЕРАЦИЯ «ЖИВИ, КНИГА!»

А теперь о том, как привести в порядок старый, потрепанный учебник. Лучше понять, как это делается, помогут тебе рисунки.

Разорвана страница — заклей ее с двух сторон прозрачной бумагой.

Обтрепались края — заклей их ровной полоской бумаги.

Обтрепались уголки страниц — сделай выкройку из бумаги и подклей к ним.

Разорвался корешок — подклей его плотной цветной бумагой или тканью.

Вырван лист — приклей его полоской плотной бумаги.

Рассыпались листы — прошей их крепкой ниткой.

Испортилась и оборвалась обложка учебника — обрежь ровно края старой обложки, из плотной бумаги сделай квадрат нужной величины. И подклей его под обложку.

Делай все аккуратно, не торопись. И учебники твои помолодеют.

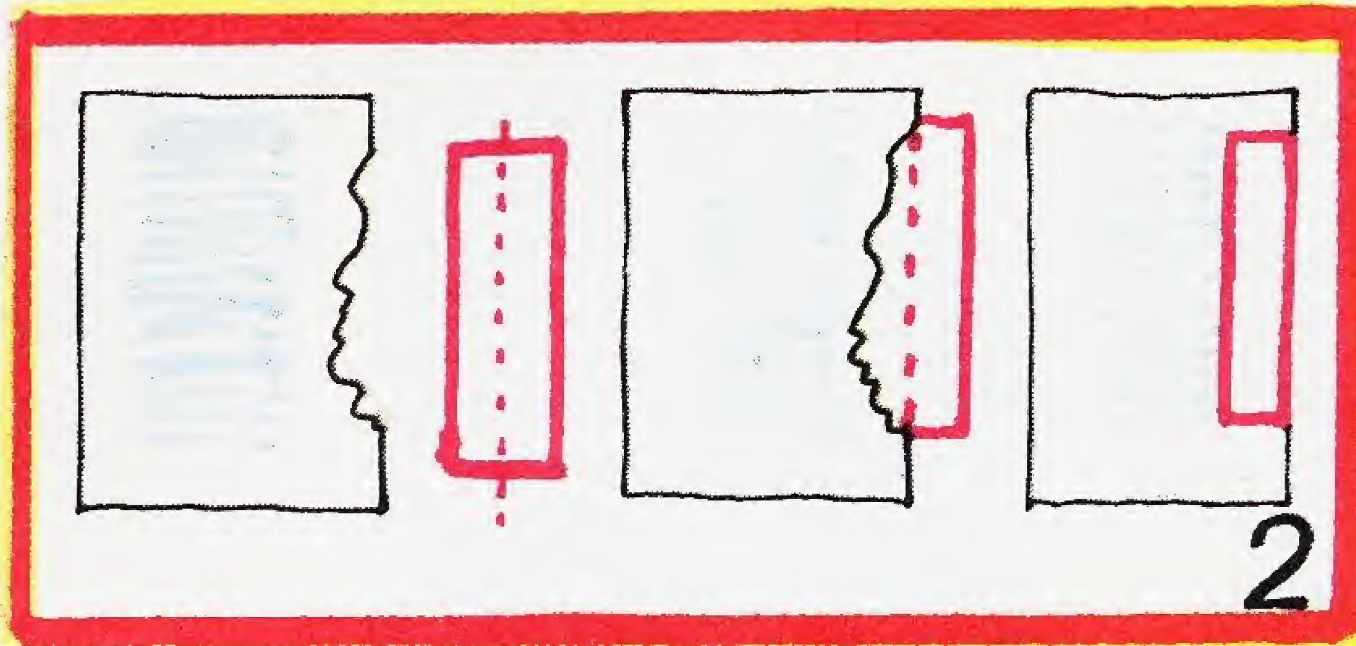
Желаем успеха!

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

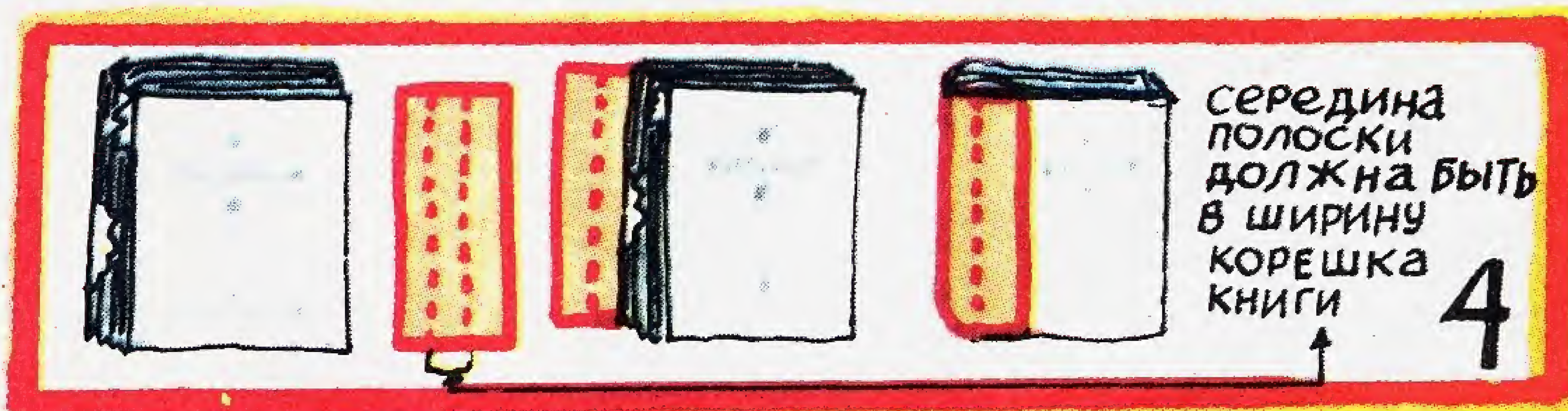
переплётная мастерская

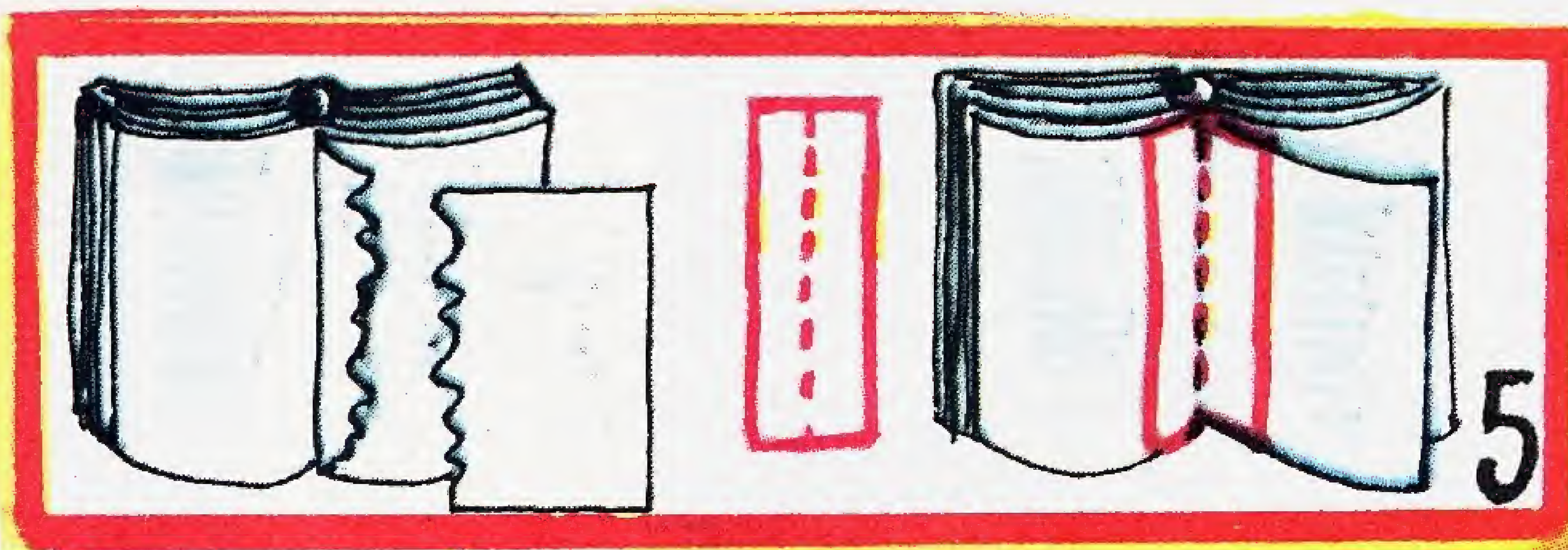
школа умелых хозяев

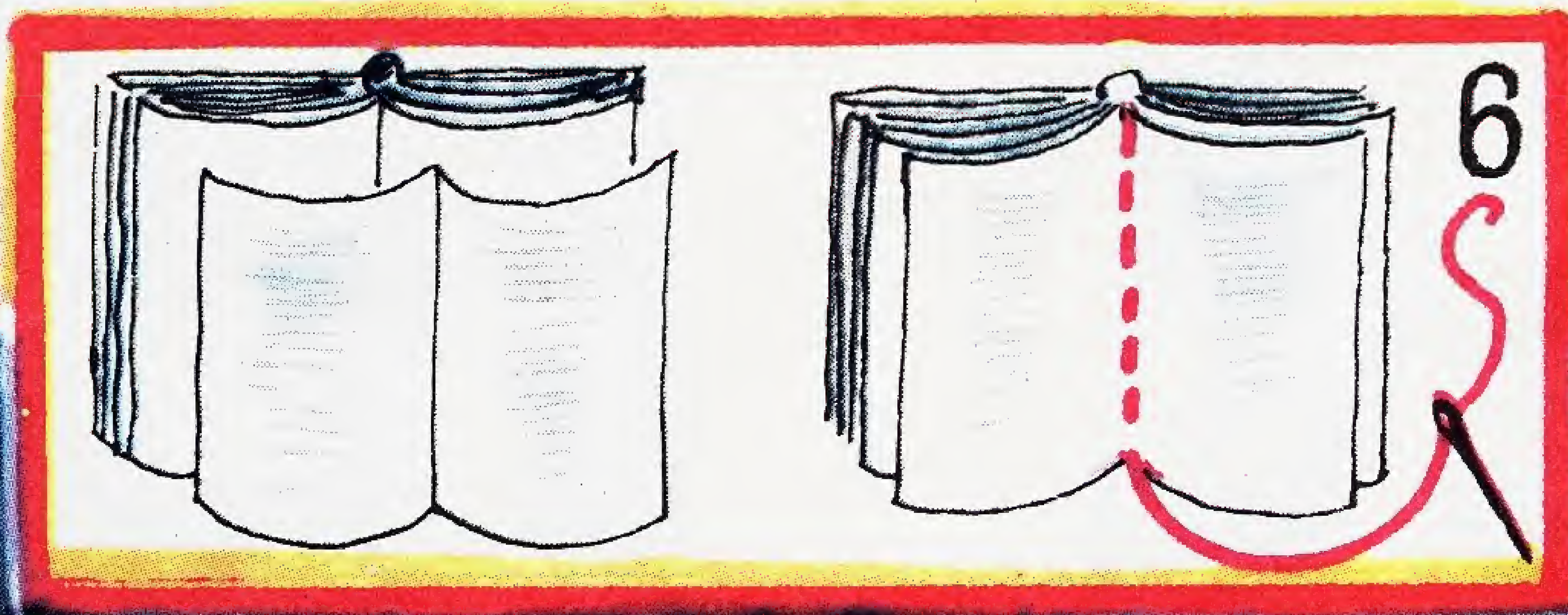

И. ГОЛУБЕВА

Фотографии
В. КРУПСКОГО,
В. ПОСТНИКОВА.

Есть такие секунды и минуты, когда человек, находясь в шумном классе, в фойе театра или на улице, остается один. Остается один, чтобы совершить открытие.

Увидеть вдруг, что наступила осень. Что катится по солнечной дорожке от школьного крыльца сухой желтый лист.

Понять, что он Защитник, потому что уткнулся ему в сгиб локтя прохладным влажным носом щенок, и безмятежное щенячье посапывание — это требование: не бросай, помоги.

Разгадать чудо: как только что в руках артистов неживые раскрашенные куклы были живыми?

Человек совершает открытие. Которым потом поделится с другими. Может быть, сразу же. А может быть, через много лет когда станет взрослым. Открытия ученых и поэтов — это продолжение открытий, которые они совершали в детстве.

ПИОНЕРСКИЕ КАРТЫ

Ты уже знаком с самыми различными картами — географическими, политическими, историческими. Они помогают тебе на уроках географии, истории.

Совсем недавно появились новые, необычные карты, карты впервые составленные в нашей стране. Но прежде чем рассказать о них, зададим тебе несколько вопросов, а ты подумай и постарайся ответить на них.

Когда и где был создан первый в нашей стране пионерский журнал «Барабан»? В каком году возник первый пионерский отряд на далекой Чукотке? Какие ты знаешь объекты «Пионерстроя»? Пионеры каких городов в годы Великой Отечественной войны собирали средства на строительство танков и самолетов для Красной Армии? Где и когда проходил первый Всесоюзный финал на приз клуба «Кожаный мяч»? В каком городе впервые состоялся финал «Зарницы»? Вопросы можно и продолжить. Но, наверно, на некоторые из них ты не сможешь ответить сразу. Вот тут-то на помощь тебе и придут новые карты — карты пионерские, наглядно рассказывающие об истории и сегодняшнем дне Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. Их выпустило для тебя и твоих друзей по отряду Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР.

Над составлением пионерских карт работали картографы, историки, учителя, пионерские и комсомольские работники. В комплекте — девять карт. На каждой из них условные обозначения — знаки. На полях карты эти обозначения расшифрованы, здесь же ты найдешь много интересных сведений о том, как жили и работали пионеры разных поколений.

Карта № 1 расскажет тебе о том, как в далеком 1922 году создавались первые пионерские отряды в нашей стране, как шагало пионерское племя по городам и селам нашей Отчизны.

Карта № 2 поведет тебя по пионерской дороге, отмеченной датами 1922—1941 годов. Ты узнаешь, где проходил 1 Всесоюзный слет юных пионеров, как пионеры тех лет помогали стране.

Карта № 3 посвящена пионерской организации в грозные годы Великой Отечественной войны. В те годы Торжественное обещание пионера звучало как клятва маленького бойца — защитника Отчизны: «Обещаю быть дисциплинированным, честным, трудолюбивым. Я всем сердцем ненавижу фашистских захватчиков и буду неустанно готовить себя к защите Родины. Клянусь в этом именем борцов, отдавших жизнь за наше счастье. Буду вечно помнить, что их кровь горит на моем пионерском галстуке и на нашем красном знамени».

Карта № 4 говорит о днях мирных, о том, как жили и помогали старшим юные ленинцы в 1946—1962 годах. Карта расскажет о движении юных натуралистов под девизом «Украсим Родину садами!», о том, как пионерской организации был вручен первый орден Ленина.

Карта № 5 расскажет тебе о событиях 1962—1972 годов. Ты узнаешь о Всесоюзном соревновании пионерских отрядов, о Всесоюзном смотре пионерских дружин, о слетах, которые проводились в те годы.

Карты №№ 6—9 посвящены Всесоюзному Маршу пионерских отрядов, его маршрутам — «Мир и солидарность», «Пионерстрой», «Сильные, ловкие, смелые». Многие из этих дел на Марше знакомы тебе, и ты сам сможешь дополнить новыми сведениями из жизни своей дружины эти пионерские карты. Издатели позаботились и о том, чтобы порекомендовать тебе интересные книги о нашей пионерской организации и детских организациях зарубежных стран.

Ты получил хороший подарок — пионерские карты. Используй их на политинформации, сборе, классном часе, на вечере или дискуссии. Напиши нам, как помогли они тебе на Марше «Пионеры всей страны делу Ленина верны!».

От жарких и южных степей и до Полярного круга, от отрогов Урала и до берегов Балтийского моря раскинулась страна по имени Нечерноземье. Живут тут москвичи и ленинградцы, псковичи и рязанцы, новгородцы и туляки, свердловчане и калининцы... Двадцать девять областей и автономных республик России. Четверть населения нашей Родины.

Удивительно, неповторимо красивы леса и луга, равнины и предгорья центра России. Только испокон веков не радовали они крестьян богатыми урожаями. Лишь в наши дни началось преображение неоглядного русского поля...

«В наших планах,— говорил Л. И. Брежнев,— большое место отводится Нечерноземной зоне РСФСР. Можно с удовлетворением отметить, что осуществление намеченной комплексной программы преобразования сельского хозяйства этого обширного края начинает положительно сказываться на увеличении производства продукции, улучшении условий труда и быта сельских тружеников».

По призыву партии тысячи комсомольцев трудятся сейчас в Нечерноземье — на своей Всесоюзной ударной комсомольской стройке. И мы начинаем наш рассказ об этой стройке — о том, что делается сейчас на просторах старинного русского поля...

ПЕРВО

...На XVIII съезд комсомола ее выдвинули одноклассники, те, с которыми она осталась работать в совхозе — Паля Малышева, Света Тропина, Лена Дурыгина, Женя Ушаков, Сережа Песцов, Женя Дятлов, Коля Мишенев... И когда Валя Лепешкина взошла на трибуну Кремлевского Дворца съездов, она вспомнила родную деревню, ферму, улицу новеньких, островерхих домов, похожих на терема...

Ни свет, ни заря— на ферму пора!

Старенький будильник в избе Лепешкиных точен и голосист, как петушок. Все школьные годы Валя ставила его на полвосьмого, к первому уроку. В сентябре прошлого года перевела на четыре утра. В эту пору на всю деревню начинают горланить настоящие кочета. Ни свет, ни заря — на ферму пора! Ждут Валю и ее подруг ровно сто коров да малые телята в придачу.

Юрий КРУТОГОРОВ

ПУТОК

Ждут не дождутся. Мычат, поторапливают: скорее в кормушки сена подсыпьте. Телята тычутся мордочками в оградки, тянутся настойчивыми губами к соскам.

А потом уборка загонов, дойка, подстилку надо раскидать. Как карусель крутишься. Выглянешь на улицу, ребятишки в школу бегут. Даже не верится: неужто до начала уроков столько дел можно переделать. Валя скоро год как доярка, а все не отвыкнет от школьного расписания.

Ко второму уроку — домой. Оглядит ферму — довольна. Коровы подоены, накормлены, дед Макар фляги с парным молоком в Шарью повез. Домой, домой, скорее прилечь— доспать самый сладкий кончик ночи. В час дня первоклассница Светка прибежит, разбудит, книжку раскроет. Про тигров. Вдруг слезы побегут из глаз.

— Ты чего?

— В Африку хочу, тигров поглядеть.

Смешная все-таки сестренка, поди-ка пойми ее.

А Валя понимает. Давно ли ей самой хотелось куда-нибудь уехать. Думала: вот окончу школу, в институт поступлю, в Москве или в Ленинграде. Прощай, деревня, берендеевский лес, ферма. Надо же белый свет повидать, себя показать...

Кто на пашню выйдет?

На молочно-товарную ферму она с восьмого класса бегала — школьная практика. Коров с полувзгляда узнавала. Вот Быстрая. Одно имя, что Быстрая. Ленивица, каких не найти. А Краля? Краля-Кралечка, просто смех разбирает, все норовит в алюминиевый бидон вглядеться, как в зеркало,— кокетка. С мороза прибежишь на ферму, а Чайка просяще: «Ко м-не-е...» Ах, ты милая моя, белобокая, вот она я.

Доярка Валентина Павловна Блинова говорит:

— Бери, Валя, аппарат, дои Чайку.

Белые струйки окрашивают стеклянные трубки, Чайка сено пережевывает, глазом на девочку косит. Очень ей мила девочка в резиновых сапожках, от белого халата так свежо пахнет стиральным порошком.

Тогда-то Валя Лепешкина и начала многое решать для себя. Белый свет. Разве он только там, за синей кромкой лесов? Вот он, за околицей. Снежный первопуток начинается у крыльца дома, бежит, петляет к ферме, к пашне, спящей под белым покрывалом, к вы-

сокой силосной башне. Возле нее пахнет кошеной травой. Мороз ли под сорок, метель ли запудрила горизонт, а здесь щекочущий дух разнотравья.

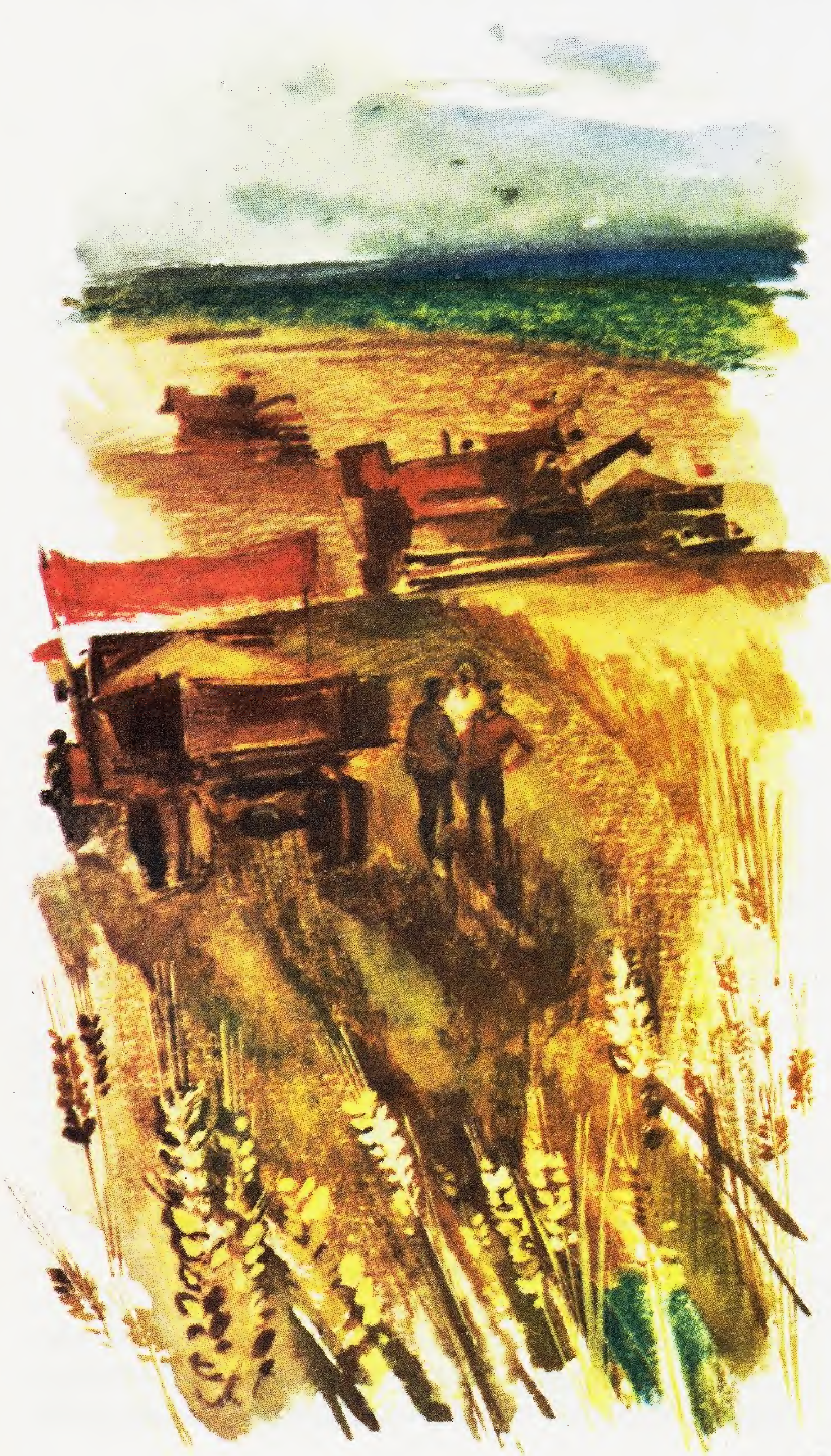
И все чаще задумывалась о будущем. Спорила с девочками. Их убеждала, сама убеждалась. Уехать в город — хитрое ли дело? А на селе кому оставаться? Старикам да старухам? Вон Валентина Павловна — сколько она на ферме? Да всю жизнь. А кто заменит ее, кто вместо нее придет к Чайке, Быстрой, Крале-Кралечке?

А кто на пашню выйдет, когда она, отоспавшаяся за зиму, полегоньку оттаивает в апреле и над ней стелется туманный парок?

Валю слушали не только девочки. Парни из класса тоже призадумывались.

Поле ждет...

Когда тебе шестнадцать лет и руки твои не ленивы, и мысли не сонны, и сердце не глухо, ты все чаще думаешь о мире, окружающем тебя, о твоем месте в нем. И ты острее, зорче видишь то, чего раньше не замечала. Начинаешь думать о земле, на которой живешь, о земле вокруг деревни. И чувствуешь, она зовет тебя, ты ей нужен.

Не присмотришь за ней, не поможешь — не жди доброго урожая. Одно слово, а как много нам говорит — «Нечерноземье». Природой обиженное, щедростью ненаделенное. Вот и ждет оно пахаря-хозяина, преобразователя.

Обнови землю, сделай ее плодородней, напои ее живой водой. И тогда рожь ровнее встанет, и лен ярче зацветет, и клубень картофеля «лорх» уместится не в ребячьей, а во взрослой ладони...

Кому же преобразить эту землю, как не им, ребятам, выросшим здесь, на Нечерноземье?

Школяры молодцы!

Надо сказать сразу: кто-кто, а они сызмальства знали сельский труд. Их прадеды и деды тут родились. А сколько сделали в школьной ученической производственной бригаде! На зорьке сено косили для подшефной Павловской фермы, ячмень убирали, картошку растили. С каких пор? Да с шестого класса.

Совхоз выделил Николо-Шангской школе не захудалый участочек — настоящее поле. Просторное, целых сто сорок гектаров. С одного края другого не видать. Есть где и тракторам и комбайнам развернуться. Тракторы и комбайны не чьи-нибудь — свои, школьные. Трактористы и комбайнеры не со стороны завезены — свои, старшеклассники.

К десятому классу девочкам вручали удостоверения мастеров машинного доения, а мальчикам — права трактористов, шоферов, комбайнеров.

Разве не они, Валины одноклассники, по заданию костромского сельхозинститута «Караваево» ставили опыт: как сажать картофель, чтобы уродилось побольше отборных клубней? Рекомендации школьников пригодились окрестным хозяйствам.

А ученые люди из «Караваева» смекнули: раз в Николо-Шанге такие опытники живут, надо им подбросить еще одну задачу. Какие химические препараты на местном поле лучше всего расправляются с сорняками? И что вы думаете — узнали: такие вот гербициды хороши, полезны, а такие совсем не подходят.

Чего же после этого удивляться: однажды осенью николо-шангские ребята сняли картофеля с каждого гектара своего поля вдвое больше, чем в совхозе. На школьное поле прибыли маловеры. Смотрят — ряды на диво обработаны, сорняков не слыхать — не

видать, удобрения по собственному рецепту заложены. Вот тебе и школяры! Сто двадцать пять центнеров с одного гектара взяли. «Назовите именинников»,— попросили в районе. Кто такие? Назвали. Вот они: Валя Лепешкина, Паля Малышева, Света Тропина, Лена Дурыгина, Женя Ушаков, Сережа Песцов, Женя Дятлов, Коля Мишенев...

Молодцы! Поз-драв-ля-ем!

Забота у нас такая...

Нечерноземный Шарьинский район — подзол, суглинок да торфяники — сейчас великую силу набирает. В каком-нибудь километре от школы совхоз воздвиг животноводческую ферму на тысячу коров. Корма подаются как на блюдечке, транспортером. Дойка машинная. Кормокухня не хуже, чем в иной столовой.

Тысяча коров! Богатырское стадо! И за каждой буренушкой уход какой нужен. Конвейер человеческие руки не заменит.

Такому стаду как без пастбища? И чтобы на нем не какая-нибудь сорная трава зеленела, а самая питательная, клевер красный и белый, тимофеевка, овсяница. У коровы молоко на языке, всем известно. Важно, чем ее накормить.

Так ведь такое пастбище с неба не свалится. Кругом торфяные болота, дикая лесная поросль. Создавать пастбище — вот какая забота. Осушить торфяники, засушливые угодья оросить, поливными сделать, удобрениями землю насытить — тогда развернется во всю ширь и красоту писаный красавец луг. Опять же руки нужны!

А лен-ленок? Слава о местном льне раньше далеко была слышна. Возродить славу надо! А как? Удобрения удобрениями. Человеческие руки потребны!

И был такой памятный день в совхозе, в школе, в жизни моих новых друзей. Весь выпускной десятый во главе с секретарем комитета комсомола Валей Лепешкиной решил остаться в селе. В совхозе отменно знали: Валю Лепешкину, Палю Малышеву, Свету Тропину, Лену Дурыгину, Женю Ушакова, Сережу Песцова, Женю Дятлова, Колю Мишенева...

Кто на ферму, кто на трактор. Ребятишки? Нет — животноводы, пахари, механизаторы, преобразователи Нечерноземья. Люди вполне ответственные, понимающие свой долг.

Коровий городок

Лето. Осень. Зима. Весна. Потянулись долгие трудные деньки.

Как-то Валя Лепешкина взяла младшую сестренку на новую ферму.

— Хочешь тигров увидеть? А сразу тысячу коров под одной крышей видела, Светка?

— Не-а.

— Тогда пошли.

Поглядели, глаза разбежались. Просто чудо, этот коровий городок! Тепло, светло, чисто. Окна просторные, к полю обращены. А там тракторы стрекочут. Трактористы свои — мальчишки из класса. От силосной башни консервированную траву на грузовиках подвозят тоже мальчишки из класса.

— Привет, Валя. Сестренку привела? Пусть смотрит, глядишь, дояркой станет...

Молчит Светка. Смотрит, думает.

Всего доброго, Валя!

Старенький будильник, как молодой петушок, будит Валю спозаранку. Ни свет, ни заря — на ферму пора! Лицо под рукомойник,

чайник на газовой плите закипает. На улице — темень. По тропке к ферме. Она неказистой кажется по сравнению с новым животноводческим городком. Ну так не все же сразу... Подождите маленько, эту тоже принарядим.

Коровы тянутся влажными губами к доярке. Ждут завтрака. Слушают звон-перезвон фляг.

— Девчонки,— кричит Валя.— Чайка моя два литра прибавила!

Посмотрела на часы. Ах ты, господи, времечко-то как бежит. В школе второй урок кончился.

Тут в дверях Светка, сестренка.

— А нас сегодня отпустили раньше...

— Ладно, в избу беги.

— А можно я Кралечке вымя теплой водой помою?

— Не надо, подоила уже.

— Ну, тогда в воскресенье.

— Доживем, поглядим,— улыбается старшая сестра.

Домой вместе. Валя — шаг, Светка — два. Ветерком потянуло из лесу. Апрель, а снегу намело, как зимой. Тропка весело бежит к деревне. Светка для себя так решила: посмотреть африканских тигров она очень хочет. Но и тысяча коров интересно. Впрочем, она решит, кем быть,— время есть. И у Вали Лепешкиной все впереди. Мечтает выучиться на зоотехника.

Пожелаем ей исполнения всех желаний.

Всего доброго, Валя!

Всего доброго, Паля Малышева, Света Тропина, Лена Дурыгина, Женя Ушаков, Сережа Песцов, Женя Дятлов, Коля Мишенев!

Рисунки С. КОСТИЦЫНОЙ.

Эдуард **АВАКЯН**

Радуга

Дождь прошел. Уплыли тучи.
Снова тихо и тепло.
В небесах над горной кручей
Солнце радугу зажгло.

Пробежал душистой нивой
Торопливый ветерок.
— Кто,— спросил,— такой красивый
Яркий пояс вышить смог?

— Мы,— сказали небеса.
— Я,— откликнулась роса.
— Вот еще,— прошелестели
Недовольные леса...

Ну, а солнце над горой
Село в облако устало,
Спор и замер сам собой,
Так как радуга пропала.

Про аиста

...А видели ли вы,
Как аист
Весь день среди густых ветвей
Стоит высоко, не качаясь,
На ножке тоненькой своей?

Смотрите,
Как же он боится
Гнезду родному повредить...
Страшится
Ласковая птица
На аистенка наступить!

Перевел с армянского
Леонид **МЕЗИНОВ**.

Л. **СТОЯНОВА**

Гость

Сижу в саду, в темноте дрожа,
И вижу второго трусишку — ежа.
Я в комнату его приволакиваю
И в молоко обмакиваю.
Он фырчит, молока не хочет.
Мама надо мной хохочет:
— Угости его лучше яблоком.
Маму я не послушала,
Угостила трусишку грушею...
Сыт. Доволен. Затих.
Вот и весь стих.

ГОД БОРЬБЫ ЗА СЧАСТЬЕ ДЕТЕЙ

Пятого сентября в Москве открывается Всемирная конференция «За мирное и счастливое детство для всех детей». В ней примут участие представители демократических организаций многих стран мира.

Советский Союз на конференции представляют три организации: Комитет советских женщин, Комитет молодежных организаций СССР и Всесоюзная пионерская организация имени В. И. Ленина. Их руководители расскажут о борьбе Советского государства за счастье детей.

Участники конференции из других стран внимательно изучили нужды ребят в своих странах. Об этом рассказывает Фрида БРАУН, Председатель подготовительного комитета конференции, Президент Всемирной федерации демократических женщин, лауреат Ленинской международной премии «За укрепление мира и дружбы между народами».

Я родилась в столице Австралии Сиднее, в рабочей семье. Когда мой отец стал безработным, нас вышвырнули из дома, потому что нечем было платить за жилье. А у родителей, кроме меня, было еще двое малышей на руках...

Декларация прав ребенка начинается такими словами: «Человечество обязано дать ребенку лучшее из того, что оно имеет». Но лишь в социалистических странах полностью выполняются принципы Декларации. Я часто бываю в социалистических странах и вижу, как живется там ребятам. Им готовят прекрасное будущее.

Другое детство у ребят в капиталистических странах. Двести миллионов ребят голодают, пятьдесят два миллиона детей и подростков работают, чтобы как-то выжить.

Самые тяжелые страдания приносит детям война. После американской агрессии во Вьетнаме осталось девятьсот тысяч сирот. Пятьдесят тысяч арабов погибли в Ливане — их дети тоже стали сиротами. Израильские агрессоры прогнали на чужбину палестинцев — их дети растут без родины, ютятся в лагерях для беженцев.

И в это же время миллиарды долларов в день тратятся на вооружение!

Поэтому все люди доброй воли борются за то, чтобы установить на земле прочный мир, прекратить гонку вооружений.

Мы, демократы, с благодарностью встречаем каждое новое мирное предложение Советского государства. Недавно правительство СССР призвало все страны сократить военные расходы на десять процентов и истратить эти деньги на нужды ребят. Сколько можно было бы построить школ, детских больниц!

Но буржуазные правительства так понимают Год ребенка: будем развлекать детей, кружить на каруселях, бесплатно кормить сладостями. А пройдет этот год, и со спокойным сердцем отложат решения детских проблем «на потом»...

Наша Всемирная конференция расскажет правду о жизни юного поколения на земном шаре. Мы передадим в Организацию Объединенных Наций документ, который будет называться «Дети мира».

Дети — это больше трети населения планеты. И мы, взрослые, ответственны за их будущее. Мы должны воспитать их добрыми, умными, дружными.

Фотография В. КАТАНОВА.

Плакат, который ты видишь здесь, посвящен Международному году ребенка.

Зоя ВОСКРЕСЕНСКАЯ,
лауреат Государственной премии СССР

КОНСУЛ

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

Продолжение. Начало в № 8.

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

ГЛАВА 6

Шестнадцать лет спустя

Ярков сквозь дымчатые очки вглядывался в лицо Петракова — он или не он?

— Так что же побудило вас спустя шестнадцать лет подавать заявление о приеме в советское гражданство? — спросил консул.

Петраков сидел согнувшись и загрубевшими пальцами перекладывал из руки в руку серую пообтертую книжку. Это был нансеновский паспорт, выдававшийся людям, покинувшим свою родину, не имеющим гражданства. Владельцами таких паспортов были главным образом русские эмигранты, белогвардейцы, царские офицеры, старые русские чиновники, фабриканты, помещики.

Ответил не сразу. На толстокожем лице еще глубже собрались морщины, на скулах задвигались желваки.

— Я, господин консул, скоро должен стать отцом, — сказал Петраков дрогнувшим голосом, и в его серых тусклых глазах засветился теплый огонек. — Жду сына... Хочу, чтобы он родился советским гражданином, а не беженцем. Хочу, чтобы у него была родина... Советская родина.

— Понятно, — сказал консул, — но почему вы на вопрос в анкете — участвовали ли в вооруженной борьбе против Советской власти — сделали прочерк, а не ответили прямо: да или нет?

— Просто не знал, как ответить. Я ведь не был против Советской власти, а боролся за Советы без коммунистов. Как тут ответишь — да или нет.

Ярков усмехнулся.

— Но с 1921 года ничего не изменилось в нашей стране. Коммунисты были и есть руководящая сила в Советах, во всех организациях государства. Разве можно представить себе Советскую власть без коммунистов? Значит, изменилось что-то в вас самих, но что?

— Мир, господин консул, раскололся на два лагеря. Фашизм и коммунизм. И есть середина — болото. Надо наконец определиться, на чьей же ты стороне. Я хочу выбраться из болота на советский берег.

— Расскажите мне, каким образом вы оказались в эмиграции?

Петраков вздохнул.

— Хочу быть до конца правдивым и честным... если такое слово ко мне подходит. Но расскажу вам все, как на исповеди.

«Посмотрим, насколько ты искренен?» — подумал Ярков.

— Мои прошлые политические убеждения? — спросил сам себя Петраков. — Пожалуй, никаких. Был эсером, потому что эта партия обещала крестьянам землю, а я из крестьян. После Октябрьской революции записался в партию большевиков, но испугался дисциплины. Во время мобилизации коммунистов на фронт — дезертировал и уехал к себе в деревню. А там голод страшный, все соломенные крыши на корм скоту пошли. Землю Советская власть мужику дала, а плугов нет, лошадей в армию мобилизовали, посевного зерна нет, а тут продотряды последнее зерно отбирали.

— Да, — задумчиво произнес Ярков, — это было тяжкое время. Крестьяне спасали тогда от голодной смерти рабочих, а рабочие отстаивали Советскую власть, поднимали из пепелища заводы, чтобы снабдить мужика плугами, керосином, ситцем. И оплатили пóтом крестьянам свой долг сполна.

— Но в то время, — продолжал Петраков, — мужик был лютый, голодный, босой и раздетый. Нагляделся я на мужицкую нужду, ну и...

— А то, что богатые мужики зерно в ямы ссыпали, гноили его, только чтобы рабочим не досталось. Это вы приметили? — спросил Ярков. — Продовольственные отряды разыскивали припрятанные запасы, конфисковывали их, а беднякам посевное зерно государство из своих запасов ссужало.

— Теперь-то я знаю, но тогда вернулся я в Питер из деревни полный злобы. Считал, что коммунисты во всем виноваты. Стал думать: куда податься? Увидел как-то на афишной тумбе объявление, что набирают людей служить на флоте по вольному найму. Решил стать моряком. Зачислили меня матросом на линкор «Петропавловск» в Кронштадте. Линкор всем линкорам линкор. А неразбериха там полная. Все корабли стояли, скованные льдом. Матросы слонялись без дела. Дисциплины никакой. С утра до вечера митинговали. Каких там только партий не было, но больше всего эсеров и анархистов.

— Большевики там тоже были, — сказал Ярков, — но мало их осталось. Лучшие кадровые матросы — краса и гордость Балтийского флота — ушли на фронты гражданской войны. В начале 1921 года на борьбу с белополяками и Врангелем из Кронштадта ушли добровольцами двенадцать тысяч моряков. А их заменил всякий сброд.

— Вы хорошо знаете историю, — заметил Петраков.

— Усвоил в свое время, — ответил Ярков. — Рассказывайте дальше.

— Да, большевики тоже были. В январе 1921 года на линкор пришел служить большевик Нагнибеда. Из Петрограда его прислали. Стал наводить порядок. В экипаже многие матросы организовались вокруг него. А я опять записался в партию эсеров и был у них на линкоре вроде вожака. Задумали мы тогда устроить Советскую власть без коммунистов, без комиссаров. Вижу, мои ребята все больше на сторону Нагнибеды склоняются. А тут на линкоре объявился бывший командующий артиллерией Кронштадта генерал Козловский. «Что ж, — говорит он мне, — вы зеваете, ждете, когда Нагни-

беда вас прикончит?» Написали мы вместе с ним резолюцию с требованием о переизбрании Советов без коммунистов. Козловский посоветовал большевиков запереть в корабельную тюрьму, чтобы не мешали. Первым делом мы посадили под замок Нагнибеду и всех его сподвижников. На собрании анархисты и другие там примкнули к нам. Приняли мы резолюцию. Генерал Козловский отправился на линкор «Севастополь», и там тоже большинство матросов проголосовало за эту резолюцию. Два линкора. Это уже сила. Закружилась у нас голова от успеха. Первого марта собрали на Якорной площади тысяч пятнадцать матросов. Приехал Михаил Иванович Калинин, но его не допустили к матросам. Трибуну захватили наши. Приняли резолюцию против коммунистов. Провозгласили новую власть. Избрали революционный комитет.

— Без коммунистов? — спросил Ярков.

— Конечно. Большевики и сочувствующие им сидели в морской следственной тюрьме и в корабельных трюмах.

— Кого же избрали в ваш революционный комитет?

— Комитет вроде бы революционный, вроде бы народный, ни одного офицера в нем, все рядовой состав. Но сейчас-то я понимаю, что это была только ширма. Фактически власть оказалась в руках царских адмиралов и генералов во главе с Козловским... Мы были уверены, что вся Россия поддержит нас, чувствовали себя хозяевами страны. За Кронштадт были спокойны. К нему не подступиться. На крепостных стенах и линкорах было сто сорок орудий, сотня пулеметов, мины, гранаты. Ружей и боеприпасов вдосталь. А за стенами Кронштадта ледовое поле просматривалось и простреливалось насквозь. И в Петрограде не было сил, чтобы сокрушить нас. Там осталась едва четверть населения. Рабочие голодали...

— Рабочие Питера отбивали от врагов республику, они ушли на фронты. Настоящего, революционного пролетариата в Петрограде почти не было, — заметил Ярков и спросил: — А вы, мятежники, не голодали?

— Нет, — ответил Петраков. — Продовольствие нам подвозили из Финляндии.

— Рабочие? — не без иронии спросил Ярков.

— Ну что вы! Финские рабочие сами пухли от голода. Французские, английские, германские капиталисты подбрасывали. 1 марта мы объявили по радио о нашей победе.

— А французские газеты поспешили сообщить о восстании в Кронштадте еще 13 февраля, — добавил консул. — Стало быть, французские империалисты вкупе с английскими и русскими генералами давно готовили этот мятеж. Они же и подкармливали вас.

— Да. Обо всем этом я узнал позже. 7 марта на лед против Кронштадта вышли красноармейские отряды под командованием Тухачевского, но не выдержали огня кронштадтской артиллерии. Козловский ходил гоголем. «Не раскусить большевикам нашего орешка, не по зубам он им», — любил говорить он. Мы совсем ошалели. Генерал внешне вел себя как слуга революционного комитета. «Разрешите доложить», — обращался он к рядовым матросам, членам комитета, «извольте утвердить», «прошу рассмотреть мой план». Мы ему все «разрешали», «утверждали», ходили с ним в обнимку, почитали его за нашего отца и слугу народа. Но 16 марта все перевернулось. Днем Кронштадт начала обстреливать артиллерия. Кронштадт отвечал. Артдуэль продолжалась до ночи. К утру 17 марта полк под командованием Фабрициуса ворвался в Кронштадт. Все бойцы были в белых халатах, ползком пробирались по льду, а Фабрициус в черной бурке шел впереди. Вокруг него от пуль и осколков снарядов взвихривался снег, а он шел, как заколдованный, во весь рост. Я наблюдал за ним в бинокль, и, поверите, меня била лихорадка. Я видел, как снаряды взламывали лед и люди в белых халатах исчезали в черной бездне воды, а лавина людей, а ряды бойцов, не дрогнув, обходили полыньи и шли вперед. Какая-то сверхъестественная сила двигала этими людьми.

— Это были коммунисты, заряженные высокой идеей. — Ярков встал и стал шагать по кабинету. — Это все, что вы хотели сказать? — спросил он Петракова, который вскочил со стула и стоял навытяжку.

— Конец известен, — сказал Петраков. — Бойцы Фабрициуса сбили замки с тюремных дверей, выпустили большевиков на свободу. Многие наши побросали оружие и стали сдаваться в плен, а мы подались в Финляндию.

— И это все, — повторил консул.

— Что касается мятежа — я рассказал все, что знал и видел, — недоуменно пожал плечами Петраков.

— Забыли одну существенную деталь. Прежде чем покинуть линкор, вы со своими сообщниками вскрыли пороховые погреба под орудийными башнями и заложили в картузы с порохом адские машины с часовым механизмом.

— Да, — сник Петраков, — и это вы знаете?

— Это стало уже достоянием истории. Но я ждал, что вы расскажете об этом сами. Вы же хотели как на исповеди? Садитесь, садитесь.

— Я забыл, забыл. Я делал это по приказу генерала Козловского. Он получил эти механизмы из Финляндии от немцев. — Петраков сидел на стуле, согнувшись пополам, и потирал виски. — Что я еще забыл сказать? Да, я избил Нагнибеду, когда заталкивал его в тюремную камеру, ударил его рукояткой нагана по голове, а он выбил мне два зуба.

Ярков вдруг рассмеялся.

— Итак, рассчитались? А что вы делали здесь, в эмиграции?

— Сначала мы организовывали какие-то союзы, братства, землячества, но все они распадались. Гражданская война в России закончилась. Надежды на возвращение, на изменение советского строя постепенно угасали. Я отошел от политической работы, освоил нехитрое дело

маляра и с тех пор зарабатываю себе на существование честным путем. Именно существую, а не живу. И ничего впереди мне не светит. Два года назад женился на финке. Мартой ее зовут. Ее отец похоронен в братской могиле финских революционеров. Поэтому понятно, на чьей она стороне. Она убедила меня подать заявление о приеме в советское гражданство и рассказать в консульстве всю правду о себе. Марта хочет, чтобы у нашего ребенка был советский паспорт. Но будет ли он? — тяжело вздохнул Петраков. — Когда вот я себя сейчас послушал со стороны, нет мне прощения. Узнай об этом Нагнибеда, он бы первый подал голос против моего приема в советское гражданство. Такое не забывается.

— Вам следует твердо усвоить одно: большевики не мстительны, — сказал Ярков. — Это не наше оружие. Если человек идет к нам с честными намерениями, мы его никогда не оттолкнем. И вопрос о вашем гражданстве будет решать не Нагнибеда, а Президиум Верховного Совета СССР. Пишите заявление и подробную автобиографию.

Оба встали.

— Спасибо, господин консул, за откровенный разговор. Что бы ни случилось, но после этой исповеди я чувствую себя свободнее, чище. И, кстати, вам не доводилось встречать Нагнибеду?

— Нет, не приходилось, — сухо ответил Ярков.

Петраков ушел.

Ярков снял дымчатые очки, положил их на стол, зажмурил глаза. «Не узнал, — подумал он. — Конечно, я был тогда кудрявый, молодой, а стал лысый, как биллиардный шар. Был Нагнибеда. Стал Ярковым. Не хотел носить отцовскую горестную фамилию, сменил ее на материнскую. Вот действительно тесен мир! Надо же встретиться?» — И воспоминания воскресили прошлое.

Подумать только, что пришлось пережить молодой Советской республике!

Кронштадтский мятеж! Это был «последний и решительный бой» в гражданской войне. Народ потерял в этой войне лучших из лучших своих сынов. Обеднел питерский пролетариат. На смену кадровым рабочим пришли случайные люди, вернувшиеся с фронтов солдаты, бывшие крестьяне, не знавшие, что такое пролетарская дисциплина, солидарность. Волынили. Устраивали забастовки. Партия щедро и вместе с тем бережно распределяла коммунистов на самые решающие участки гражданской войны, хозяйственной работы. Петраков правильно сказал, что тогда набирали на флот «по вольному найму». Шла всякая шантрапа, деклассированный элемент. И всю эту неорганизованную, одичавшую массу нужно было перевоспитать, зарядить, сплотить. Петроградский комитет послал большевика Нагнибеду, пришедшего с фронта, в Кронштадт на линкор «Петропавловск» с заданием создать на линкоре экипаж, достойный звания моряков Балтийского флота. Пришел в самую заваруху. Петраков, перепоясанный пулеметными лентами, бегал, как бешеный. Да, он запер его, Нагнибеду, в корабельную тюрьму. И ударил рукояткой нагана по голове, и Ярков вышиб ему кулаком зубы. Вместо тех теперь во рту у Петракова поблескивают золотые.

В корабельную тюремную камеру, которая едва вмещала двадцать человек, набилось около восьмидесяти. Не только лежать — сидеть было негде. Отдыхая от многочасовой стоянки, сидели на полу по очереди. И умудрились выпускать рукописную стенную газету «Тюремный луч коммунара» и копии ее через оставшихся верными Советской власти матросов передавали в другие камеры, в морскую следственную тюрьму. Восемнадцать дней продержали взаперти, впроголодь. Стращали «пустить в расход». Не успели. 17 марта узники услышали артиллерийскую стрельбу, поняли, что это коммунисты идут по льду. Понимали также, что артиллерийские залпы со стен Кронштадта уничтожат людей не столько осколками, сколько пустят на дно залива. И вот загремели засовы. Бойцы в белых халатах, в буденовках радостно объявили: «Вы свободны, товарищи. Выходите, нужна ваша подмога». А старые матросы, оставшиеся на воле, кидали за борт офицеров и обезвреживали взрывчатку, заложенную в пороховые погреба под орудийные башни.

Он, Нагнибеда, передал тогда Петроградскому комитету обороны радиограмму с просьбой прекратить огонь по линкорам, на которых уже восстановлена Советская власть.

А потом Клим Ворошилов собрал коммунистов Кронштадта и сказал, что их поведение в тюрьме было «достойно восхищения». Он рассказал, что в Москве закончился X съезд партии, который принял важное решение о введении сельскохозяйственного налога вместо принудительной продразверстки. Теперь крестьянин будет заинтересован засевать землю. На съезде с большим докладом выступил Владимир Ильич Ленин. Он рассказал делегатам о кронштадтском мятеже, и все делегаты как один изъявили готовность ехать на подавление мятежа. Съезд решил послать треть делегатов во главе с Ворошиловым. Все гости съезда, в том числе иностранные коммунисты, записались в отряд Ворошилова добровольцами. Финский коммунист Тойво Антикайнен в головном отряде ворвался в крепость. Это он со своими товарищами взламывал двери тюремных камер и выпускал на волю большевиков. «Эх, если бы я мог теперь отплатить ему тем же, — подумал Ярков. — Я отсидел в камере восемнадцать суток. Тойво находится в заключении уже три года. Какое это было бы счастье отпереть дверь камеры Антикайнена и сказать: «Выходи, Тойво, ты свободен», — размечтался Ярков.

...Марта сидела у окна и шила своему будущему первенцу приданое. Андрей ждет сына, а она хочет дочку. Успеет ли Андрей вырастить ребенка? Он почти в два раза старше Марты. Ей двадцать два, а Андрею сорок два. И как это

случилось, что она вышла за него замуж? Марта работала официанткой в пивной. Андрей часто заглядывал туда. Марта знала, что ему нужно подать кружку пива и пяток сосисок. Приходил он всегда после работы, перемазанный краской. Однажды, когда Марта поставила перед ним кружку с пивом, он положил на ее руку свою, жесткую, шершавую. Марта отдернула руку и вытерла пальцы о фартук. Но в следующий раз он снова зажал ее руку в своей и пригласил вечером пойти в кино. И Марта согласилась, сама не знает — почему. А потом заглянула к нему в крохотную квартиру старого холостяка, пропахшую табаком, масляной краской, неуютную, холодную. Навела порядок, постирала ему белье, повесила на окна занавески, застелила тахту, на которой он спал, домотканым покрывалом. Оба были одинокими. Марта за два года до этого похоронила мать, а отца не помнит. Ей было три года, когда ее отца расстреляли за участие в революции. Марта была некрасива и замкнута. И не думала когда-нибудь обзавестись семьей. Помогала товарищам отца, прятала нелегальную литературу, считала себя членом коммунистической партии. И не знала она, что Андрей был заодно с теми, кто расстрелял ее отца. Узнала об этом позже, когда стала женой Петракова. Коли знала бы раньше, то отвергла бы его. Но однажды ночью он рассказал о себе все, осуждая себя, ненавидя свое прошлое, сказал, что мечтал получить советский паспорт, но едва ли ему простят. Марта уговорила пойти в советское консульство, рассказать о себе все, все, как на исповеди. И вот он решился.

Тень Андрея упала на белую распашонку. Марта отложила в сторону шитье и поспешила мужу навстречу.

— Ну, как? — заглянула она ему в глаза и увидела их ясными, добрыми и помолодевшими.

— Исповедался — ответил Андрей.— Консул сказал, чтоб я подавал заявление. Значит, есть надежда. И ощущение у меня, Марта, что я встретился с Нагнибедой и что он понял мои заблуждения и мою беспутную жизнь и готов забыть все прошлое. Наверное, все большевики похожи друг на друга,— задумчиво сказал Петраков, разглаживая шершавой рукой маленькую, похожую на белую птицу, распашонку.

ГЛАВА 7

Почему собака?

Теперь каждое воскресенье Константин с Ириной отправлялись, как они говорили, «в экспедицию».

На этот раз решили поехать в Куоккала, в «Пенаты».

Ирина, отправив очередную информацию в ТАСС, усталая, но счастливая от сознания, что завтра предстоит поездка вдвоем, зашла в посольскую библиотеку. Книг о Репине почти нет. Полистала альбом с репродукциями репинских картин, краткий очерк его жизни. Прожил в своем имении «Пенаты» тридцать лет. Умер 29 сентября 1930 года, 84 лет от роду. Гениальный мастер и великий труженик. Десятки портретов, сотни картин, тысячи эскизов. Кем он был? Борец? «Борец!» — писал он с чувством зависти о Л. Н. Толстом. «Борец!» — говорил он о Горьком. И сам рядом с этими людьми становился борцом. После кровавых событий 1905 года Репин писал, что всякий честный человек понимает, что самодержавие — это «допотопный способ правления, годится только для диких племен». «Скоро ли рухнет эта вопиющая мерзость власти невежества?» — писал он в другом письме. Но когда художники Академии художеств, ученики Репина В. Серов и В. Поленов, обратились в Совет Академии с письмом протеста против расстрела мирной демонстрации, Репин неожиданно отказался подписать это письмо. «Оно далеко от правды»,— говорил он. Кто водил тогда его рукой? В голове была путаница, неразбериха. Но его гениальные произведения, написанные правдивой кистью, останутся бессмертными.

...Выехали рано утром. Небо было безоблачно и день обещал быть жарким. Константин сидел за рулем.

В полдень добрались до Куоккала. Справа море, слева в густых соснах дачи. Константин сбавил газ, всматриваясь в дома. Вот они, «Пенаты». Серая низкая деревянная изгородь, в глубине, из чащи берез и сосен, высовываются шпили башенок дома. Константин поставил на обочине дороги машину, выключил газ. Ирина подошла к калитке. Она была приоткрыта. По серым каменным плитам пошли вправо, к дому. Невысокое крыльцо. У двери большой медный гонг, рядом на шнуре висит молоток, а над гонгом на кусочке фанеры надпись: «Стучите весело и громко!» Константин нерешительно, тихонечко стукнул молотком в гонг. Он отозвался слабым гудящим звуком. Тогда Ирина взяла молоток и стала выколачивать: «Красный барабанщик, красный барабанщик крепко спал, крепко спал». Дверь открылась, и на пороге появилась пожилая женщина в черном тюлевом платье до пят на каком-то блестящем чехле; на пышно взбитых крашеных черных волосах черная широкополая шляпа с белым страусовым пером, на руках черные ажурные перчатки. Вуаль с мушками не могла скрыть ни глубоких морщин, ни одутловатости лица, ни густо наложенного грима.

«Как она выдерживает в такую жару в черном?» — подумала Ирина.

— Хау ду ю ду!.. Бонжур!.. Гутен таг!.. Гуд даг!.. Хювя пяйвя! — произнесла женщина залпом приветствие на пяти языках и привычно продолжала: — Ду ю спик инглиш?.. Парле ву франсе?.. Шпрехен зи дейч?.. Талар ни свенска?.. Пухутеко суомеа?

Все это говорилось заученным тоном, хотя ее

черные нагловатые глаза изучающе осматривали визитеров.

Константин Сергеевич вежливо поклонился и с самой обаятельной улыбкой ответил:

— Кроме того, мы говорим по-русски!

— О, — воскликнула дама, вскинув лорнет к глазам и снова оглядев обоих, произнесла: — Понимаю, вы наши, русские, надеюсь, вы не из Совдепии?

— Мы из Москвы, — учтиво произнес Константин Сергеевич. — Большие поклонники таланта Ильи Ефимовича и будем весьма признательны, если бы вы разрешили осмотреть дом и мастерскую великого русского художника.

— Мой дом открыт для всех, — холодновато произнесла дама. — Прошу вас.

Вошли в застекленную веранду, сплошь увешанную натюрмортами. Арбузы, дыни, тыквы, огурцы и помидоры, георгины и настурции, кувшины — все это вместе напоминало яркий осенний базар в каком-то южном городе России, если бы изображение не было плоскостным, назойливо ярким, олеографичным; им бы под стать красоваться на высоких овощных и фруктовых лавках.

— Что это? Ученические работы Ильи Ефимовича? — спросила недоумевающе Ирина.

— Вам нравится? — требовательным голосом спросила дама, и таким тоном, в котором слышалось: «Это не может не нравиться».

— Очень ярко, впечатляюще, — поспешил ответить Константин Сергеевич.

— Спасибо! Это писала я, — сказала дама, жеманно поджимая свои полные дряблые губы. — Папочка верил в мой талант, талант художника, впрочем, он восторгался и моим талантом актрисы.

Ирина онемела. Так это дочь великого Репина! Вера Ильинична. Любимица отца, девчушка в полосатых чулках, уснувшая на крыльце с куклой в руках, ясноглазая девчонка с букетом ромашек, сидящая на плетне.

В памяти возникли многочисленные зарисовки Веры, Верочки, Верушки. Хотелось увидеть в этой даме былые черты детской непосредственности, чистоты.

— А вам, мадам, нравится? — спросила Вера Ильинична Ирину.

— Мастерская Ильи Ефимовича наверху? — спросила Ирина вместо ответа. Врать она не умела, и ей казалось кощунственным лгать в доме великого художника.

— Да, да, наверху, — пробрюзжала дама, и Ирине послышался в ее голосе отказ показать мастерскую. Кажется, она не ошиблась.

— Я покажу вам нашу столовую.

Посредине столовой огромный круглый стол, центральная часть которого была обрамлена деревянными шишечками.

Вера Ильинична взялась за шишечку, и центр стола стал вращаться.

— Когда собирались гости, — пояснила она, — все кушанья ставились в центре стола и каждый, взявшись за шишечку, мог подвинуть к себе выбранное блюдо.

В углу под потолком — балкон для музыкантов. Теперь он был завален венками с металлическими лавровыми и дубовыми листьями, цветами, черные и белые ленты с надписями свисали бахромой с перил балкона.

— Эти венки с могилы папочки, — произнесла грустно Вера Ильинична. — Храню их как зеницу ока, как нетленную память о моем бесценном папочке. И, кстати, — сказала она уже деловым тоном, беря с буфета серебряный поднос, — пожертвуйте, пожалуйста, сколько можете на памятник папочке.

Константин и Ирина положили на поднос деньги. Вера Ильинична по-своему оценила щедрость.

— А вот теперь я покажу вам папочкину мастерскую. Пожалуйста, наверх. — Пропустила Ирину первой. Константин Сергеевич остановился, чтобы дать дорогу хозяйке, но она предложила ему идти впереди.

— Сразу видно, что вы интеллигентные люди. Понимаете толк в искусстве, — приговаривала она.

Поднявшись на площадку, Ирина вздрогнула. Прямо перед ней большой портрет мужчины с сумасшедшими глазами, разрывающий обеими руками рубашку на груди. На шее на тонкой цепочке болтался крест. «Стреляйте!» — было крупно выведено под портретом. Ирине стало жутко от этих глаз.

А Вера Ильинична, казалось, была довольна произведенным впечатлением. Она откинула на тулью шляпы вуаль, мешавшую ей дышать. Сквозь слой грима выступили капельки пота.

— Это автопортрет моего брата Юрия. Он был тоже талантливым художником. Впечатляет? — спросила она Ирину.

— Страшно! — созналась та.

— Отлично! Это он Совдепии бросает вызов: «Стреляйте!» Это шедевр. Иностранцы останавливаются перед картиной в благоговении.

Ирине казалось, что до мастерской художника они так и не доберутся.

Насладившись впечатлением, произведенным портретом, Вера Ильинична открыла дверь в мастерскую.

Мастерская была огромная, во весь этаж, со стеклянным куполом, сплошная стеклянная стена выходила в сад. Перед широким диваном, обитым зеленым плюшем, круглый стол, заваленный альбомами, эскизами, на других столиках вазы с кистями, палитры с засохшими горками красок. На стенах, мольбертах, в подрамниках множество этюдов, рисунков, пейзажей. По углам скульптурные группы. На одном из подрамников большой, в три четверти роста, портрет Максима Горького. Он в голубой косоворотке. Верхняя пуговица на воротнике расстегнута. Большой палец правой руки заложен за крученый поясок. Горький, еще молодой, грустно и задумчиво смотрел с портрета голубыми глазами, весь в каких-то голубых брызгах, в голубом тумане, на фоне голубого моря. Все искрилось вокруг него.

— Очень интересный портрет,— сказала Ирина.

— Купите, я его продаю. Его торгуют у меня американцы.

— Сколько вы за него хотите? — загорелся Константин Сергеевич. «Горький должен быть дома, а не в Америке»,— подумал он.

— Американцы дают миллион марок. Я хочу два.

Константин Сергеевич помрачнел.

— Мне американцы за один вариант «Гопака» заплатили полмиллиона,— сказала Вера Ильинична, видя смущение гостя.— Но, может быть, вас заинтересует эта картина. Она неокончена. Это последняя папочкина работа. Я ее могла бы отдать немножко дешевле. Видите, он уже слабеющей рукой подписал эту картину.

Против окна на противоположной стене в узкой черной раме висело большое полотно метра два длиной и метр высотой. С обеих сторон на загрунтованный холст вступали плотной стеной людские толпы. Справа — рабочая масса, почти одноликая, едва обозначенная. Много рук. Одни сжаты в кулаки, другие в какой-то нерешительности пытаются сложить пальцы не то в кулак, не то в крестное знамение. Третьи поднесли три сжатых пальца ко лбу. Слева на холст вступала стена полицейских с винтовками в руках, дула которых направлены в сторону рабочих. Стенка на стенку! И чудится, что за пределами рамы на холст будут двигаться с обеих сторон бесконечные вереницы этих двух противоборствующих сил. Расстояние между ними еще большое. Верхняя часть холста не тронута кистью художника. Прописана середина картины, ее нижняя часть. Вытоптанный снег с синими углублениями, и посередине лежит собака, белая, клочкастая, с рыжими пятнами, впалыми боками. Голова собаки с закрытыми глазами обращена в сторону рабочих, а вокруг нее снег ярко окрашен кровью. В правом нижнем углу подпись: «И. Репин»... Вместо твердого знака завитушка. «Ять есть, а твердого знака нет»,— отметила Ирина.

— Почему собака? — вырвалось у нее. Ирину лихорадило. Кровь густа, по краям покрылась изморозью, а в середине еще живая, ветер рябит ее, она колышется.

Вера Ильинична равнодушно пожала плечами.

— Папочка говорил, что это революция. А почему собака — это уж его фантазия.

Ирина незаметно дотрагивалась пальцами то до кисточек, то до загрубевших горок красок на палитрах, словно хотела ощутить тепло рук художника.

Спустились вниз.

— Мы можем посетить могилу Ильи Ефимовича? — спросил Константин Сергеевич.

— Разумеется. Вы увидите, как необходим памятник. Вот я и собираю по крохам деньги.

«Семь лет собираешь. Миллионы получаешь, торгуешь картинами, эскизами направо и налево. И представляешься нищей»,— с ненавистью подумала Ирина.

Вера Ильинична посмотрела на девушку.

— Ах, если бы был жив папочка, он обязательно нарисовал бы вас. Непременно. Он любил красивых женщин.

Ирина спрыгнула с крыльца и побежала по дорожке в сторону выхода.

— Вы куда? — крикнул ей встревоженный Константин Сергеевич. Он был взволнован всем не меньше Ирины, но умел сдерживать себя.

— За розами,— крикнула она.

Вернулась с большим букетом роз, который лежал в машине, завернутый в мокрое полотенце.

— Очень мило с вашей стороны,— растроганно произнесла Вера Ильинична, протягивая руку к розам.— Очень мило. Благодарю.

Ирина отвела букет в сторону.

— Не троньте! Это для Ильи Ефимовича Репина от советского народа.

Вера Ильинична сердито защелкала лорнетом: несколько раз раскрыла его и закрыла.

Пошли по протоптанной тропинке за дом, в горку. Видно, когда-то здесь было много ухоженных цветов. Из бурьяна и крапивы высовывались одичавшие, с ревматическими стеблями розы. Отцветшие люпинусы замусорили траву. Почти семь лет прошло со дня смерти художника, и все пришло в запустение.

Подошли к небольшому холму, к которому была протоптана узкая тропинка. Могильный холм был обложен дерном. На нем цвели иван-чай, дикая гвоздика, кое-где незабудки. Под елью на могиле стоял почерневший простой деревянный крест. Возле креста лежали букетики давно увядших и неубранных цветов.

Ирина опустилась на колени и положила на могилу розы.

— Ах, мой бедный папочка, когда-то соберу я тебе на памятник. Нищая я, голая, босая! — притворно причитала Вера Ильинична.

— Давайте постоим молча,— прервал ее Константин Сергеевич, взяв за руку Ирину и крепко сжав ее.— Помолчим...

Шли к машине подавленные.

— Почему собака? — спросила Ирина.

Константин пожал плечами.

— Я сам об этом думаю.

— Пойдем на берег моря. Мне хочется постоять на ветру, не уносить запаха тления от этой ужасной женщины,— сказала Ирина.

Спустились к морю. Здесь не чувствовалось жары. Легкий ветер рябил волны. Присели на один из валунов, разбросанных по отлогому берегу моря.

— Вот она, наша родная страна,— сказала Ирина, указывая на далекий изгиб берега.— Там — Сестрорецк. Наверно, здесь на одном из этих камней сидел Шаляпин.

Константин взял руку Ирины, прижал к своей щеке.

— Вот мы с тобой не эмигранты. Счастливые люди. Я по крайней мере самый счастливый человек. Но как тоскуешь по родине. И если бы меня лишили права вернуться на родину...

— Я бы не могла жить,— закончила его мысль Ирина.— Репин и Шаляпин были настоящие люди, но их окружали подобные этой Вере, сковывали их волю, как наручники и кандалы. Ефим Ильич обожал свою дочь. И все же, помнишь ее последний портрет? Толстая, надменная, оплывшее лицо, глаза хищницы, плотоядный рот. Кисть художника не умела врать... И все же,— замолкнув на минуту, вдруг спросила Ирина,— почему собака?..

Она встала, забралась на плоский валун.

Константин смотрел на нее откровенно влюбленными глазами. Ветер играл ее легким пестрым платьем. Она стянула с головы белый берет и подставила лицо солнцу и ветру, зажмурила глаза. А потом спрыгнула с валуна, подошла к Константину и, глядя на него широко открытыми, почти испуганными глазами, сказала:

— Я, кажется, поняла, почему собака. Это исповедь художника. В собаке Илья Ефимович изобразил себя. Он шел к революции, шел на сторону рабочих, ведь собака лежит лицом к рабочим. И по дороге была убита. Не дошла. Не добежала. И убили его такие, как Вера Ильинична, такие, как Юрий Ильич. Сын на автопортрете кричит: «Стреляйте»,— а стрелял сам. В своего отца. И дочь стреляла. Бесшумными пулями. Стреляла клеветой, наушничанием. Вцепилась в его душу. И в собаке он изобразил и своего друга Федора Шаляпина. А в Шаляпина вцепилась вся белоэмигрантская свора и золоченая Слава. А они, два великих ребенка, заблудившиеся в потемках, два гения, рвались на Родину, обновленную Родину, которую мечтали увидеть в своих творениях. И не дошли. Не-

*Из вагона вышел человек,
одетый в простой шевиотовый костюм
с чемоданчиком в руках.
Это был Матюшин.*

даром последней песней Шаляпина на этих камнях была: «Степь да степь кругом широка лежит, в той степи глухой умирал ямщик...»

Константин встал, взглянул на часы.

— Поедем. За руль сяду опять я. Ты очень взбудоражена, я не могу доверить тебе машину.

Ирина мотнула головой, помахала в сторону Сестрорецка рукой, побежала к машине.

Мимо мелькали березы, сосны. Жара отступала, в ветровое стекло дул душистый ветер, запах моря смешивался с острым запахом хвои.

ГЛАВА 8

Ураган

Под вечер разбушевалась буря. Ураганный ветер наваливался на дом, словно пытаясь свалить его под откос, в озеро, завывал в трубе. Жалобно дребезжали стекла в окнах. Загрохотало на крыше отодранное железо, и в угловой ванной комнатушке с потолка полилась вода. Поставили тазы, ведра.

Семья собралась в кухне за столом. Мать погасила огонь в плите, поставила на стол холодную жареную салаку и картошку, приготовленную еще днем. Ужинали молча. Под потолком испуганно мигала электрическая лампочка. Дружок забрался под стул, где сидел Ваня, прижался к его ноге и тихонько повизгивал. Коля уткнулся лицом в грудь матери и обхватил ее руками. Забарабанили камни по крыше, и изпод колпака над плитой посыпалась сажа. Лампочка мигнула и погасла.

— Развалилась труба, и, наверное, кирпичи порвали электрические провода,— мрачно сказал отец.

Просидели до рассвета. Молча. На столе трепетало слабенькое пламя свечи, которую мать нащупала в шкафу и, вставив в бутылку, зажгла.

В темноте казался еще яростнее свист ветра. Скрипели деревья, что-то рушилось.

Потом какие-то усталые нотки послышались в завывании ветра, порывы его ослабевали, и к утру буря угомонилась. Коля заснул на руках у матери.

Утром Ваня с отцом, надев высокие резиновые сапоги, вышли на крыльцо. Бурей сбило деревянную стойку, и навес над крыльцом косо повис. А дальше еще хуже. Ветер задрал угол крыши и запрокинул его. Ванин огород смыло со скалы. На косогоре повалило большую сосну, и она накрыла кроной баню. Ваня ходил по лужам и выбирал застрявшие в кустах луковки и морковки; сжатая пшеница, которая сушилась в нанизанных на кольях снопах, была развеяна ветром, пшеничные колосья свешивались с сучьев деревьев, и потоки воды все еще булькали и стекали с косогора в озеро. Маленькое озеро, на котором так мирно плавали листья кувшинок, теперь вздулось, залило баньку, вода в нем стала рыжая, всюду были разбросаны рогатые сучья деревьев, обломанных бурей; в глубоких темных лужах плавали осенние листья, похожие на клочья пепла. Деревья стояли голые, промокшие, продрогшие.

Мать вышла в накинутом на плечи плаще, глянула на разруху и, махнув рукой, заплакала. Впервые заплакала. Отец ходил хмурый, подбирал колосья, растирал их в руках: по нескольку зерен в каждом колосе.

Ваня впервые ощутил тяжесть потерянного труда. Он тщательно шарил в кустах, скользил башмаками по скользкой траве косогора, собирая остатки своего огорода.

За этим занятием его застал Эйно. Он пришел неожиданно днем.

— Отпросился у хозяйки,— сказал он.— Пришел проведать — какую беду ураган принес в ваш дом. Жалко урожай погиб. Остальное поправимо. Крышу водворим на место и так приколотим, что никакой ураган ее не снесет. Землю на валун натаскаем новую. Давай молоток да гвозди, полезем на крышу,— предложил он Ване и даже не спросил, почему Ваня пропустил два урока.

И снова загремело железо, но на этот раз это был веселый работящий грохот. Эйно был сильный и ловкий. Когда он соображал, как лучше сделать, он всегда взъерошивал свои густые белесые волосы на голове и щурил серо-синие глаза. Набрав в рот гвоздей, шляпками внутрь, Эйно приколачивал железо к балясине. Ваня прижимал лист, чтобы он не пружинил. Шов, по которому ветер отогнул железную кровлю, лопнул, и Эйно, взъерошив волосы, раздумывал над тем, как его заделать. Работал он весело, не суетясь.

Отец тем временем восстанавливал навес над крыльцом.

Закончив с крышей, молодые люди побежали к бане, но мать их остановила.

— Идите поешьте, я картошки с салом нажарила. Проголодались, небось.— Она сняла с шеста, что висел рядом с печкой, несколько лепешек, нарезала их.

Отец, глядя в окно, о чем-то печально раздумывал и медленно жевал. На лбу его собрались морщины. Ваня заметил, что он постарел за эту ночь.

— Надо сосну обработать, что упала на баню,— сказал отец.

— Этим мы займемся с Ваней, а вы отдохните,— предложил Эйно.

— Нет, не до отдыха теперь,— ответил Ванин отец.— Большую беду причинил ураган. Кто нам может помочь в этой беде? Муниципалитет?

— Нет,— хмуро сказал Эйно,— они не помогут. Если и ждать вам помощи, то только от друзей.

— Нет их у нас здесь. Не обзавелись еще,— сказал отец.

— Найдутся,— беспечно произнес Эйно.

После обеда они с Ваней принялись за сосну.

Очистили ее от сучьев, отпилили крону, которая легла на крышу бани, ствол рухнул на землю.

— Вот вам на ползимы топлива хватит,— сказал Эйно.

Вода из бани медленно уходила в озеро, а из озера звонким ручейком утекала в болото. И пока мальчики очищали от кроны крышу и восстанавливали над баней черепицу, озеро успокоилось, стало светлее.

В воскресенье Эйно пришел спозаранку.

Утро было тихое, теплое, безветренное. Ураган казался страшным сном.

Мать с Колей ходили по полю, собирали колоски.

Полдня ушло на распиловку ствола сосны. Под навесом за скалой сложили большую поленницу.

За обедом Туоминен спросил Эйно:

— Вот уже несколько месяцев ты ходишь к нам, а мы так и ничего про тебя не знаем.

Эйно удивился:

— Я же сразу все сказал о себе: бывший студент, отец умер, мать живет на севере у своей сестры, я работаю конюхом у помещика.

И здесь отец Вани задал вопрос, который все время мучил Ваню:

— А зачем тебе надобно изучать русский язык?

Эйно засмеялся:

— Я привык чему-нибудь учиться, а тут такой хороший учитель подвернулся, да еще бесплатный. Пригодится.

— Так, так,— сказал Туоминен.— Не знаю, какой учитель мой сын, но что ты хороший учитель — это я теперь понимаю.

А для Вани так и остался невыясненным вопрос: зачем же Эйно изучает русский? И снова сомнения стали терзать его...

До темноты наводили порядок в баньке: вычистили и вымыли полки, котлы, залепленные тиной, прелой листвой и хвоей, заново сбили лестницу, которую закрепили у двери предбанника и спустили ее в озеро.

Сели отдохнуть на порожке. Озеро было гладким, спокойным и отражало закатное солнце и розовые облака.

Ваня взял камешек, нагнулся и пустил его скакать по воде, спугнул солнце, смешал облака, разбил стеклянную гладь озера.

— Зачем ты так? Такую красоту испортил. А ведь это никогда не повторится,— упрекнул его Эйно.

Когда озеро успокоилось, солнце уже нырнуло за облако, и только на границе с болотом отразилась розовая полоса. Озеро потемнело, словно провалилось в бездну.

«Почему Эйно каждый день приходит, помогает, работает? Ну, а если бы это был не Эйно, а секретарь комсомольской организации школы, удивился бы? Нет, конечно»...

— Тебя что-то мучает? — спросил Эйно.

— Нет, я ничего,— ответил Ваня притворно спокойным голосом.

— Хочешь знать, зачем я изучаю русский язык? — положил Эйно руку на плечо Вани.

Ваня опустил голову.

— Я тебе верю, поэтому скажу правду. Я изучаю русский для того, чтобы читать Ленина, научиться у него бороться и побеждать. Я хочу знать русский, чтобы познать и понять во всей красоте русскую литературу. Наконец, изучаю просто потому, что люблю Россию, Советский Союз, связываю с ней все свои лучшие помыслы.

Ваня положил свою руку на руку Эйно.

— Прости меня.

— Ладно. Завтра я приду в шесть часов прямо в баню. Жди меня,— сказал Эйно, похлопал Ваню по спине и побежал.

Ваня еще долго сидел, и подозрительные мысли об Эйно казались ему камешком, который разбил зеркальную гладь озера, спугнул солнце. Будет ли Эйно по-прежнему относиться к нему?..

ГЛАВА 9

«Особые приметы»

Тойво Антикайнен.

«Роста выше среднего. Телосложение нормальное, худой. Лицо продолговатое. Глаза небольшие, серые, глубоко сидящие. Лоб высокий с залысинами. Волосы светло-русые. Подбородок слегка раздвоен. Рот обыкновенный. Особых примет не имеет»,— так написан портрет Антикайнена в розыскных документах охранки.

Чиновники охранки ошиблись. У Тойво Антикайнена были особые приметы: это великая сила духа и мужество, непоколебимая вера в правоту своего дела, высокое чувство ответственности перед рабочим классом и коммунистической партией, любовь к родине.

Этим он был страшен своим врагам.

Охранка и профашистская администрация не стеснялись в грязных и преступных средствах, чтобы обвинить его в сожжении пленного на костре и затем физически уничтожить Антикайнена.

Прокурор поклялся во что бы то ни стало добиться смертного приговора Антикайнену. Для этого были набраны из подонков общества лжесвидетели обвинения. Старый агент охранки белогвардеец Степанов, сменивший свою фамилию на Кивиниеми, показал, что по заданию охранки он ходил тайно в Карелию по следам Антикайнена и нашел остатки костра и на нем обгоревшие человеческие кости.

Профессор Ляскиля с гневом опроверг это нелепое и неграмотное утверждение: ведь для того, чтобы остались обгоревшие кости, в костре должна быть температура свыше тысячи градусов. Кроме того, отряд Антикайнена двигался по льду озера на лыжах, а Степанов ходил в Карелию летом. Финские и иностранные ученые подтвердили заключение профессора Ляскиля.

Антикайнена защищал финский адвокат Иоутсенлахти. В день, когда он должен был вы-

ступить с защитительной речью, он не явился в суд. Оказалось, что его заперли в сумасшедший дом и продержали там ровно столько, чтобы он не смог участвовать в процессе.

Рабочий Лагербум дал суду показания в пользу Антикайнена и затем исчез. Через несколько дней его обнаружили в лесу повешенным на дереве.

Международная адвокатская коллегия решила заслушать показания четырех свидетелей — советских граждан — бывших бойцов отряда Антикайнена. Но их не пустили в Финляндию. Они убедительно опровергли лжесвидетельские обвинения в столице Швеции, в Стокгольме.

Но вот наконец под давлением прогрессивных сил мира суд решил заслушать показания свидетелей защиты, вызванных из Советского Союза.

Консул Ярков сам поехал встречать на вокзал свидетеля защиты Матюшина. Это был первый.

Из вагона вышел человек, одетый в простой шевиотовый костюм с кожимитовым чемоданчиком в руках. Ярков подошел к нему и спросил:

— Вы Матюшин?

— Да,— недоверчиво глядя на Константина Сергеевича, ответил приезжий.

— Я советский консул. Моя фамилия Ярков. Зовут меня Константином Сергеевичем.

— Слава богу! — облегченно воскликнул Матюшин.— А меня зовут Степан Федорович.— И он уцепился за руку консула, боязливо оглядываясь.

— Вы чем-то напуганы,— спросил Ярков.— Как доехали?

— До границы ехал нормально. А вот в Райяйоках ко мне в купе зашел какой-то субчик и все меня расспрашивал: кто я, куда еду, зачем. Расхваливал жизнь за границей, хулил Советский Союз и уговаривал меня не возвращаться обратно. Я сказал ему: с чего бы мне оставаться в Финляндии? В Советской Карелии у меня свой дом, семья, в колхозе мне живется неплохо, мой старший сын учится в Лесной академии в Ленинграде, две дочери ходят в школу. Он не поверил, что мой сын учится в академии. А чего мне врать? Устал я от него.

Вышли с перрона на вокзальную площадь. Консул пригласил Матюшина в машину. Тот как-то сник.

— В советское консульство.

— А как бы удостовериться? Вы, конечно, меня извините, но я впервой за границей. Из Карелии только в Ленинград несколько раз выезжал.

Ярков вынул из кармана дипломатический паспорт.

— Вот посмотрите.

Матюшин внимательно пролистал все странички.

— Солидный документ,— сказал он уважительно.— Теперь я спокоен.

В полпредовской столовой Ярков вместе с Матюшиным позавтракали и пошли в кабинет консула.

— Вы знаете, по какому делу вас сюда вызвали? — спросил Ярков.

— Да. Мне сказали, что нашего бывшего командира Тойво Антикайнена финский суд обвиняет в убийстве пленного белофинна и что Тойво грозит смертная казнь. Но мы-то знаем, что пленных не убивали, мы им докажем.

— Завтра вас будут допрашивать на суде. Вы должны рассказать там все, что знаете, всю правду. Будут задавать всякие хитрые вопросы, чтобы запутать вас, сбить с толку. Держите ухо востро. Говорите только то, что вы хорошо помните и знаете.

Матюшин поежился.

— Может быть, вы со мной пойдете, чтобы я мог посоветоваться с вами.

— Нет, на это я не имею права. Держитесь спокойно, не торопитесь с ответом, ведь правда на вашей стороне. Против Антикайнена будут выступать в качестве свидетелей обвинения русские белогвардейцы и белофинны, которых вы изгоняли из Советской Карелии.

— Как же я один против такой банды? — испугался Матюшин.

— Суд будет допрашивать каждого в отдельности. Давайте восстановим в памяти, как все было. Расскажите по порядку обо всем, что вы помните о походе на Кимас-озеро.

Память у Матюшина была цепкая. Рассказывал подробно, обстоятельно.

Беседа консула с Матюшиным продолжалась несколько часов.

— Вот так и на суде все расскажите. Ничего не упуская, ничего не прибавляя. Только правду. В ней сила,— сказал в заключение Ярков.

Заседание суда началось в 10 часов утра. Ирина сидела в ложе для журналистов.

Ввели Антикайнена.

Высокий, очень худой. Лицо за годы тюремных мытарств потеряло живые краски. А глаза юркие и острые. Держался Тойво прямо, бодро.

Председатель суда приступил к допросу свидетеля обвинения.

— Ваша фамилия, возраст, место рождения, род занятий? — спрашивал он полноватого мужчину лет пятидесяти, с седой бородкой.

— Иванов Петр Викторович. Пятьдесят один год. Уроженец Санкт-Петербурга. Штабс-капитан. Служил в армии генерала Юденича. Участвовал в освобождении Карелии от большевистской власти. В настоящее время занимаюсь коммерческой деятельностью,— бойко отвечал он.

— Что вам известно о сожжении на костре пленного Мариниеми?

— Мне рассказывали, что по приказу красного генерала Тойво Антикайнена был сожжен на костре пленный фин Мариниеми. Считаю это антигуманным актом.

Антикайнен зло рассмеялся:

— Может быть, господин Иванов расскажет, сколько мирных жителей он лично расстрелял в Ругозерском районе?

— Я лишаю вас слова, подсудимый Антикайнен.

Затем допрашивали свидетеля обвинения Кляпикова.

Кляпиков в своих показаниях заявил, что он не видел, как сжигали Мариниеми, но видел пламя костра и слышал запах человеческого мяса.

— Может быть, свидетель расскажет, как пахнет жареное человеческое мясо, ему, наверно, это известно,— раздался насмешливый голос Антикайнена.

— Лишаю вас слова, подсудимый Антикайнен, и предупреждаю последний раз.

Настал черед Матюшина.

— Я прошел под начальством Антикайнена всю войну с белофиннами, пока мы не очистили от них Советскую Карелию. Участвовал в боях. Брали в плен. Пленных под конвоем отправляли в тыл. Я впервые здесь слышу о сожжении какого-то пленного Маннергейма.

— Мариниеми,— сердито поправил председатель суда.

— Извините. Ошибся,— сказал простодушно Матюшин.— Просто мне вспомнилось, как по приказу Маннергейма было убито и замучено много тысяч финнов, да и русских тоже, сражавшихся на стороне финских революционеров.

Антикайнен зорко всматривался в лицо Матюшина. Вспомнил его: Матюшин был, пожалуй, самый старший в отряде, участник империалистической войны, отличный стрелок, хорошо ходил на лыжах.

Слушая показания Матюшина, Ирина ликовала. Безыскусная, убедительная речь Матюшина смутила многих. «Какой там Мариниеми? У Тойво дисциплина в отряде была крепкая. Один из бойцов стащил гуся у крестьянина и опаливал его на костре. Может быть, этого гуся звали Мариниеми? — спросил Матюшин и продолжал: — Но за этого гуся Антикайнен лишил чести служить в его отряде и отправил бойца в тыл сопровождать пленных. Отчисление из отряда было самым тяжелым наказанием».

Председатель суда прервал заседание, объявив, что допрос свидетеля защиты Матюшина будет продолжен на следующий день.

Ирина возвращалась домой в самом приподнятом настроении. В корпункте наскоро рассказала Надюше о заседании суда, просмотрела газеты, напечатала сообщение в Москву и отправилась в консульство. Ей не терпелось поделиться своими впечатлениями с Константином Сергеевичем.

Каково же было ее удивление, когда она застала Яркова в большой тревоге. Матюшин исчез. Когда за ним приехали в здание суда, там сказали, что Матюшин ушел вместе со своими приятелями и решил в консульство не возвращаться.

— Его украли,— сказал Ярков.— Мы наводили справки во всех инстанциях. Нам ничего определенного не сказали, обещали выяснить. «Уехал с приятелями». У него нет никаких приятелей. Его просто увезли, а может быть, уже убили, как убили хозяйку конспиративной квартиры, у которой скрывался Антикайнен, как повесили Лагербума.

В тот же вечер было созвано собрание всех членов советской колонии. Ярков информировал об этом чрезвычайном происшествии. Люди были взволнованы. Пропал советский человек! Тревога за его судьбу звучала в их голосах.

Ярков раздал всем отпечатанные фотографии Матюшина, просил немедленно поставить его в известность, если кто случаем встретит его или услышит о его судьбе.

Утром Ирина, проведя бессонную ночь, отправилась на заседание суда.

Под усиленной охраной полицейских в зал заседаний привели Матюшина.

«Жив!» — было первой мыслью Ирины. Но это был какой-то другой человек. Он еле передвигал ноги.

— Итак,— продолжал допрос судья,— скажите, что вам известно о сожжении пленного Мариниеми на костре?

Матюшин молчал.

— Вы слыхали о том, что сожгли пленного?

— Да,— выдавил из себя Матюшин.

— Об этом говорили бойцы отряда Антикайнена?

— Да,— еще тише произнес Матюшин.

— Сожжение пленного было произведено по указанию командира отряда Тойво Антикайнена? — спросил прокурор.

— Да...

— Таким образом, вы вчера дали неправильные показания и от них теперь отказываетесь?

— Да...

Ирину начала трясти лихорадка.

— Узнаю работу охранки,— воскликнул Антикайнен.

— Подсудимый Антикайнен, вы лишаетесь слова,— заученно произнес председатель суда.

— Я удовлетворен,— с довольным видом произнес прокурор.

Председатель суда сказал, что свидетель Матюшин свободен.

Полицейские вывели его из зала.

Ирина поспешила к выходу.

Матюшин, опустив голову, шел через двор в помещение, где были собраны свидетели. Полицейский открыл дверь, втолкнул туда Матюшина и что-то сказал, что́ именно, Ирина не расслышала, но в ответ раздались возгласы по-фински и по-русски: «Молодец, Матюшин! Герой! Теперь ты наш!»

— Запугали Матюшина, может быть, чем-то напоили,— сделал заключение Ярков.

Консул добивался личного свидания с Матюшиным. Обещали. Говорили, что разыскивают его.

Наступил вечер. Константин Сергеевич сидел у себя в кабинете и в который раз перечитывал коротенькую биографию Матюшина. Из крестьян-бедняков. Родился в Карелии. Солдат во время империалистической войны. Добровольно вступил в отряд Антикайнена, участвовал в изгнании белофиннов, вторгшихся в Советскую Карелию. После гражданской войны вернулся в родную деревню, женился, построил

новую хату. Одним из первых вступил в колхоз. Пользуется уважением односельчан. Сын — студент Лесной академии, комсомолец, две дочери учатся в школе. Одна комсомолка, другая пионерка. Хороший семьянин.

Что же заставило его изменить свои показания. Да и показания ли это. Одно слово, скорее междометие: «Да». Безусловно, его запугали. Как его выручить? Но, может, его уже нет в живых?..

ГЛАВА 10

В бане

Эйно исчез.

Ваня каждый вечер с надеждой посматривал в окно: не покажется ли знакомый силуэт длинноногого Эйно, быстро шагающего по тропинке? Свистнув Дружка, он бродил с ним по лесу, взъерошивая ногами пласты листьев. Дружок бросался под пласт, обнюхивал его, листья с шорохом, тяжело укладывались на землю. По утрам лужицы покрывались слюдянистой ледяной коркой, которая хрустела под ногами.

«Как все странно в природе,— думал Ваня.— Деревья к холоду сбрасывают с себя густую шубу, укрывают корни, а сами остаются голыми на ветру в морозе...»

И Ваня чувствовал, что его сердце стынет, стынет от одиночества, а раньше была дружба, и она, как зеленая листва, весело шумела. И перед глазами Вани стояло озеро, в которое глядело солнце, и плыли спокойно облака, и он камнем спугнул солнце, смешал облака. Он бросил камень в дружбу и разбил ее. Наверно, Эйно обиделся.

И дома Ваня чувствовал себя одиноким. Отец работал от зари до зари. Редко разговаривал. Мрачно о чем-то думал. Ваня часто ловил тоскливый взгляд матери, который она останавливала то на нем, то на Коле.

Срезали голубые, пухлые, растрепанные на ветру кочаны капусты, выкопали картошку...

Зимним вечером сидели за столом. Отец с матерью подсчитывали, во что обойдется зима. Выходило, что деньги, которые собирали на лошадь, придется спустить на хлеб и овощи до следующего урожая. Лошадь опять стала призраком. А отец уже слышал стук копыт в сарае.

— Нет, без лошади нам не обойтись,— сказал отец и поглядел на мать. И она поняла этот взгляд. Побледнела и замахала руками.

— Ты что, задумал продать корову? — прошептала она побледневшими губами.— А ребята что есть будут?

— Без молока можно обойтись, а без хлеба протянешь ноги,— жестко ответил отец.

— А ты что молчишь? — сердито спросил он Ваню.— Будто чужой сидишь и тебя все это не касается. Пятнадцатый год пошел. Пора бы начать зарабатывать хотя бы себе на хлеб.

«Себе на хлеб» — обожгло Ваню. Отец его попрекает. Но разве он не работал? Не наносил толстый слой земли на скалу, не полол, не поливал грядки? Разве он виноват, что ураган все снес.

— Так скажи,— настаивал отец,— продавать корову или распрощаться с мечтой о лошади?

Ваня перевел глаза с отца на мать. Губы ее дрожали, глаза были полны слез.

Ваня опустил голову, не мог вынести горького взгляда материнских глаз. Потом посмотрел на отца и решительно сказал:

— Я пойду работать. Не буду даром есть твой хлеб.

— Куда? Куда пойдешь? Помещик будет набирать рабочих с весны. Дорожные работы на зиму прекратили. Тоже до весны. Город далеко. Куда пойдешь? Да и по-фински говоришь пополам с русским... Так лошадь или корова? — снова спросил отец.

— Не знаю,— тускло и устало ответил Ваня.

— Продадим корову,— хлопнул отец ладонью по столу. Мать закрыла лицо фартуком и выбежала из кухни.

За окнами послышался скрип телеги. У крыльца заржала лошадь.

— Кого это бог принес? — спросил отец, вставая. Открыл дверь.

— Эйно! — воскликнул Ваня. Он захлебнулся от радости.

А за Эйно шли два парня.

— Добрый вечер,— приветствовал Эйно и хлопнул Ваню по плечу. Это был дружеский жест.— Принимай, хозяин, груз. Куда сложить мешки?

— Какие мешки? — спросил отец, подозрительно поглядывая на двух молодых парней, что стояли сзади Эйно.

— Мешки с пшеницей. Шесть мешков.

— Откуда?

— А вот кто прислал — пожелал остаться неизвестным.

— Сколько я должен? — засуетился отец.

— Ничего.

— Ну, это ты брось. У меня деньги есть, на лошадь коплю.

— Знаю. Когда будет лошадь и хороший урожай, тогда отдашь пшеницей. Это тебе в долг. Бессрочный.

Парни свалили на кухне мешки. Отец вытащил из-за пояса пуку — обоюдоострый нож, распорол мешок, все еще не веря, стал коричневыми, заскорузлыми пальцами пересыпать с руки на руку сдобные, пахучие зерна.

— Мать,— кликнул он жену.— Иди, не будем больше спорить — лошадь или корова.

Эйно хлопнул себя по куртке, взметнулось облако мучной пыли.

— Нам надо бы в баньку после такой работы. Можно?

— Пожалуйста, я пойду затоплю,— предложил отец.

— Ну, нет, мы сами справимся. Пойдем, Вяйно, с нами. Микко уедет обратно на лошади, а мы со Свеном помоемся. Всласть помоемся. Скоро не ждите.

— Ледок уже на озере. Возьмите мотыгу, лед прорубить, — предложил отец.

Вяйно надел куртку, вскинул мотыгу на плечо, мать сунула полотенца.

— Мыло и мочалка в бане на полке, — сказала она. — И веники там, в предбаннике.

Молодые люди ушли, Дружок увязался за ними. Коля подошел к мешку, набрал пригоршню зерен и отправил себе в рот. Половину просыпал на пол.

— Разве можно так обращаться с хлебом? — попрекнула мать и, нагнувшись, стала собирать зерна с пола.

— Мир не без добрых людей, — сказал отец. — Но за какие заслуги и кто нас наградил?...

Молодые люди вышли на улицу. Свен снял с телеги мешок поменьше, чем с зерном, и взвалил себе на плечи.

— А это что? — спросил Ваня.

— Увидишь, — ответил Эйно.

Разламывая башмаками ледок на лужах, молодые люди спустились вниз, по мосткам прошли в баню. Ваня засветил керосиновую лампу.

— Ты, Вяйно, — обратился Эйно к Ване неожиданно по-фински, — займись котлом, а мы со Свеном начнем работать. Пар не напускай.

Растопить печь под котлом — дело десяти минут. Дрова уже были наложены и лучина нащипана. Ваня поджег ее. И вошел в баню.

Эйно сидел на нижней полке. Свен вынимал из мешка пачки бумаги и бутылочки с тушью.

— Мы будем писать листовки, требовать свободы Антикайнену, — сказал Эйно.

Эйно встал, подошел к Ване и, положив ему руку на плечо, сказал:

— Теперь я знаю, что ты настоящий парень. И вот мы со Свеном хотим задать тебе несколько вопросов. Знаешь ли ты, кто такой Антикайнен?

— Тойво Антикайнен? — переспросил Ваня.

— Да.

— Ну кто же не знает Тойво Антикайнена? Финского революционера, комиссара Красной Армии, героя гражданской войны? Комсомольцы из нашей школы ходили в лыжный поход по пути Антикайнена, когда он вел свой лыжный отряд против белогвардейцев на Кимас-озеро. Тойво за свои воинские подвиги награжден боевым орденом Красного Знамени. А два года назад в наших газетах писали, что Тойво арестован и заключен в тюрьму. У нас был пионерский сбор, на котором мы требовали освободить Антикайнена. Его освободили? — Ваня волновался.

— Нет. Над Антикайненом идет суд. Прокурор требует смертной казни. Жизнь Тойво в опасности. Во всех странах мира рабочие требуют свободы Антикайнену. И прежде всего за его жизнь должны бороться мы — финны. И ты тоже.

— Я готов. Что я должен делать?

— Мы будем писать листовки, будоражить души людей, требовать свободы Антикайнену. Листовки нужно будет расклеивать на перекрестках дорог, в соседних селениях. Раздавать на рынке. Ты готов вступить в борьбу за жизнь Антикайнена? — спросил Эйно.

— Да, всегда готов! — Ваня вскинул в пионерском салюте руку.

— Ты сумеешь молчать?

— Да, — твердо ответил Ваня. — Я буду хранить это в тайне.

— А если попадешься с листовками и тебя будут допрашивать и будут бить, ты не выдашь товарищей?

— Нет. Я буду так же тверд, как сам Антикайнен. Клянусь!

Эйно и Свен пожали Ване руку.

Сердце Вани бешено колотилось в груди. Лишь бы ему поверили!

Доверие товарищей, как дорого оно. И он этого доверия хотел лишить Эйно. Страшно подумать.

— А ты меня простил? — спросил тихо Ваня.

— За что? — удивился Эйно.

— За то, что я плохо подумал о тебе.

Эйно взъерошил волосы на голове.

— Мы долго изучали друг друга. Я рад, что поняли. Поверили друг другу. Итак, начнем.

— Пиши: «Свободу Антикайнену».

Ваня старательно вывел крупно: «Вапа Антикайнену».

Эйно нахмурился.

— Ты сделал в двух словах две, даже три ошибки. Две грамматические и крупную политическую.

Ваня недоумевал.

— Ты написал «Удочку Антикайнену». А мы требуем свободы. Удочка пишется «вапа», а свобода «вапаа». Ты поставил на конце русское «у». Это политическая ошибка. Ты пишешь по-фински, а думаешь по-русски. Газетчики сорвут такую листовку, сфотографируют, напечатают в газетах и будут утверждать, что она написана в Советском Союзе, а не в Финляндии. Что писали ее русские. Ни один финн не напишет на конце «у». Будут кричать, что свободу Тойво требуют русские, а не финны.

У Вани запылали щеки.

— Первый блин всегда комом, — сказал порусски Эйно. Он очень любил поговорки.

Теперь Ваня старался и по нескольку раз проверял текст, прежде чем положить в пачку. А горка листовок росла.

Эйно сказал:

— На сегодня хватит. — Аккуратно уложил листовки в резиновый мешочек, а в другой — чистую бумагу и бутылочки с тушью. — Я присмотрел здесь расщелину под скалой, спрячу туда, а завтра наш связной заберет и ребята будут расклеивать.

Эйно приоткрыл дверь на озеро́.

— Видишь, на той стороне скала, похожая на вздыбленную волну, так под ней есть пещерка. Туда и положу. Ну, я побежал, а вы тем временем напустите в баню парку, да побольше...

Ваня вытащил железными щипцами из печи раскаленный камень и опустил в чан с водой. Белый пар плотно заполнил баньку. Стало жарко. Свен схватил веник, окунул его в кипяток и стал размахивать над Ваней. Горячая струя хлестала по телу. Прибежал Эйно, быстро разделся, пощекотал Ваню ледяными пальцами и подставил спину под веник. Парились всласть. Эйно лежал на самой верхней полке и, дрыгая ногами, визжал от восторга.

— Недаром говорят, что баня — аптека для бедняка, — сказал он.

Потом спрыгнул вниз, схватил мотыгу, спустился по обледеневшей лесенке на озеро, стукнул пару раз мотыгой по еще не окрепшему льду и окунулся в прорубь. За ним, разгоряченные, в облаках пара, выскакивали по очереди Свен и Ваня. Ледяная вода обжигала тело так, что дух захватывало, а потом они пулей летели в баню, где было по-иному горячо. Снова обмахивались вениками, а под пальцами катышками сползала старая кожа и скрипела новая — горячая, тугая и чистая.

Освеженные, возбужденные вышли из бани.

Эйно и Свен свернули на лесную тропинку, Ваня поднялся наверх к дому.

Над домом в пару облаков ныряла разопревшая луна. Ваня постоял на крыльце, посмотрел на баню, где он только что принял боевое крещение. Из трубы полз легкий дымок и таял в ветвях сосен. И за озером виднелась, как вздыбленная волна, скала.

Ваня вошел в дом.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Владимир СТЕПАНОВ,
участник
VII Всесоюзного совещания
молодых писателей.

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА.

Ораз КУВАНЖАЛИЕВ

Лебединое братство

В заповедник прилетела необычная стая лебедей: все лебеди белые и среди них синие.

Сердар очень этому удивился. Он взобрался на вышку и стал наблюдать за стаей.

Синие лебеди, хотя и были меньше белых, вели себя как настоящие разбойники. Белый достанет еду из воды, а синие тотчас отнимают ее и поскорее проглатывают.

Сердар очень сердился на синих лебедей, но не мог придумать, как помочь белым.

И вдруг среди белых нашелся смельчак, он решил постоять за себя: так стукнул клювом синего разбойника, что тот жалобно закричал и кинулся наутек.

Но тут на белого набросился другой белый лебедь. Они сшиблись крыльями и, не щадя ни своих, ни чужих крыльев, стали со злобой наносить удары друг другу. Только пух летел во все стороны.

Сердар закричал, чтоб спугнуть драчунов, но лебеди не слышали его: бой шел не на жизнь, а на смерть.

Сердар поспешно скатился с вышки, прыгнул в лодку и что было силы стал грести.

Лебединая стая лениво поднялась в воздух. Опомнились и драчуны. Один из них поднялся в воздух и тяжело полетел к стае, задевая крыльями воду.

Другой, с окровавленными крыльями, крича «Гук-гу! Гук-гу!» и быстро перебирая черными перепончатыми лапами, кинулся к зарослям камышей. Он плыл, то и дело оглядываясь на лодку.

Сердар хотел помочь раненому, он налегал на весла, но расстояние между ним и лебедем не сокращалось.

Вдруг мальчик увидел: с воды поднялись два больших лебедя и летят прямо к лодке. Они пролетели совсем низко над ней, и испуганный мальчик, упав на дно лодки, увидел над собой черные лапы, широкие и сильные, как мужская ладонь.

У лебедей были красные гребешки, как у петухов. Сердар вспомнил: дедушка Мерген-ага называет их товтулами. Это — воины.

Товтулы сели на воду возле раненого и, поддерживая его крыльями, поплыли с ним к камышам. Шесть сильных лап работали размеренно и дружно, и лебеди уходили, как хорошая моторная лодка.

Сердар повернул свою лодку к берегу.

Он побежал к дедушке, чтобы рассказать о том, что видел.

— Синие лебеди — молодые, — объяснил внуку Мерген-ага. — Через три года и они станут белыми, как снег. А куда, ты говоришь, спрятался драчун? Возьми мешок с порожними гильзами, и пойдем скорее к камышам, а то как бы нам не пришлось услышать лебединую песню. Туда и лисы наведываются и шакалы...

Мерген-ага и Сердар разбросали гильзы вокруг зарослей камыша.

— Теперь ни один разбойник не сунет сюда носа, — сказал Мерген-ага. — Хищники издали чуют запах пороха.

— А правда, что лебеди поют раз в жизни?

— Правда, верблюжонок! Перед смертью. Не хотел бы я, чтобы тебе довелось услышать эту песню...

Пересказал В. БАХРЕВСКИЙ.
Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА.

— Ты написал «Удочку Антикайнен
мы требуем свободы. Удочка пишется «вап
вобода «вапаа». Ты поставил на конце р
е «у». Это политическая ошибка. Ты пише
фински, а думаешь по-русски. Газетчики
т такую листовку, сфотографируют, напеч
т в газетах и будут утверждать, что она н
на в Советском Союзе, а не в Финлянди
писали ее русские. Ни один финн не нап
на конце «у». Будут кричать, что свобо
требуют русские, а не финны.
ани запылали щеки

Путеше в прош и насто

В мартовском номере «Пионера» мы напечатали еще один «Рассказ о Сибири», задали читателям новые вопросы и получили много интересных писем.

«Скажу честно: мне нравится отвечать на ваши вопросы не только из-за приза, а еще и потому, что каждый поиск ответа — это путешествие в прошлое и настоящее Сибири. Сколько книг я прочитал и как много нового узнал об этом богатом и красивом крае!» — пишет шестиклассник **Виктор Медведев** из города Чарджоу Туркменской ССР.

Ответы на вопросы прислали и отдельные ребята и целые классы. Два альбома с ответами, рисунками и схемами мы получили из поселка Новостройка Иркутской области от поискового отряда «Парус». Вот что ребята рассказывают о себе:

«Мы живем в поселке лесорубов у самых Саянских гор, связь с городом у нас только самолетами. Мы любим свой край, с увлечением изучаем его и для этого создали в отряде кружок краеведов. Нам нравится ваша викторина».

Чехословацкие пионеры-семиклассники из города Теплице несколько лет изучают русский язык и уже читают «Пионер». Они пишут:

«Нам особенно понравились рассказы о Сибири, мы заинтересовались ими и решили принять участие в этой викторине».

Большинство ребят правильно ответили на все три вопроса. Они назвали самым старым городом Сибири Тюмень. Этот город был основан на правом берегу реки Туры в 1586 году. Тюмень по праву называют «матерью городов сибирских».

Правда, некоторые ребята написали, что самый старый город Сибири — Тобольск.

«Тобольск — старинный сибирский город,— пишет **Лена Жарова** из города Искитима Новосибирской области,— но его нельзя назвать первым из российских городов в Сибири, так как Тобольск был основан в 1587 году, а Тюмень — в 1586 году, то есть на год раньше».

Самым легким оказался вопрос о том, в каких городах Сибири живет больше миллиона человек. Почти единогласно ребята назвали Новосибирск и Омск. По последней переписи, которая проводилась в нашей стране в начале этого года, в Новосибирске — миллион 312 тысяч человек, а в Омске — миллион 14 тысяч человек.

Отвечая на последний вопрос, некоторые ребята назвали крупнейшими в мире гидроэлектростанциями Красноярскую ГЭС и Саяно-Шушенскую ГЭС.

Но Саяно-Шушенская ГЭС только строится. Мощность ее будет 6,4 миллиона киловатт — это гидроэлектростанция будущего.

А самая крупная в мире действующая гидроэлектростанция — Красноярская ГЭС, мощностью в 6 миллионов киловатт.

Многие ребята очень интересно и подробно рассказали о прошлом и настоящем Красноярска, который находится неподалеку от ГЭС, об истории возникновения города-спутника энергетиков Дивногорска.

Дивногорск выстроен на пологом берегу Енисея, в тайге, в четырех километрах от Красноярской ГЭС. Это благоустроенный, красивый город, на улицах которого растут вековые сосны. Строители постарались сохранить в городе как можно больше деревьев. Красивыми террасами поднимается Дивногорск все выше и выше в горы.

«Я бывала в Дивногорске и каждый раз, приезжая, не уставала любоваться красотой города, могучего Енисея и величием поистине дивных гор»,— пишет **Наташа Смирнова** из Красноярска.

«Я никогда не был в Дивногорске,— сообщает нам **Сережа Крылов** из Ульяновска,— но, прочитав об этом городе, я понял, как он красив, и мне очень захотелось его увидеть».

Ребята! Ждем ваши ответы на новые задания викторины.

Владимир СТЕПАНОВ,
участник
VII Всесоюзного совещания
молодых писателей.

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА.

* * *

Я вышел в сад,
осенний сад.
На ветках
яблоки висят,
качает ветер
ветки.

Я в руки
яблоки беру —
веселые,
как лето...
Закаты
на одном боку,
а на другом —
рассветы.

* * *

Погас костер,
костер отцвел.
А ночью
в нем
зола,
когда примчался
ветер с гор,
взяла
и расцвела.
Всего один
горел цветок
среди холодных скал,
но ветер
дождь
с собой привел,
и дождь цветок
сорвал.

* * *

Захочу —
и на небо
его запущу.
Он поднимется круто,
как будто
верхолаз,
скалолаз.
И совсем не оставит
сил себе
про запас.
И замрет
и начнет
опускаться он вниз.
Может быть,
на оконный карниз
упадет.
Может быть, на кусты
или
в лужу,
где белые крылья промочит.
Но просохнет
и снова подняться захочет.

И помчится отважный
мой в клеточку голубь
бумажный.

* * *

Дома́ на пригорках —
они на виду.
Дома на пригорках—
они на ветру.
Стоят над обрывом.
Стоят над рекой.
И в каждом окошке их
строгий покой.

Они не боятся
суровой погоды —
наверно,
из бревен
особой породы.
К ним первым
на крыши
зима упадет.
И первые лужи
весной у ворот.

Всех раньше они
на рассветы глядят
и дальше других
провожают закат.
И дольше других
в них
не гаснут огни.
Все спят,
но еще
не уснули они:
ведь кто его знает,
что может случиться...
А вдруг не услышишь,
как путник стучится.

Про Анголу и мальчика Нголу

Мы плывем к берегам Африки, в Анголу. Маршрут этот проложили на своих картах и прислали в редакцию наши читатели Леня Квасков из Тюмени, Саша Тимофеев из Перми, Юра Ковалев из Ярцева Смоленской области и многие другие ребята.

Ведет наш корабль к берегам Анголы обозреватель газеты «Правда» Олег ИГНАТЬЕВ.

Я отправляюсь в Африку

В давние времена, пять веков назад, к берегам Анголы подошли корабли. Мирные жители приветливо встретили мореплавателей: они никогда не видели таких больших кораблей и людей с белой кожей. Но португальские солдаты стали палить из пушек и мушкетов по людям, вооруженным луками и копьями. Так португальцы завоевали Анголу: отняли у ангольцев землю, имущество, сделали хозяев страны своими рабами.

Но ангольский народ верил, что найдутся отважные люди, которые позовут всех сражаться с колонизаторами.

И такие люди появились в Анголе. Они называли себя бойцами МПЛА — Народного движения за освобождение Анголы. Своим командиром они избрали Агостиньо Нето. Его все знали в Анголе — он был хорошим доктором и сочинял прекрасные стихи о своем народе.

В Советском Союзе всем было интересно узнать, как сражаются ангольские патриоты. И вот однажды главный редактор сказал мне: «Отправляйтесь в Африку и расскажите всем, как сражаются ангольские партизаны». Путь в Анголу был непрямой. Сперва я добрался до страны, которая граничит с Анголой. На ее границе меня уже ждал отряд ангольских партизан.

В партизанском лагере

Целую неделю шли мы с отрядом, пока добрались до лагеря. В лесу стояло десятка два хижин, похожих на большие шалаши. Командира разведчиков, которые привели меня в лагерь, звали Фогу. Товарищ Фогу сказал мне: «Отдыхайте после трудной дороги».

Только я прилег в хижине на циновку, как вдруг из леса вышел отряд партизан. Впереди шагал командир с автоматом, за ним человек тридцать бойцов и группа крестьян. Женщины несли на голове узлы с пожитками и грудных ребятишек, широкими платками привязанных за спиной. Ребята постарше шли рядом.

— Команданте Фогу! — позвал командир отряда вновь прибывшего (командиров в партизанских отрядах МПЛА называли «команданте»).— Где наш советский гость?

Я вышел из хижины, и мы пожали друг другу руки.

Команданте, его звали Бала, сказал мне:
— Давайте вечером соберемся у костра,

и я расскажу, как партизаны спасли жителей кимбусы.

Темнеет в Африке быстро.

...И вот мы с команданте сидим у огня на стволе поваленного дерева, и Бала рассказывает.

— Сегодня рано утром прибегает к нам в лагерь молодой крестьянин из кимбусы (деревни), которая находится далеко за речкой, и говорит, что на них ночью напали португальские солдаты. Их офицер кричал: «Я знаю, что вы помогаете партизанам! Мы вас всех посадим за колючую проволоку!» Солдаты подожгли хижины и увели с собой всех жителей. Только ему одному удалось убежать.

Мы знали, по какой тропе пойдут португальские солдаты, и спрятались в кустах. Когда они показались, открыли огонь. Офицер, видно, подумал, что на них напал большой отряд партизан, и приказал отступать. Мы бросились в погоню и вскоре увидели крестьян. Они сидели у тропы на узлах с пожитками, а португальцев и след простыл.

Знакомство с Нголой

И тут я заметил, что рассказ Балу слушает еще один человек: мальчуган лет девяти.

— Я из кимбусы, которую сожгли португальские солдаты,— сказал он.— Меня зовут Нгола... А вы, наверное, португалец. У вас белая-пребелая кожа.

— Нет,— ответил я,— не португалец. Я советский. Ты знаешь, что есть такая страна — Советский Союз?

Нгола покачал головой: он никогда не слышал о такой стране...

— А ты разве не учишься в школе? — спросил я.

— У нас никто не ходит в школу,— сморщив нос, сказал Нгола.— И я не пойду. Когда вырасту, я буду команданте. Таким, как Бала!

— Э, брат Нгола,— я потрепал мальчика по курчавой голове,— тогда тебе обязательно придется ходить в школу.

— Ну, хорошо,— согласился Нгола,— чтобы стать команданте, я пойду в школу. Только где она, вы не знаете?

Я хотел спросить у Бала, но оказалось, что

Центральная улица Луанды — столицы Анголы.

он ушел спать. Я пообещал мальчику выяснить все утром.

— Завтра утром,— предупредил Нгола,— я вас не увижу. Мой дядя Каинаса обещал взять меня с собой на охоту. Он добывает для партизан мясо.

Я подумал: а почему бы и мне не пойти на охоту? Посмотреть, как охотятся в Африке, интересно. И сказал мальчику:

— Завтра попрошу разрешения у команданте Бала и пойду вместе с вами на охоту.

На том и порешили.

Трое идут на охоту

Крестьян, которых спасли партизаны, поселили в кимбусе, рядом с партизанским лагерем.

Через реки мы переправлялись только днем, потому что ангольские речки кишмя кишат крокодилами.

Я пошел по тропе, вьющейся среди небольших полей маниоки, и вскоре увидел хижины. Для ангольских крестьян маниока все равно, что для нас с вами хлеб. Клубни маниоки, похожие на крупную картошку, варят, жарят и едят сырые, как репу. Маниоку сушат, потом размалывают, и из муки пекут хлеб.

Нголу и его дядю я нашел в одной из хижин. Каинаса оказался крепышом небольшого роста. Правую щеку его пересекал глубокий шрам. Через плечо у Каинасы перекинут ремень, на котором висело старенькое ружье. С этим ружьем, наверное, охотился еще его дедушка.

Солнце светило нам прямо в лицо, значит, путь лежал на восток. Тропинка, петляя меж деревьев, вывела нас на залитую солнцем равнину. Вероятно, весной, когда шли сильные дожди, трава здесь была зеленая-презеленая, но сейчас она стала желтой и колючей. Непонятно, как антилопы могут есть такую траву?

Нгола и Каинаса спокойно шагали по колючей траве босиком, будто прогуливались по асфальту. С каждой минутой все сильнее хотелось пить. Уф! Я облегченно вздохнул, добравшись до рощицы из нескольких чахлых деревьев. Земля была покрыта острыми колючками. Кое-как расчистил себе местечко и попытался вздремнуть. Не тут-то было! Налетела туча москитов. Пробовал отмахиваться от них веткой, потом отчаялся: москитов уйма, а я один. Натянул на голову гимнастерку, спрятал руки и замер. Решил — пусть кусают. Я большой, а они маленькие. Авось, целиком не съедят! И сам не заметил, как задремал.

— Пора идти дальше,— разбудил меня Каинаса.

...У берега реки рос тростник. Где же Каинаса собирается устроить засаду на антилоп? Неужели придется забираться в заросли и стоять там по пояс в воде?

Охотник вынул нож и стал срезать тростник, скоро он набросал его столько, что получился небольшой настил, на котором мы и расположились.

Каинаса приложил палец к губам: мол, тише, идут! Но я никого не увидел и не услышал. Обычно, когда приближается стадо диких животных, то слышен стук копыт, фырканье. Я хотел было приподняться, но Каинаса положил руку на мое плечо. И в этот момент я увидел идущую к воде антилопу.

Ситатонга спасена

Это была ситатонга — редкий вид антилопы. Она живет у рек, лагун или на болоте. Много времени она проводит, стоя в воде, ощипывая листья с нависших над водой веток или вытаскивая из воды водоросли.

Я ждал, что Каинаса прицелится и выстрелит, но охотник вдруг привстал и с шумом прыгнул в воду. Ситатонга вздрогнула всем телом, высоко вскинула голову и... пропала. Да, да, пропала.

— Каинаса, куда девалась ситатонга? — спросил я.

— А никуда. Она присела и закинула голову назад так, что только рога и морда у нее над водой. Видите, вон из воды торчат два маленьких, черненьких бугорка? Это она высунула ноздри, чтобы дышать. Целый час может так пережидать опасность. Ноги у ситатонги слабые, она предпочитает не убегать, а прятаться под воду.

Мне было жаль беззащитное животное. Хищных зверей ситатонги обманут, спрятавшись под воду, а человека разве обманешь? Я достал со дна комок глины и бросил его

прямо в торчащий из воды кончик носа антилопы.

Ох, что тут началось! Ситатонга буквально взвилась в воздух, плюхнулась в воду и быстро поплыла по течению, то и дело макая нос в реку, чтобы смыть глину...

Встреча с гепардом

Выбравшись на сухое место, мы выжали мокрую одежду. Каинаса сказал:

— Сейчас пойдем туда,—он показал рукой влево,— там пасутся антилопы гну.

Эти антилопы пасутся большими стадами, целый день щиплют траву на равнинах, а почуяв опасность, убегают большими прыжками, то и дело оборачиваясь, будто хотят посмотреть: кто же это осмелился испугать их?

Возвращение в партизанский лагерь с охоты.

Пригибаясь, мы вышли на равнину, поросшую высоченной, метра в два, травой. Над травой двигалось множество рогов антилоп. Самих животных не было видно.

Вдруг из травы показалась антилопа. Каинаса стал медленно поднимать ружье, но тут перед антилопой взметнулось длинное, гибкое пятнистое тело и обрушилось на нее. Каинаса выстрелил, вскочил и бросился к антилопе.

— Шита добыла мясо партизанам,— произнес Каинаса, когда мы подошли к нему.

Шита! Так здесь называют гепардов. Голова у него похожа на кошачью, лапы, как у собаки, а туловище, как у леопарда.

Нгола связал веревкой передние и задние ноги антилопы. Каинаса просунул длинную палку меж связанных ног, взялся за один конец палки, я — за другой, и мы понесли добычу в лагерь.

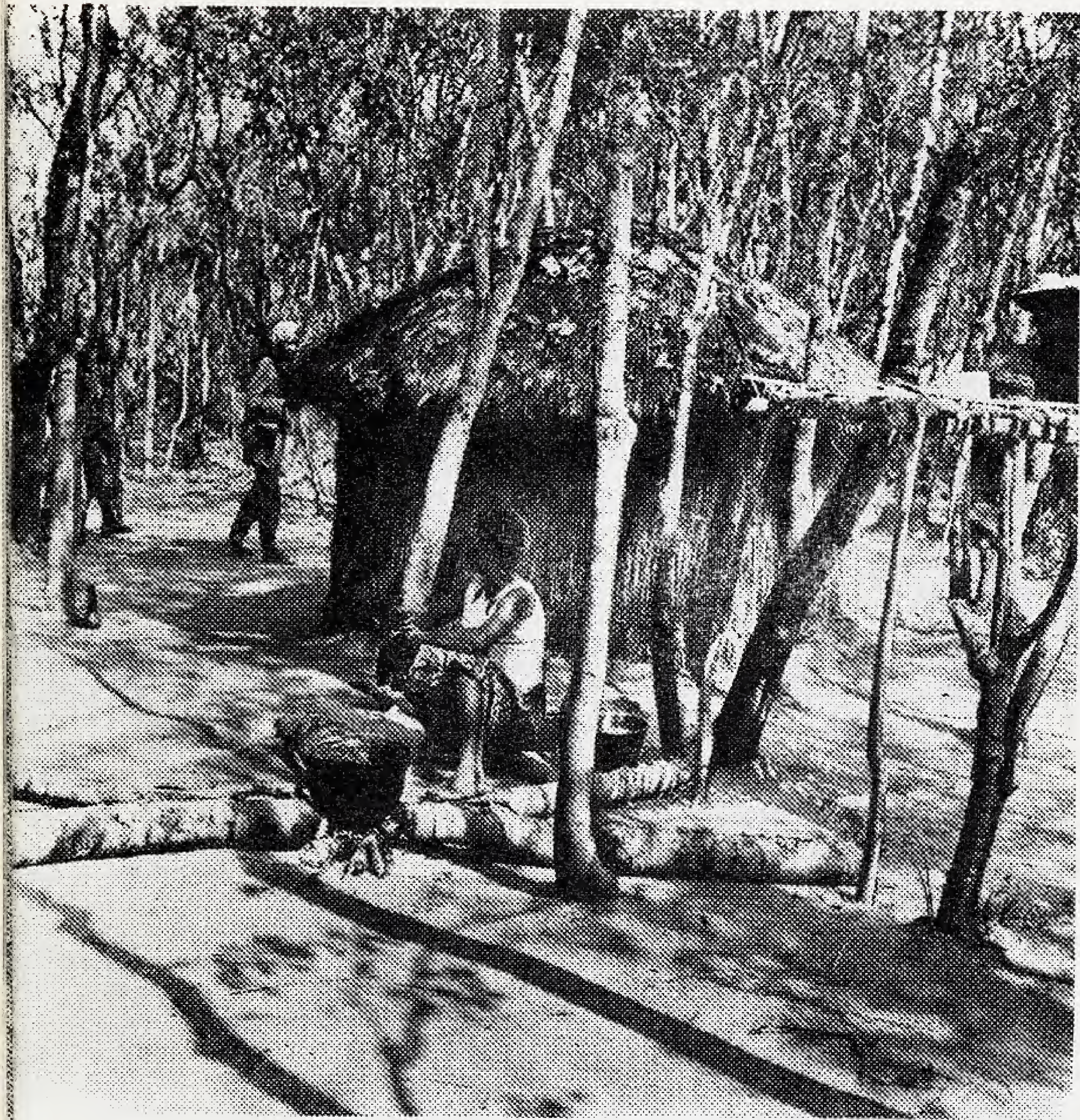
Нести антилопу становилось все трудней. Терпел я, терпел, наконец сказал:

— Может быть, лучше нести одно мясо, а шкуру оставить здесь?

— Нельзя,— возразил Каинаса, не замедляя шага,— комиссар просил принести шкуру антилопы в школу. В кимбусе построили школу. Слышал я, что там поют разные хорошие песни про партизан, а что еще делают в школе, не знаю. И для чего шкура — тоже не знаю. Но комиссар зря не прикажет...

В кимбусе открывают школу

Наутро команданте Бала построил отряд и повел его в лесок. Там и находилась школа. Совсем не такая, в каких вы занимаетесь.

Африканская деревня — это много-много хижин, похожих на обыкновенные шалаши.

Просто под деревьями сделали большой навес, и под ним расставили связанные из жердей и досок скамейки и столы. А вместо классной доски... Угадайте, что было вместо знакомой вам черной классной доски? Шкура антилопы гну. Той самой, которую мы с Каинасой притащили в лагерь.

На праздник открытия школы пришли все жители.

У стола учителя на земле лежали два каких-то узла. Комиссар отряда товарищ Алешандро стал говорить речь. Он сказал, что когда хозяйничали колонизаторы, то в кимбусах никаких школ не было. Партизанский отряд построил школу. Дети выучатся и станут учителями и докторами, шоферами и агрономами.

Он раздал форму ученикам: мальчикам темно-фиолетовые шорты, а девочкам такого же цвета юбки и белые блузки.

— А сейчас,— объявил он,— я познакомлю вас с учителем. Зовут его товарищ Антонино.

Из строя вышел молодой партизан. На нем была аккуратно выглаженная форма, на голове черный берет со знаком МПЛА. Анто-

нино раздал ребятам буквари. Потом ребята спели песню о партизанах, и на этом праздник окончился.

Я вернулся в партизанский лагерь. Ко мне подбежал Нгола, держа в руке новенький букварь. Он попросил меня объяснить, что в нем написано.

Почти до самой темноты я показывал Нголе буквы. Мальчик оказался смышленым, схватывал все на лету. К концу дня он уже смог написать печатными буквами на своем букваре: «Нгола».

Крокодилы на переправе

Вскоре я отправился с партизанами в поход.

Идут партизаны по тропам друг за другом. Спереди и сбоку бесшумно, как тени, двигаются по лесу разведчики. Одни бойцы несут на голове мешки с продуктами, другие — ящики с патронами.

В лунную ночь идти по тропинке легко, но когда луна закрыта облаками, то тут смотри не смотри под ноги, все равно ничего не увидишь и непременно споткнешься о муравейник. Вы ошибаетесь, если думаете, что нельзя ушибиться о муравейник. В Анголе муравьи строят крепкие, как каменные, домики, похожие на большие грибы. И что самое неприятное — почему-то им нравится строить их на тропинках.

Наша группа тоже передвигалась ночью, только через реки переправлялись при солнечном свете. И знаете почему? Из-за крокодилов. В ангольских реках их множество.

На третью ночь похода отряд остановился на берегу реки в ожидании утра. Из соседних кимбус крестьяне пригнали пять каноэ — лодок, выдолбленных из цельных стволов деревьев.

Наступил рассвет, начали переправу. Как и полагается, впереди разведчики. Их каноэ уже дошли до середины, и вдруг с заросшего кустарником противоположного берега что-то с шумом обрушилось в воду. Гребцы испуганно закричали и поспешно повернули обратно. Они гребли так быстро, что наверняка установили мировой рекорд по гребле.

— Вы слышали шум на другом берегу? Там крокодилы, я думаю, их не меньше дюжины,— объяснил комиссар.

— А как же мы переправимся?

— Ниже по течению есть другое удобное место.

Бойцы перенесли каноэ на другое место, спустили их на воду, и на этот раз все обошлось без приключений.

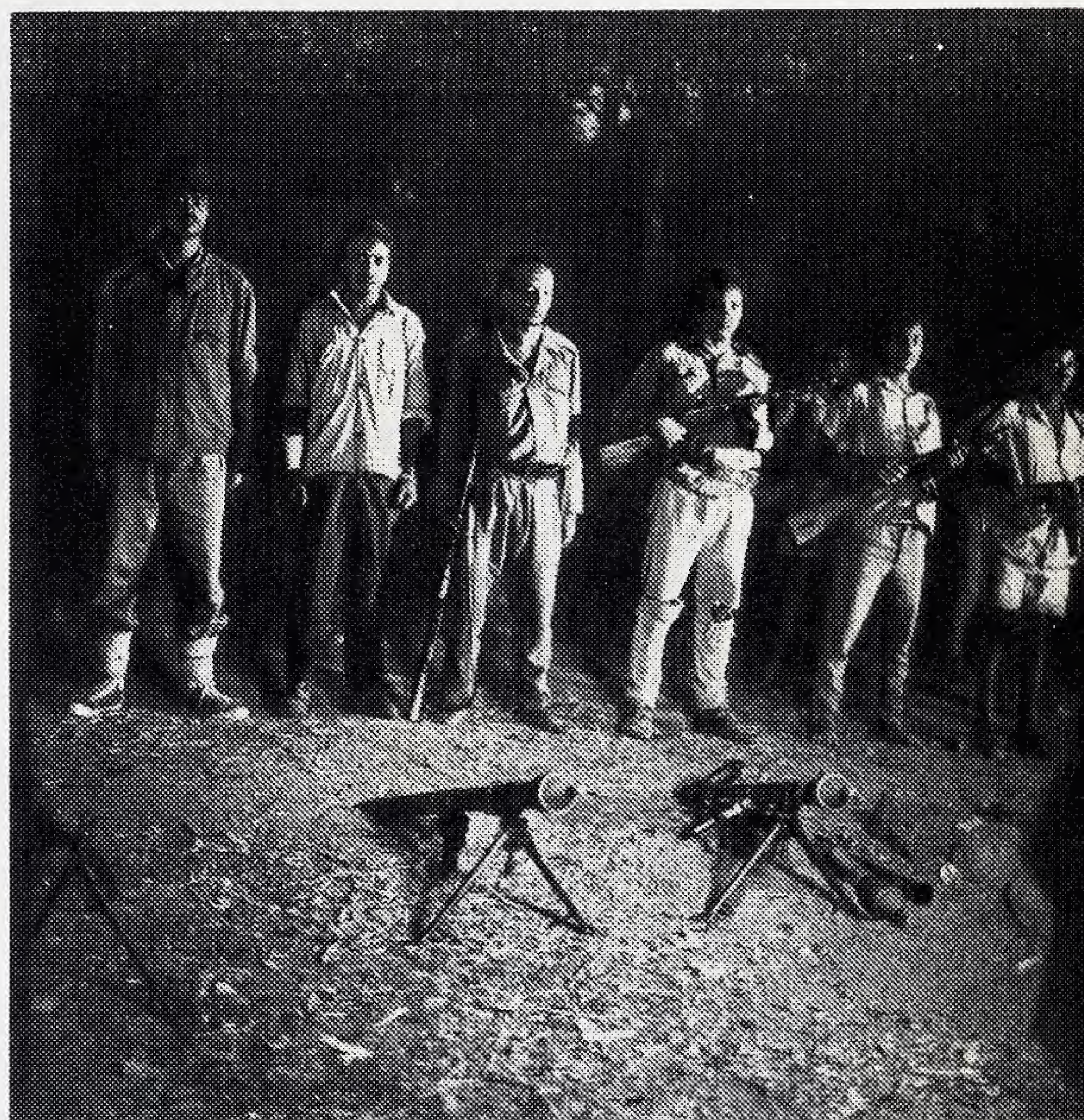
Букварь Нголы

Прошла неделя с тех пор, как отряд покинул лагерь. Выполнив боевое задание, партизаны возвращались обратно.

Вот мы уже в знакомом лесу. За ним должен показаться лагерь. Но... обугленные жерди — вот все, что осталось от хижин да большие воронки от взорвавшихся бомб.

Я побежал к школе. Навес валялся на земле. Я обошел место, где совсем недавно проходил веселый праздник открытия школы, и вдруг заметил какой-то листок, торчащий из груды обломков. Нагнулся и вытащил букварь, на обложке которого было написано: «Нгола».

Когда я вернулся к отряду, команданте Бала разговаривал с каким-то крестьянином. Я узнал охотника Каинасу.

Бойцы МПЛА готовы к походу.

— Каинаса! — бросился я к нему.— Что с Нголой? Он жив?

— Жив,— спокойно произнес охотник,— никто из нас не пострадал.

Я отдал ему букварь Нголы, попросив передать его мальчику.

Семь лет спустя

Партизаны прогнали колонизаторов со своей земли. Ангола стала свободным, независимым государством.

Ангольские друзья пригласили меня в свою столицу Луанду на праздник. Улицы и здания были украшены флагами, лозунгами и плакатами. Совсем как у нас на Первое мая или на Седьмое ноября. Играла музыка.

Из многих стран приехали в Луанду гости.

Из Советского Союза тоже. Встретили нас тепло: ангольцы считают советских людей своими самыми верными друзьями, которые помогли им победить.

Вечером был праздничный концерт. Усадили нас на лучшие места.

Вдруг зазвучали горны, совсем как у нас во дворцах пионеров, и в зал вошли ангольские пионеры с букетами цветов. Пионерское знамя нес стройный курчавый юноша. И вдруг... я узнал Нголу! Это он шел со знаменем впереди пионерского отряда!

Пионеры подарили гостям цветы, потом спели пионерскую песню. Все в зале кричали: «Браво!» и «Молодцы!»

Когда Нгола скомандовал: «Смирно! Кругом! Шагом марш!» — и пионеры направились к выходу, я тихонько вышел из зала. В вестибюле пионеры окружили своего вожатого, моего друга.

— Нгола! — крикнул я.

Юноша обернулся. И бросился ко мне. Мы обнялись.

— Вы не забыли Нголу? — повторял паренек.

Потом мы долго бродили по улицам Луанды, и он рассказывал про свою жизнь. В школе он занимался очень хорошо, и когда прогнали колонизаторов, его направили в Луанду. Сейчас он в восьмом классе, состоит в организации Молодежь МПЛА, вожатый пионеров.

— А какие у тебя планы, Нгола? — спросил я.— По-прежнему хочешь стать команданте?

— Нет,— ответил Нгола.— Команданте — это, конечно, очень почетно. Но я буду учителем. Если отлично окончу школу, меня пошлют в вашу страну, в университет имени Патриса Лумумбы. Там мы обязательно встретимся.

— Буду ждать тебя, Нгола,— сказал я.— До встречи в Москве!

Рисунки А. БОРИСОВА.
Фотографии автора.

Петр ОПОЛЕВ

Кедровка

Осерчали, осерчали шишкари [1]:
«Ой, бедовая кедровка, не зорй [2],
За тобою, птица, гнаться только зря,
Не оставишь нам орехов, шишкарям».

Отвечала им кедровка: «Шишкари,
Я и рада вас была бы не зо́рить,
Но холодною, голодною зимой
Ни букашки, ни козявки никакой.
Если мне запас орехов не сберечь,
То придется мне, кедровке, помереть».

Но серчали, но серчали шишкари:
«Ой, бедовая, не то ты говоришь.
Вон ты ростом-то совсем невелика,
А орехов запасаешь три мешка!»

Отвечала им кедровка: «Шишкари,
Как не стыдно вам такое говорить?
Коль не буду сто кладовок я иметь,
То придется мне, кедровке, помереть.

У одной подкараулит колонок,
А в другую заберется грызунок,
Третью схватит твердой коркой снежный наст,
Не возьмешь в такой кладовке свой запас.

А какую позабуду я зимой,
Там потянется кедровник молодой,
Весь в нарядах из иголок голубых,
Затанцует на перинах моховых.

Не ругайтесь, не бранитесь, что зорю,
Я кедровники вам новые дарю».

И с кедровкой больше спорить не могли
И пошли в тайгу подальше шишкари.

А она с зарей по веткам прыг да скок,
В кедрах мечется проворненький комок.
Сто кладовок до зимы занять спешит,
Дотемна кедровка шишки шелушит.

---

[1] Шишкари — сборщики кедровых орехов.
[2] Зори́ть — разорять, портить.

Невыдуманные диалоги

НА УРОКЕ МАТЕМАТИКИ

Учитель. Ты решил задачу?

Ученик. Решил.

Учитель. Сколько зрителей было в зале?

Ученик. 63,5 зрителя.

Семиклассники,
с. Порек,
Кировская область.

НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учитель. Что такое интерьер?

Ученик. Это такая порода собак.

Надя и Таня,
г. Ленинград.

* * *

Учительница. Назови мне, Никита, однозначное и многозначное слова.

Ученик. Цветок — однозначное слово, цветы — многозначное.

Наталья Панкова,
с. Тичиль,
Камчатская область.

НА УРОКЕ ПРИРОДОВЕДЕНИЯ

Учитель. Из чего образуется облако?

Ученик. Из плохой погоды.

Лида Мормуль,
г. Симферополь.

НА УРОКЕ ИСТОРИИ

Учитель. Что такое феодальная лестница?

Ученик. По ней феодалы удирали при наступлении врагов.

Таня Попова,
г. Сыктывкар.

НА УРОКЕ ЗООЛОГИИ

Учитель. Чем питаются медузы?

Ученик. Они плавают в воде и охотятся за дичью.

Ирина Валуй,
г. Ленинабад.

НА УРОКЕ БИОЛОГИИ

Учитель. Расскажи о строении микробов.

Ученик. У них есть голова, туловище и тонкая оболочка.

Люда Вершинина,
с. Петропавловка,
Бурятская АССР.

НА УРОКЕ ФИЗИКИ

Учитель. Кто и как усовершенствовал трансформатор, изобретенный Яблочковым?

Ученик. Сотрудник МГУ Усагин. Он намотал изобретение Яблочкова на сердечник...

Е. Кочишма,
г. Минск.

Из школьных сочинений

«Лягушка вынимает из воды свой рот и глаза».

«Конь у Добрыни Никитича был увешан бляшками и полумесяцами».

«У чибиса на голове была шапочка-хохолок и яркие ножки».

«Витя-подпасок сторожил пастбище, чтобы оно не разбежалось».

«Владимир Дубровский в это время выращивался в кадетском корпусе».

«Гармонист прошелся по гармошке».

«На почте все почтальоны разделены на участки».

«Под Новый год так и хочется влезть в картину Шишкина «Зима».

Ведет
Н. РОСТОВЦЕВА.
Рисунки
Е. ШАБЕЛЬНИКА.

ПЕРВЫЙ РАССКАЗ В «ПИОНЕРЕ»

Сергей МАКЕЕВ

ОДИНОКИЙ ДЕЛЬФИН

Рисунки В. КОСТИЦЫНА.

К стеклу лепился мокрый снег и тут же таял, прочерчивая на матовой поверхности прозрачные дорожки. Сквозь них было видно, как море лениво вздымает волны, зализывая цепочку следов на песчаном берегу.

Для марта погода стояла отвратительная, курортники сидели по домам. А мне она нравилась.

Каждое утро, в любое ненастье, мы с Костей шли к морю.

Костя — мой дядя, брат отца. Это он позвал меня на весенние каникулы в Крым. Он скульптор. Каждую весну ездит на этюды.

Когда Костя пришел к нам и предложил эту поездку, я видел его второй раз в жизни. Я вообще плохо знаю родственников по отцу. А с тех пор, как отец ушел от нас, и вовсе не хотел с ним и видеться. Мама этого не одобряла. Она делала вид, будто ничего страшного в нашей жизни не случилось.

Я ей не верил.

А с Костей согласился ехать потому, что отец рассказывал о нем удивительные вещи. В молодости он увлекся авиаспортом, был членом авиаклуба, водил дружбу с изобретателями, сам конструировал и строил модели самолетов. Мечтал построить птицелет... Летал на планере, не раз падал, лежал в больницах. Ему едва за сорок, а ходит с палкой — левая нога не гнется в колене. В его мастерской рядом со скульптурами из гипса, глины и дерева встречались то кусок крыла от планера, то лопасть пропеллера. Эскизы и рисунки валялись в одной куче с чертежами.

— Жаль, что ты не нашел себя, — говорил он мне. — Попробуй заняться чем-нибудь всерьез, выдели что-то главное на всю жизнь. Хочешь, я научу тебя летать?

Да, я хотел летать. Но без мотора и винта, как Ариэль, одним усилием воли поднимать свое тело в воздух... Но то была фантастика, сказка. А в сказки я уже не верил. Мне их рассказали великое множество, и во всех побеждало добро.

Мы шли по берегу, как всегда — у самой воды. Пенистые языки волн подкатывались так близко, будто хотели лизнуть подошвы наших башмаков. Мы тихо разговаривали о разных пустяках, а из них незаметно рождались важные мысли. Я любил эти разговоры. Никто со мною так не говорил. В конце прогулки нам нравилось вспоминать, о чем у нас шла речь вначале...

Так вот, мы разговаривали о пустяках, когда заметили на берегу толпу ребят, человек двадцать. Они рыхлили землю под газоны на набережной и теперь сбежали к воде с лопатами в руках. Одни кричали, показывая на кого-то в море, другие бросали туда камнями.

Дельфин!

Таких маленьких я еще никогда не видел. Он медленно плыл прямо к берегу, не ныряя, едва шевеля хвостом, словно боялся каждого лишнего движения.

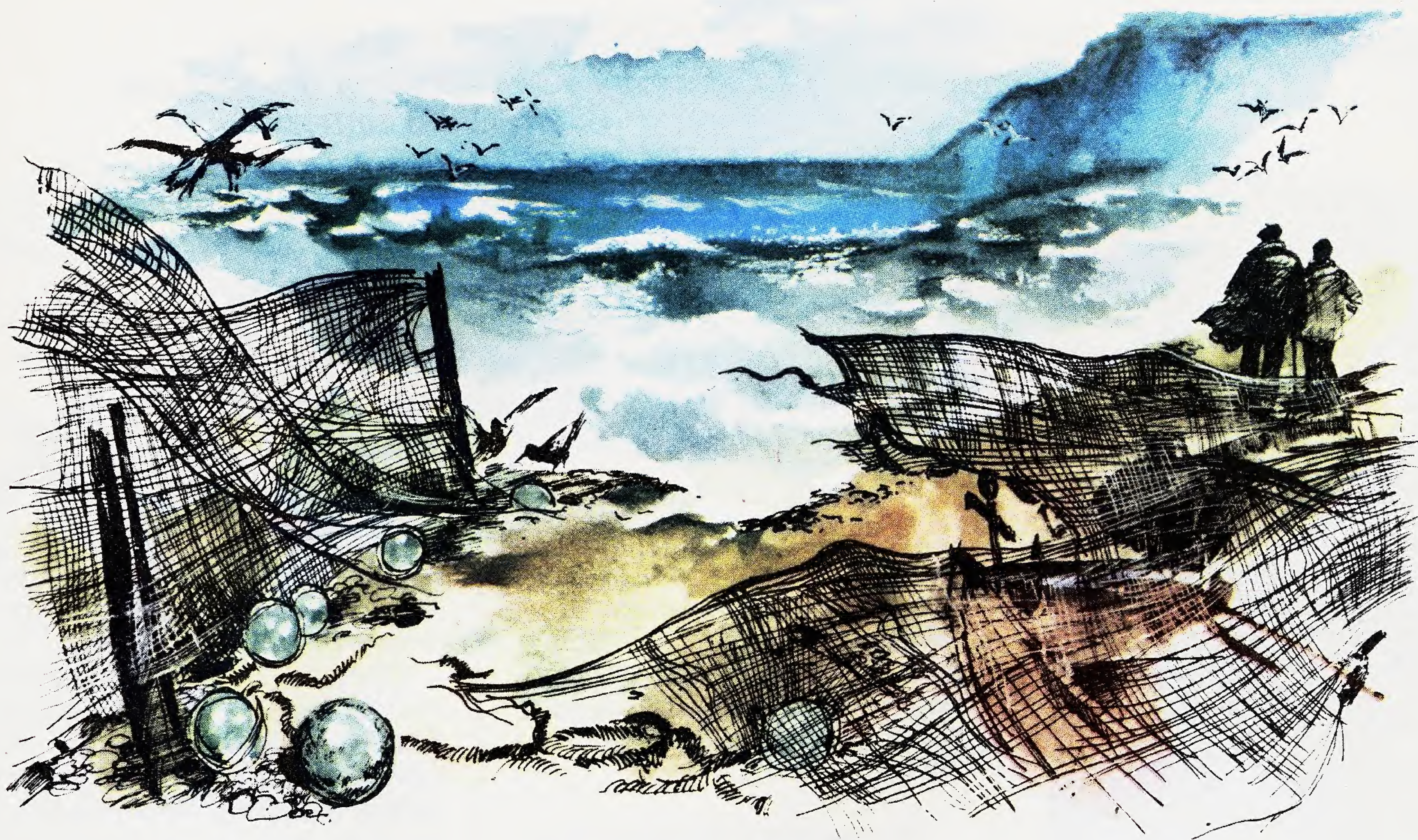
Камни падали все ближе и ближе к дельфину — ребята хотели подогнать его к берегу, не понимая, что он сам плывет за помощью.

И мы побежали. Костя тяжело дышал, взрывая палкой песок, и скоро отстал. Но мы напрасно спешили. Дельфин медленно повернулся и скрылся среди морских холмов...

Потом я ругался и вызывал на драку тех мальчишек. А они смеялись. А Костя плакал.

Ребята вернулись к своим газонам. Мы с Костей поплелись за город и сели на старом пирсе.

Давно не было мне так тошно. Я молчал.

Костя тоже. Ветер сшибал макушки волн, а они, злясь, поднимались все круче. Ветер рвался в разные стороны, как баскетболист, стремящийся к кольцу. Он задувал огонь, не давая Косте прикурить, пока тот не догадался зажечь спичку у меня за пазухой.

И вдруг я снова увидел в море черную спину с острым плавником: дельфин возвращался! Он плыл еще медленнее и вновь к тому месту, откуда его прогнали мальчишки. Но дельфин уже наскучил им. Опершись на черенки лопат, они смотрели на него издалека. Когда мы прибежали, дельфин покачивался на волнах метрах в десяти от берега.

Шло время. Волны били о берег и, словно маятник, отсчитывали секунды. Мне казалось, что вот-вот дельфин заговорит. Но он ничего не сказал и поплыл прочь.

Уже не помню, как я оказался в воде. Пришел в себя от холода. И от изумления: сперва из-за волн я не видел дельфина, но, когда поднял голову, оказалось, что он плывет мне навстречу! Вода доходила мне до плеч. Дельфин боком прижался к моей груди...

Я гладил его и говорил самые хорошие слова, какие только знал.

Это был детеныш дельфина, не больше полуметра длиной, упругий, как детский резиновый мяч. Только белое брюхо оказалось мягким и нежным. Гладя его, я разглядел рану возле хвоста. Я вышел на берег, достал из рукава своей куртки шарф и вернулся к дельфину. Шарф был шелковый и вполне годился для легкой перевязки. Осторожно перевязал дельфина и сказал:

— Прости, это все, что я могу для тебя сделать. Не обижайся на нас. Будь здоров!

И он уплыл.

Костя увел меня в нашу гостиницу, облепил горчичниками и целых два дня не выпускал из номера.

Перед самым отъездом мы познакомились со старым рыбаком. Он рассказал, что дельфины иногда попадают на рыбацкие крючки. Рыбаки их всегда осторожно снимают и отпускают обратно в море. Но бывает, что дельфины срываются сами и ранят себя... Наверное, и наш дельфин вот так же налетел на крючок.

— Как ты думаешь, зачем он плыл к нам? — спросил я Костю. — Помогла ли ему перевязка?

— Вообще-то от легких ран животные редко погибают, — ответил он. — Я думаю, дельфину просто нужно было услышать доброе слово...

— Сказки! — усмехнулся я. — Это только в сказках звери за добрым словом к людям ходят.

— А ты представь себя на его месте, — тихо сказал Костя. — Ты отбился от стаи, тебе больно. Ты обижен на людей, но все же идешь к ним...

Теперь, сидя у Кости в мастерской, мы часто вспоминаем нашего дельфина и мысленно просим прощения за все камни, брошенные в него.

После Крыма я начал рисовать. Чаще карандашом, иногда акварелью. Мне стали удаваться рисунки гипсовых моделей. С акварелью пока плохо. А как хочется, чтобы люди, глядя на мои рисунки, чувствовали то же, что и я. Костя говорит, это и у него не всегда получается. Он говорит:

— Не бери то, что лежит на поверхности. Ныряй глубже, пока дух не захватит.

Однажды мы смотрели мои рисунки, и Костя вдруг сказал:

— Знаешь, а ведь дельфин тоже здорово помог тебе. Это просто счастье, что вы встретились!

Не дадим в обиду!

Так называется выставка, которую мы сегодня открываем на страницах «Пионера». На выставке — ваши письма, рисунки, фотографии. Они очень разные, но объединяет их одна мысль, одно горячее желание — защитить, не дать в обиду тех, кто не может сам постоять за себя, меньших наших братьев.

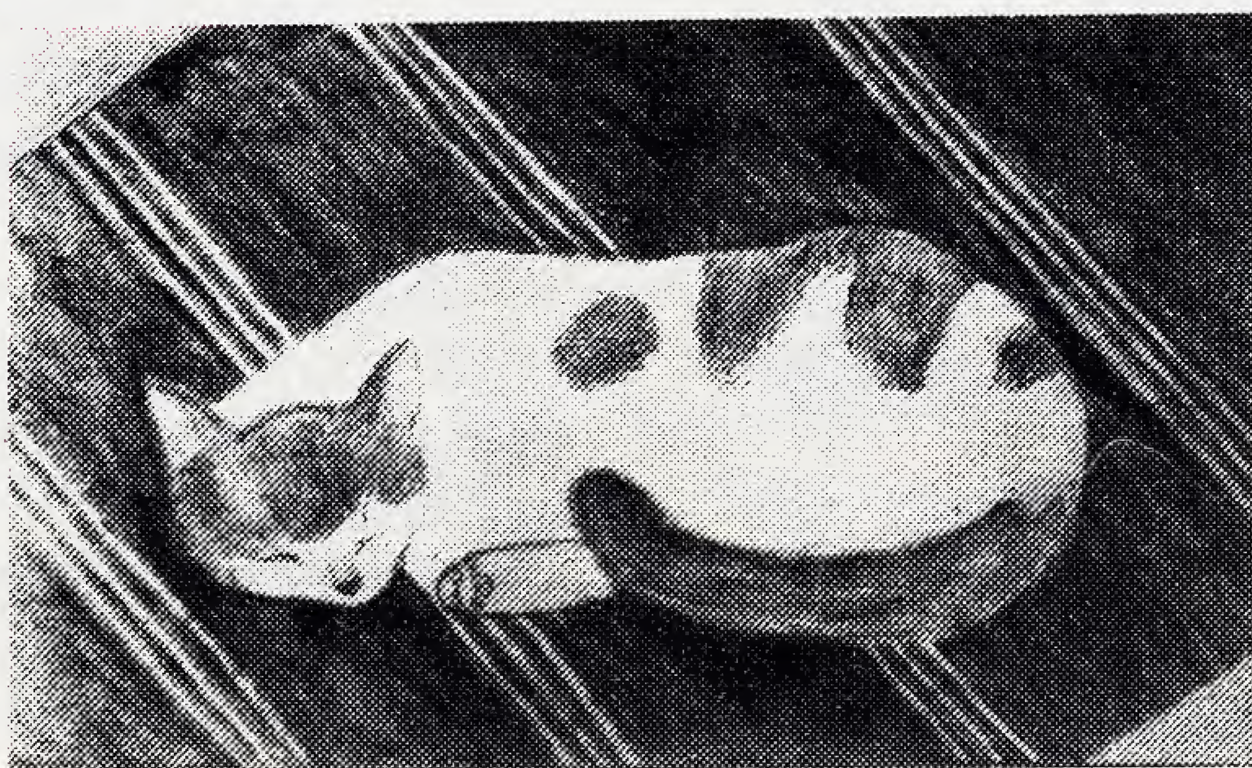
Этот снимок прислал пятиклассник **Олег Красильников** (г. Сарапул). Он мчался на велосипеде и едва успел свернуть в сторону, чтобы не задавить птенца, видно, выпавшего из гнезда на дорогу. Это был воробей, еще желторотик. Он не умел летать, а скакал. Олег взял его домой, поселил на подоконнике, приспустив шторку. Сперва желторотик не ел, не пил и только клевал Олегу палец. Потом осмелел, стал ловко ловить мух. На снимке, сделанном папой, Олег прощается с воробушком.

Подбитых воробьев вылечили и выпустили на волю еще и **Света Лыжина** (Шадринск), **Люда Шарманова** (Магнитогорск), **Ната Короткова** (Москва).

Еще совсем недавно из леса возле деревни Малиновка жадные руки уносили на продажу охапки ландышей. Сейчас, сообщает нам **Таня Сабирова** (Москва), ландыши взяты под охрану ребятами из школы № 58.

На рисунке **Оксаны Тарковой** (с. Коркино, Тюменской области) ее любимая кошка Умка. Умка спит. Так же сладко спят в тепле и уюте бывшие беспризорные котята — Черноух у **Талгата Есеркигенова** (п. Троицк, Актюбинской области), кот Мот у **Гали Павловой** (с. Покровка, Актюбинской области), Степка у **Лены Шепетовой** (г. Горький), Муся у **Иры Мироновой** (г. Темиртау), Мурка у **Нади Семукиной** (с. Починки, Пензенской области) и кот Малыш, над которым издевались хулиганы, у своей спасительницы **Иры Мироновой** (Тбилиси).

Еще маленькой **Анжелика Бухтина** (Саратов) помогла маме посадить березку, а сейчас, по словам Анжелики, «русская красавица с зелеными косами смотрится к нам в окна четвертого этажа».

Скорую помощь покалеченным березам оказали **Галя Бурилова** с подругой **Олей** (Пермь), **Лида Андреева** (Рязань), **Таня Власова** (Нижний Тагил). Березки живы-здоровы и, как пишут девочки, «приветливо машут нам ветвями».

Особенно много пришло к нам на выставку писем про собак. Но сегодня мы расскажем только о Пирате, Мухтаре, Инге и Дунае — бывших беспризорных щенятах, которых взяли к себе **Люда Рычагова** (совхоз «Ромашки» Волгоградской области), **Марина Барановская** (п. Харлу КАССР), **Света Кузнецова** (Актюбинск), **Лада Дунаева** (Конаково). Пирата бросили в реку, Люда спасла его. «Тогда у него глаза были как щелочки,— пишет она,— а сейчас он большой, ему полгода. Думаю, если мне будет трудно, Пират выручит меня».

Мы уверены, что так же поступят по отношению к своим хозяйкам Инга, Мухтар и Дунай. Известна собачья верность. Но особенно велика привязанность беспризорной собаки к тому, кто вернул ей жизнь, дом, ласку и веру в человека.

Сестры **Вероника** и **Оля Худины** (г. Гурьевск) шли по берегу реки Урал и уви-

В Москве проходила Первая городская выставка детского плаката и рисунка по охране природы.

Перед тобой плакаты московских школьников с этой выставки.

Плакаты «Он маленький...» нарисовали С. Борошко, И. Докучаев, «Берегите природу!»—С. Ильина, «Остановите!» — Н. Карцева.

дели сеть, в которой запутались шесть чаек. На пляже никого не было, но девочки знали, что так ловят птиц некоторые ребята из их школы. Сестры освободили чаек, отнесли домой птиц, у которых были поранены лапки. Чайки жили у девочек, пока не выздоровели. «Теперь чайки совсем ручные,— пишут Оля и Вероника, — прилетают к нам на балкон. А хулиганам, которые приманивают чаек на хлеб, здорово досталось от наших одноклассников, которым мы все рассказали».

«Не все ребята знают, что жаба наш друг, и бросают в нее камни»,— пишет нам **Марина Нефедова** (г. Иваново). Попасть в беднягу легко, она плохо прыгает. «Охраняйте жабу, и она будет охранять ваш огород от насекомых-вредителей»,— пишет Марина.

Таня Рогачева (г. Новая Ладога) заметила на огороде у дедушки молодой стволик дикой яблони. Видно, кто-то обронил семечко, и оно взошло. Чтобы деревце не загубили, когда будут копать картошку, Таня пересадила его в безопасное место, поливала, подкармливала. И выросла у Тани красивая дикая яблонька с пышной листвой. Вот что еще пишет Таня: «Пусть моя яблонька не записана в Красную книгу, но если человек любит природу, он не допустит, чтоб деревце погибло».

Гуля — так назвала своего воспитанника турпана (нырковую утку) **Лена Матвеева** (с. Цальга, Бурятия). Лене принесли щупленького птенца, который не умел брать мух из рук. Но, когда Лена посадила его в тазик и набросала мух в воду, турпан сразу же их проглотил.

Гуля подрос, стал красивым, перья у него блестели, когда он прогуливался по двору. Осенью над двором кружились дикие турпаны, и Гуля сбежал на улицу. Лена попробовала загнать его домой, как гонят домашних гусей, но Гуля почувствовал волю. Разбежался, взмахнул крыльями, полетел догонять стаю. Счастливого ему пути!

Саша Тимофеев со своими товарищами по голубому патрулю (г. Приозерск, Ленинградской области) охраняет рыб. Руководит голубым патрулем учительница географии. За хорошую работу юные помощники инспекторов рыбнадзора были награждены фотоаппаратом ФЭД и грамотой, которую подписал Юрий Сенкевич — известный всем ребятам и своими путешествиями и как ведущий телевизионного Клуба кинопутешествий.

Мы горячо поздравляем ребят. Как знать, может, в будущем кто-нибудь из них сам отправится в далекое путешествие и увидит океан.

А что сделал ты? Кого удалось защитить тебе? Кому из меньших наших братьев ты помог? Наша выставка «Не дадим в обиду!» работает постоянно. Ждем ваших писем, рисунков, фотографий, рассказов о животных и растениях...

Яне ПОПЛАВСКОЙ одиннадцать лет, но она уже знакома многим кино- и телезрителям по фильмам «Фантазии Веснухина» и, конечно, «Красная шапочка». Недавно Яна снялась в новых фильмах, которые называются «Примите телеграмму в долг» и «Суета сует». Мы попросили нашего корреспондента **Ольгу Михайлову** встретиться с юной московской школьницей.

Корреспондент. Скажи, Яна, как тебе удается так много работать в кино и на телевидении, учиться в шестом классе английской школы и заниматься музыкой?..

Яна. А я еще очень люблю бальные танцы и плавание. С седьмого класса начну учиться французскому языку и играть на гитаре. Пока я просто люблю, чтобы было много дел. Но все-таки, если честно, у меня есть одна тройка — по математике.

Корреспондент. А когда ты снималась в первый раз?

Яна. Первая роль была совсем маленькая, в фильме «Помни имя свое». Говорили — все хорошо. Вышел фильм, мы с мамой пошли в кинотеатр. Я смотрю, а меня в фильме нет. Все вырезали. Я очень плакала и сказала, что больше никогда не пойду сниматься.

Только когда мне уже было восемь лет, я снялась в фильме «Фантазии Веснухина». Из-за съемок пропустила всю первую четверть, потом пришлось догонять. Но ничего, в первом классе это было еще не так трудно.

А в «Красной шапочке» я снялась, когда мне уже было десять лет. На съемках был такой случай: мы снимались под Минском, стояла ужасная жара. Нас отпустили со съемок, и мы пошли к реке. Там у берега стоял плот. Я на него забралась, и вдруг он отплыл от берега. Я перепугалась — ну, думаю, сейчас мне влетит от режиссера. А броситься в воду не могла — я тогда плавать не умела. Подтащили меня шестами к берегу, а режиссер кричит: «Как тебе не стыдно, а если бы ты утонула?! Ты же себе сейчас не принадлежишь!»

Когда съемки закончились, дядя Леня (я так называю Леонида Алексеевича Нечаева) говорит мне: «Для моей следующей картины мне нужна девочка тринадцати - четырнадцати лет, ты должна вырасти и волосы отрастить».

Стала я срочно расти.

Ездила я как-то к дедушке в Черкесск, и меня пригласили второклассники в школу. Один мальчик меня спрашивает: «Вам сейчас одиннадцать лет, а когда снимались в «Красной шапочке» было десять. Вас, наверное, для съемок укорачивали?» Я рассмеялась и объяснила, что нет, просто я так сильно выросла за один год. Но ребята все равно не поверили, сказали, что это «тайны кино»...

Корреспондент. А какой твой любимый предмет в школе?

Яна. Люблю русский язык и литературу, люблю писать сочинения. Мои любимые писатели — Чехов и Бунин, а поэты — Есенин и Лермонтов. Раньше я хотела быть ветеринаром, потому что очень люблю животных. С моим хомячком Машкой я снималась в «Фантазиях Веснухина», а с кошкой Джулькой — в «Будильнике».

На добрую память и с наилучшими пожеланиями моему любимому журналу „Пионер" от его читательницы Яны Поплавской - „Красной Шапочки"

Яна

Неужели я лишняя?

Я учусь в пятом «А» классе. Первый, второй и третий классы проучилась в классе «Б», а потом меня перевели в «А».

Вот уже почти два года я учусь в этом классе, но у меня до сих пор нет ни одной подруги.

Очень плохо, когда у тебя нет друга. Я не могу его найти, потому что все считают себя «старожилами», еще с первого класса сдружились группами, а я лишняя.

Как мне хочется иметь друга!

Света КОВАЛЕНКО,
г. Суржа, Курская область.

От песни светло на душе

Хочу рассказать вам про свое любимое занятие — я люблю петь. Раньше я петь не хотела, а теперь не могу жить без песни.

Мне очень нравится кружок, в котором занимаемся я и мои подруги. Не все новички, пришедшие в кружок, остаются. Не уходят только те, кто по-настоящему очень любит петь.

В прошлом году мы выступали в Доме культуры на смотре самодеятельности. Девочки пели в хоре, а я была запевалой. Мы заняли первое место.

А какие у нас концерты! Знаете, как страшно выходить на сцену, когда на тебя смотрят сотни глаз. Но потом увлечешься и забудешь об этом. После концерта мы не расходимся, идем во Дворец пионеров и обсуждаем там свое выступление.

А если бы вы знали, как интересно разучивать новые песни...

От песни всегда светло на душе. Никогда не расставайтесь с песней.

Лена ПИСКОВА,
г. Сокол, Вологодская область.

Где вы, рыцари?

Когда у нас в классе появляется книжка о рыцарях, мальчишки ее из рук рвут. Восхищаются смелостью рыцарей, тем, как благородно они относились к женщинам.

А когда предложишь им: «Давайте и мы с вами будем по-рыцарски относиться к девочкам»,— они пугаются: «Что ты, засмеют!»

А кто засмеет? Тот, кто кричит из-за угла: «Жених и невеста, тили-тили тесто»? Если хоть раз проводишь девочку до дома, сразу же появляются надписи: «Миша + Ира = любовь».

Но ведь это глупо!

Я же знаю, что многие мальчишки мечтают дружить с девочками.

А если вы спросите, почему я, мальчик, пишу так, я твердо отвечу: «Потому, что я уважаю девочек!».

Миша ШТОЛЬЦ,
г. Чирчик, Ташкентская область.

Пламъче

9 сентября в Болгарии в тридцать пятый раз отмечают национальный праздник, День Свободы.

«Пламъче» — так называется журнал, который выходит в городе Софии для твоих ровесников, болгарских ребят. Читатели часто присылают в «Пламъче» свои стихи. Некоторые из них напечатаны в нашем «Кораблике». На русский язык их перевел поэт Леонид ЯХНИН.

Симеон КЁСЕВ живет в Софии, ему 11 лет.

Памятник в горах

Над горой метель завыла.
Слышен ветра визг.
Ель собою заслонила
Белый обелиск.

Здесь лежит советский воин,
Тот солдат-герой,
Кто от смерти все живое
Заслонил собой.

Гроза

Молнии ломаются
Вспышками летучими —
Облака сражаются
Саблями сверкучими.

Дождь поля стегает.
Вспышки бьют в глаза.
Нас не испугает
Летняя гроза.

*

Ралица ИЛИЕВА живет в поселке Сливо поле, учится в седьмом классе.

С мамой

В окно заглянула звездная ночь,
Звезды увидели маму и дочь.
Мама склонилась над детской кроваткой —
Спится при маме спокойно и сладко.

Утро в мое заглянуло окно.
Мама проснулась и встала давно.
Солнце ко мне прикоснулось лучами,
И я потянулась к маме руками.

*

СТРОЙКА НА НАШЕЙ УЛИЦЕ.
Рисунок Нади ПЕНЧЕВОЙ. Наде 13 лет, живет она в городе Преславе.

Стихотворения Аси АСЕНОВОЙ, восьмиклассницы из Софии.

Воздушные змеи

Доброе солнце за морем проснулось,
Утренним светом над нами блистает,
И в синеглазое небо взметнулась
Змеев бумажных шумящая стая.

Змеи воздушные — легкие птицы
Вместе с веселыми мчат облаками.
Ветер послушный за ними стремится,
И дети им снизу машут руками.

Моя любимая учительница

В тот день раздавался привычный звонок.
И начинался обычный урок.
Но почему же нет для меня
Лучше, счастливее этого дня?

Она улыбнулась, ее рука
К моим волосам прикоснулась слегка.
Я ощутила заботу и ласку,
Как будто попала я в добрую сказку.

СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ. Рисунок Пламенки ЯНКОВОЙ из города Габрово. Ей 13 лет.

Эти стихи сочинила Стоянка ЧОБАЛИГОВА, восьмиклассница из села Виноградец Пазарджишского округа.

Первый снег

Пестрые птицы на юг улетели.
Грустные ветви отшелестели.

Солнце на небе все реже смеется.
Ветер в трубе завывает и бьется.

Вдруг налетела белая мгла
И тишиною на землю легла.

УМА ПАЛАТА

Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой.

За добычей!

Игры Лупы и Пинцета

Отправляйтесь за добычей
Отыщите шесть различий.
Докажите, что у вас
Смелый ум и острый глаз!

Пинцет.

Мне очень нужен помощник, который мог бы быстро читать зашифрованные тексты. Надеюсь, среди вас есть такие?

Чтобы испытать себя, беритесь за перо. Вот записка, на ней написана фраза. Из каких слов она состоит? Буквы для составления слов можно брать справа, слева, сверху, снизу, только не по диагонали и только один раз. Соедините слова линией, узнаете, что я о вас думаю.

Капитан Перо.

РАЗ! ДВА! ТРИ!

Игры деда Буквоеда

1. □ Р А З □
2. □ □ Д В □ □ □ А
3. □ Т Р И □
4. Р А З □ □ □
5. □ Д □ В А □ □ □ □
6. Т □ □ □ Р И □
7. Р А □ □ □ З
8. Д В □ □ □ □ □ А
9. Т □ Р И □ □
10. □ Р □ □ А З
11. □ □ Д В □ □ □ □ А
12. Т □ □ □ □ Р □ И □
13. □ □ □ □ □ □ Р А З

«Раз» состоит из слов,
«Два» — небольшой засов,
«Три» над рекой парит,
«Раз», рот раскрыв, стоит,
«Два» на лугу растет,
«Три» ты берешь в поход.
«Раз» — не спеша читай,
«Два» поднимает лай,
«Три» у костра сидит.
«Раз» на доске висит,
«Два» на виду у всех
Лишь наступит ночная мгла,
В «три» есть наборный цех.
«Раз» — на игле игла!

Дед Буквоед.

Кто победит?

Последние сообщения с острова Зезе!!

На острове Зезе
Устроили турнир
Четыре шимпанзе
Ди, Биби, Вик и Гир.
На столько мест отстал
От Гира бедный Ди,
На сколько Вик
Стоит над Биби впереди.

Вик не был первым. Нет.
И не был Ди вторым.
Но если мы теперь
Все данные сравним,
То сможем дать ответ
(И это интересно),
Кто в шахматной борьбе
Какое занял место.

Живживка.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 8

ИГРЫ ДЕДА БУКВОЕДА

Пони и яки: Понедельник, зяблик, заповедник, дворняжка, подосиновик, ягненок, пончик, якорь, плотник, клякса, проводник, краковяк.

Пять лягушат. Места распределились так: Ба, Ви, Дну, Гну, Аг.

ИГРЫ ЛУПЫ И ПИНЦЕТА

Драгоценная коллекция. В коллекции 118 марок (52 + 66).

КАПИТАН ПЕРО ИЩЕТ ПОМОЩНИКА

Похищена гинея! Ее похитил Ик.

СОДЕРЖАНИЕ

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Редактор отдела оформления А. М. ГРИШИН.
Технический редактор Е. Г. ЕВДОКИМОВА.
Макет Ю. Л. РОДИНА.

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 212-14-17.
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 30.06.79.
Подписано к печати 01.08.79. А 01096. Формат 84×60$^{1}/_{8}$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9.
Тираж 1 510 000 экз. Изд. № 2039. Заказ № 882.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

ПРИЗ «ПИОНЕРА» — В МАГНИТОГОРСКЕ

В донецком городе Антрацит прошел одиннадцатый финал Всесоюзных соревнований клуба «Белая ладья». Этому решающему турниру предшествовали соревнования по всей стране. В них участвовало около миллиона мальчиков и девочек.

Среди участников финальных соревнований было немало сильных и спо-

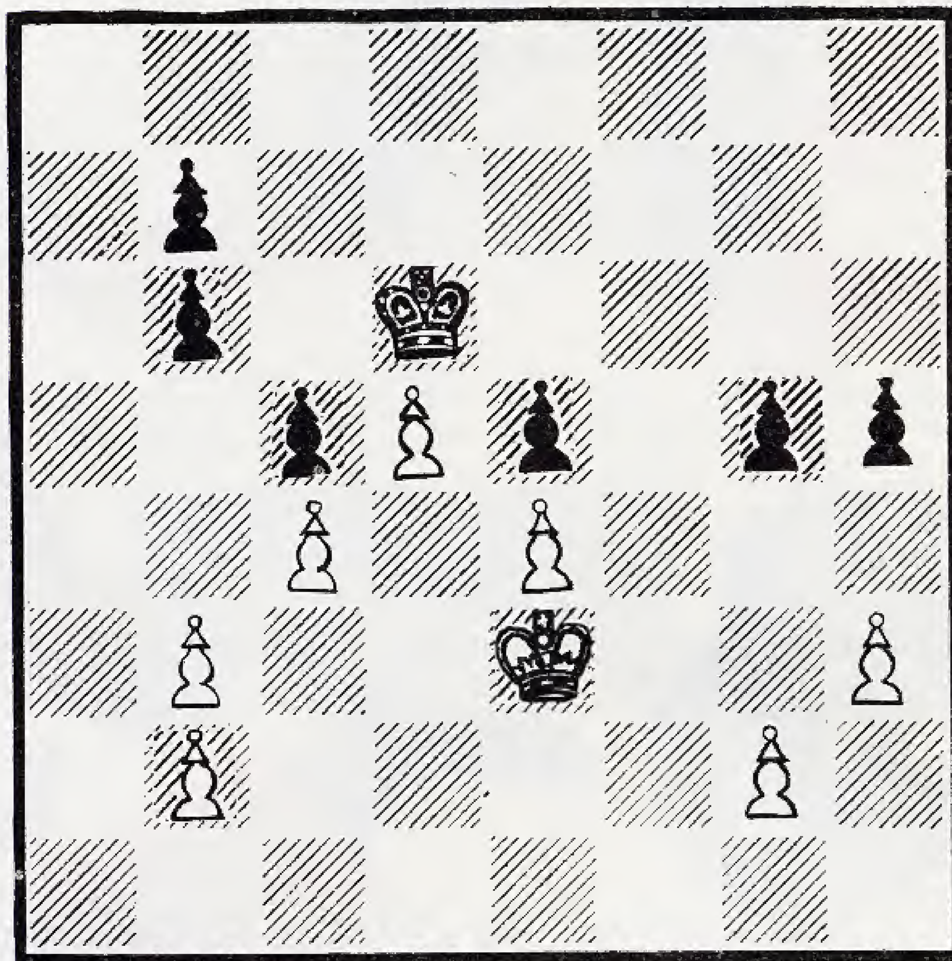

Диаграмма № 1

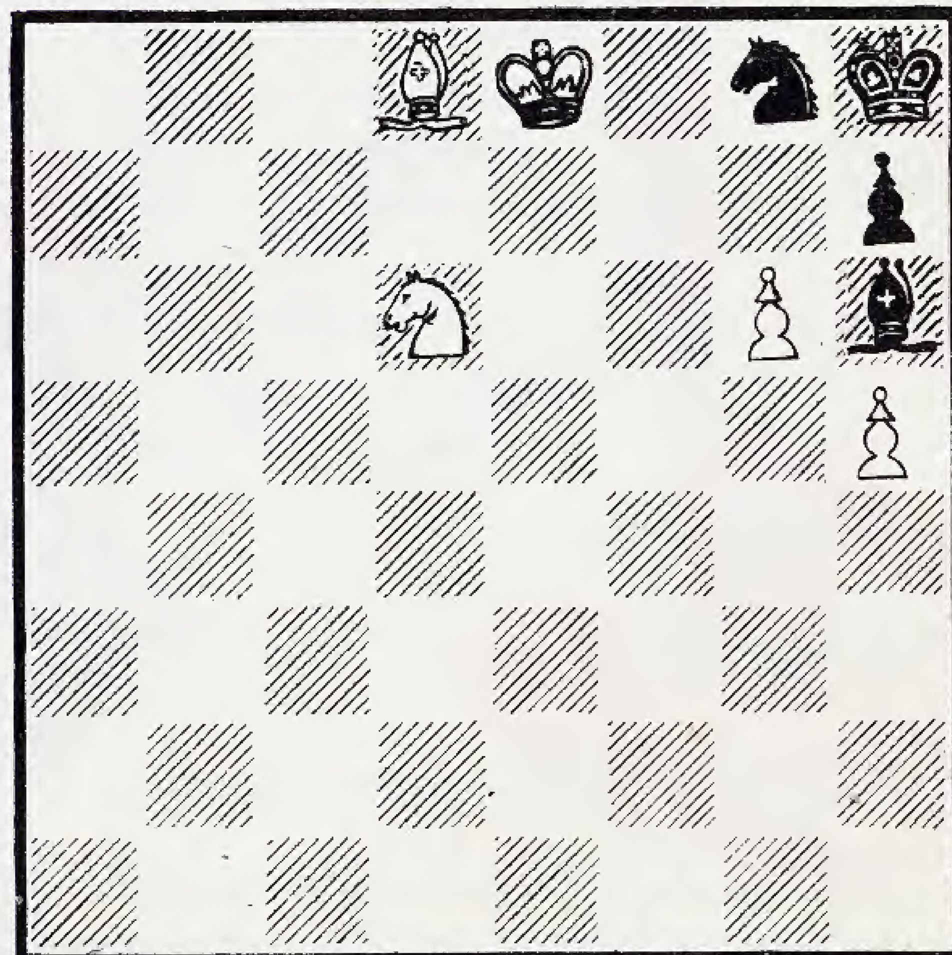

Диаграмма № 2

Алеша Иванов.

собных шахматистов и шахматисток, четыре кандидата в мастера, тридцать восемь перворазрядников, множество второразрядников.

Экс-чемпион мира Михаил Таль правильно сказал: «Сейчас невозможно стать сильным шахматистом, минуя турниры «Белой ладьи».

Перед началом соревнований ребят приветствовал из космоса Владимир Ляхов, который в юности жил в этом городе и был шахтером. А участники турнира послали приветствие экипажу орбитального комплекса «Салют-6» — «Союз-34».

Так впервые в своей истории «Белая ладья» вышла на космическую связь.

Борьба рыцарей шахмат была острой и упорной. Переходящий приз нашего журнала завоевала дружная команда шестнадцатой магнитогорской школы. В состав команды входили Ильдар Шахисламов, Александр Ведяшев, Олег Афанасьев, Ринат Ахмадулин, Лариса Ковбан. Их тренер — кандидат в мастера Леонид Николаевич Плисконос.

Второе место заняли ребята из восьмой волгоградской школы, на третьем месте — команда пятнадцатой кутаисской школы.

Лучшие личные результаты у Димы Брянского из Киева, Сережи Харькина и Олега Ефремова из Волгограда, Ильи Смирина из Витебска, Рината Ахмадулина из Магнитогорска и Ирмы Абзинаидзе из Кутаиси.

Пешкин предлагает своим друзьям разобрать интересную партию, в которой белыми играл **Александр Кнанешвили** из Кутаиси, а черными — самый юный участник соревнования, девятилетний **Алеша Иванов** из Ленинграда. У Алеши уже второй спортивный разряд.

(Диаграмма № 1)

У белых лишняя пешка, и казалось бы, успех им обеспечен, но Алеша нашел отличный выход из этого трудного положения.

Игра продолжалась так: 29... b6—b5!

Неожиданная и смелая жертва второй пешки. Черные хотят «запломбировать» ферзевый фланг ходом b5—b4.

30. c4 : b5?

Белые решили, что все кончено, и сделали плохой ход. Но правильно было 30. b4!, встречной жертвой прорывая оборону черных.

Рассмотрите варианты, которые могут возникнуть в этом случае. Найдите, как белые могли добиться победы.

30... b7—b6 31. Kpe3—d3 Kpd6—d7 32. Kpd3—c4 Kpd7—d6 33. Kpc4—d3.

На 33. b4 черные ответили бы 33... cb 34. Kp : b4 Kpd7, и у белого короля нет путей для вторжения.

33... Kpd6—d7, и вскоре соперники согласились на ничью.

Вот кто завоевал нынче приз «Пионера».

ПОПРОБУЙТЕ РЕШИТЬ

этюд, составленный Р. Григорьяном (Баку). Как, начиная игру, белые добиваются победы?

(Диаграмма № 2)

Сражаются рыцари шахмат.

Звенят звонки

Музыка Ю. ЧИЧКОВА,
заслуженного деятеля искусств РСФСР.

Слова О. БЕЛИКОВА,
лауреата премии имени Н. Островского.

Сколько радостей, сколько тревог
Снова дарит нам школьный звонок;
Нам по классам шагать вместе с ним
Десять лет, десять весен и зим.

ПРИПЕВ:
Звенят разноголосые звонки
От Дальнего Востока до Карпат,
И снова в школы, будто ручейки,
Волнуясь, наши сверстники спешат.

Знаем — детство нельзя повторить,
Дружбы школьной вовек не забыть,
Не забыть нам родных этих стен,
Небольших и больших перемен.

ПРИПЕВ.

Будет самый последний урок,
Будет грустный прощальный звонок,
Но он радостно станет опять
Первоклассников новых встречать.

ПРИПЕВ.

В темпе вальса

Цена 25 коп. Индекс 70694.